

Дарестанские народные сказки

Дагестанские народные сказки

Пересказала для детей
Наталья Капиева

Художник Юрий Николаев

Д 4803000000—300 436—90
М101(03)91

ISBN 5—08—001491—1

© Наталья Капиева. Пересказ для детей. 1991
© Юрий Николаев. Иллюстрации. 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пока живёт человек,
будет жить и сказка.

К. Паустовский

Пёстрый мир сказки, как бы ни был он причудлив и странен, всегда таит в себе черты подлинной жизни народа, создававшего эту сказку. Многие поколения вкладывают в сказку свои мечты и надежды, рассказывают в ней о родной природе, о своём труде, своих горестях и радостях.

По сказкам народов Дагестана, как и по сказкам других народов, можно узнать, чем примечательна страна, где их слагали, каковы обычаи и нравы её обитателей.

Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика лежит на юге нашей Родины. Если ехать из Москвы, Дагестан слева встречает Каспийским морем, справа — горами... Горы долго будут сопровождать путника, то почти подступая к самому берегу моря, то уходя от него вдаль.

Дагестан — Страна гор. «Даг» значит гора, «стан» — страна. У берегов Каспия горы невысоки, и очертания их мягки, спокойны. Это ещё не сами горы, это лишь вестники, гонцы тех великанов, что плотным строем встали в глубине страны. Это предгорье. И зелёнопенные валы моря Хвалынского (так в старину звали Каспий) чудесно гармонируют с этими округлыми застывшими каменными валами невысоких гор... Но два-три часа на машине — и горы берут вас в плен своих теснин, узких, как щели, глубоких пропастей, скалистых утёсов.

Всё здесь грандиозно, всё вздыблено и тянется к небу. И когда исполины горы чуть раздвинут громады плеч, образуя плато или котловину, они не становятся ниже, они только как бы расступаются, уходят ввысь уступами гигантских каменных лестниц, окутанных в ясные дни радужно-голубой дымкой. Горы снежные, в блеске ледников, горы

цвета лужёной меди, красновато-сизые, или вовсе серые, графитные. «Как перья взъерошенных сов», — сказал о них писатель П. Павленко.

На дне тёмных пропастей гремят в высокогорном Дагестане быстрые, строптивые реки. Они дают электроэнергию Дагестану и его соседям. Перо золотой птицы, озаряющее ночь сиянием, воплотилось из сказки в быль. Даже в самых дальних, заброшенных в поднебесье селениях горят по ночам созвездия электрических огней.

Герои дагестанских сказок живут на невыдуманной земле. Странствуя, они «переваливают через семь ближних гор и одну дальнюю», «минуют три долины и пять ущелий». Враги сбрасывают смельчаков в бездонные пропасти, а они благодаря своей смелости и смекалке благополучно выбираются оттуда, из бездны, на белый свет, к ясному солнцу. Герои прокладывают в горах дороги, переправляются через бурные реки, добывают для своего народа огонь, отвоёвывают источники воды, борются со страшными чудищами, в которых олицетворены злые стихийные силы природы... Основу всем сказочным сюжетам давала подлинная история страны гор.

Дагестанские аулы (так называют здесь селения) издавна строились по склонам гор, ближе к речным долинам, ближе к солнцу. Издали аул, построенный на горе, похож на многоярусную башню. Дома-сакли стоят по склону друг над другом, и плоские их кровли образуют как бы уступы этой башни. Кровли часто служат для хозяев маленькими двориками. На кровлях сушат зерно, играют дети, женщины занимаются шитьём. Здесь же можно увидеть прыгающего козлёнка, стожок сена... Но рядом с саклями теперь в аулах всё чаще возводятся новые, современные дома под железными или черепичными крышами, с просторными застеклёнными балконами, высокими окнами.

По пути в Южный Дагестан лежит на берегу моря старинный город Дербент, знаменитый тысячелетней крепостью. Так грозны каменные башни этой крепости, так мощна кладка её высоких стен, что она и сегодня поражает воображение, словно вышла из давней-давней сказки, и кажется, что вот-вот вырвется из её сводчатых ворот, вот-вот проскачет на битву храбрец в среброкованой кольчуге.

А на равнинах у Каспия аулы раскинулись совсем привольно. Сакли здесь не высятся ярусами одна над другой, а выстроились в ряд вдоль просторных улиц. Вокруг селений шумят поля пшеницы, кукуруза клонит тяжёлые початки. Есть где разгуляться трактору, комбайну...

Столица Дагестана — город Махачкала. Название её означает «Крепость Махача» и дано в память выдающегося дагестанского революционера Махача Дахадаева. Город прильнул к морю. Если подняться на гору Тарки-Тау, у подножия которой построен город, можно увидеть,

какой он большой, как красиво, широко раскинулись по взморью его многоэтажные белые кварталы.

Дагестан называют Страной гор. Но часто его называют так же Горой языков. Рассказывают такую легенду. Скакал по земле в незапамятные времена всадник и вёз в своих дорожных сумках-хурджи́нах множество языков и наречий для народов разных стран и раздавал их по дороге. Когда он переваливал через дагестанские горы, сумки у него вдруг нечаянно развязались, и посыпались из них разные языки вперемешку... И поэтому в Дагестане люди живут в двух соседних аулах так близко, что рукой подать, а друг друга понять не могут.

Конечно, это только легенда. И есть в ней лукавая усмешка. Но легенда рождена жизнью. В Дагестане и в самом деле живут разные народы и говорят они на десятках различных языков. Есть даже такие аулы, где свой собственный язык, на котором объясняются только жители этого аула. Например, кубачинцы, жители знаменитого аула Кубачи — родины искусных оружейников и ювелиров.

Но у всех дагестанцев давно уже есть общий язык; им стал язык Пушкина, Ленина, Толстого — русский язык.

Наиболее многочисленные народы Дагестана — аварцы, даргинцы, лезгинцы, кумыки и лакцы.

До Октябрьской революции народы Дагестана не знали, что такое школа, где учат на родном языке. У них не было развитой печатной литературы.

Оттого и были особо любимы и почитаемы в горах, в крестьянской сакле песня, сказка, пословица, притча — мудрое устное слово.

Октябрь зажёл в горах светочи новой культуры. Теперь дагестанские дети учатся в школах по учебникам на родном языке, читают книги своих писателей. В Дагестане выходит ежегодно много новых книг, печатается несколько газет, есть свои журналы, журнал для детей «Соколёнок», своё телевидение, радиовещание. Есть свой университет, филиал Академии наук, несколько высших учебных заведений, театры, музеи, библиотеки. Имена дагестанских писателей: Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Эфенди Капиева, Расула Гамзатова, Рашида Рашидова, Фазу Алиевой, Ахмед-Хана Абубакара, Нуратдина Юсупова — известны всей нашей стране.

Хотя народы Дагестана говорят на различных языках, они — единая семья и связаны многовековой дружбой. Вся их жизнь, история, культура, быт во многом родственны. Это отразилось и в сказках.

Конечно, дагестанские сказки разнообразны. Почти в каждой из них есть какая-нибудь примета, по которой можно определить, кем, каким народом сложена сказка. В лакской сказке «Гунун и Царица ветров» великаны молотят на току не пшеницу, не ячмень, не рожь, а золото и

самоцветы. Почему? На первый взгляд очень странно! А когда знаешь историю народа, это можно объяснить. Именно среди лакцев в прошлом было много кустарей — серебряных дел мастеров, златокузнецов, ювелиров. И вот они-то, бедняки, создающие дорогие затейливые украшения для богатых, а сами живущие в нужде, так щедро принесли в мир сказки всякие драгоценности: пусть их у всех будет много, как зёрен на току!

Итак, отличия есть. И всё же в разноязычных дагестанских сказках больше общего. Схожи по характеру, по духу герои сказок. Храбрый, умный, сострадающий чужому горю пастух из кумыкской сказки «Друзья пастуха» во многом схож со смельчаком джигитом — любящим и заботливым сыном из аварской сказки «Три брата и Шах-девица». Хитрый Байбурак, также из кумыкской сказки, своей находчивостью и удалью сродни юноше-храбрецу из аварской сказки «Морской конь».

Сказки всех народов Дагестана полны гнева, насмешки над жестокими угнетателями-ханами. Одинаково метко разоблачают и высмеивают бездельников, тунеядцев и лезгинская сказка «Раздел по-божески» и лакская — «Находчивый мельник».

У всех народов Дагестана много сказок о животных, много забавных историй о лисе и волке, зайце и ослике. В образах волка, лисы нередко можно узнать всё тех же ненавистных народу ханов, богачей. Хан-лис в даргинской сказке «Куклухай» — воплощение жестокости, лживости, коварства.

Чаще же всего лиса в горских сказках (как и в сказках многих народов мира) — обманщица, плутовка. Волк, как и подобает волку, кровожаден и зол. Но в то же время он подчас и глуп. Он такой простофиля, что в лакской сказке «Глупый волк» его обманывает даже маленький козлёнок.

Живя веками в дружбе и родстве, народы Дагестана складывали сказки, схожие между собой. Обменивались своими сказками, заимствовали их друг у друга. Сказка «Пять гусей», например, известна и в аварских, и в даргинских, и в кумыкских аулах.

Внимательный читатель дагестанских сказок найдёт в них сходство со сказками русскими и европейскими. В аварской сказке «Красавица Езензулхяр» звучат отголоски пушкинской сказки о царе Салтане («Три девицы под окном пряли поздно вечерком...»). В лакской сказке «Медвежонок» не трудно узнать мотивы «Золушки» Перро. Аварский Назнай чем-то напоминает гриммовского Храброго портняжку. Всё это естественно. Заимствования, сходство сюжетов говорят о культурных, исторических связях народов не только близких, но порою и географически далёких друг от друга.

Любимый герой дагестанских сказок — смелый и сильный юноша.

Он бесстрашный воин, ловкий наездник, меткий стрелок. Чаще всего это бедный человек, младший сын у отца. Храбрости и ума ему не занимать. Он побеждает страшного змея ашдага, свирепую старуху Карт. Из трёх дорог он всегда выбирает самую трудную. Он добр, щедр, охотно спешит на помощь тому, с кем струсилась беда. Он любит труд и не стыдится, если его усы запорошит мучная пыль.

Сказки, помещённые в этой книге, и множество других живут и сегодня в дагестанских аулах.

Сказки звучат в устах народа. Как и всюду на свете, горские ребятишки слышат их от бабушек, дедушек и мам. Они пленяют своей мудростью, блеском фантазии и западают в память на всю жизнь.

Чем же заслужила сказка такую любовь и признательность? Почему живёт и помнится?

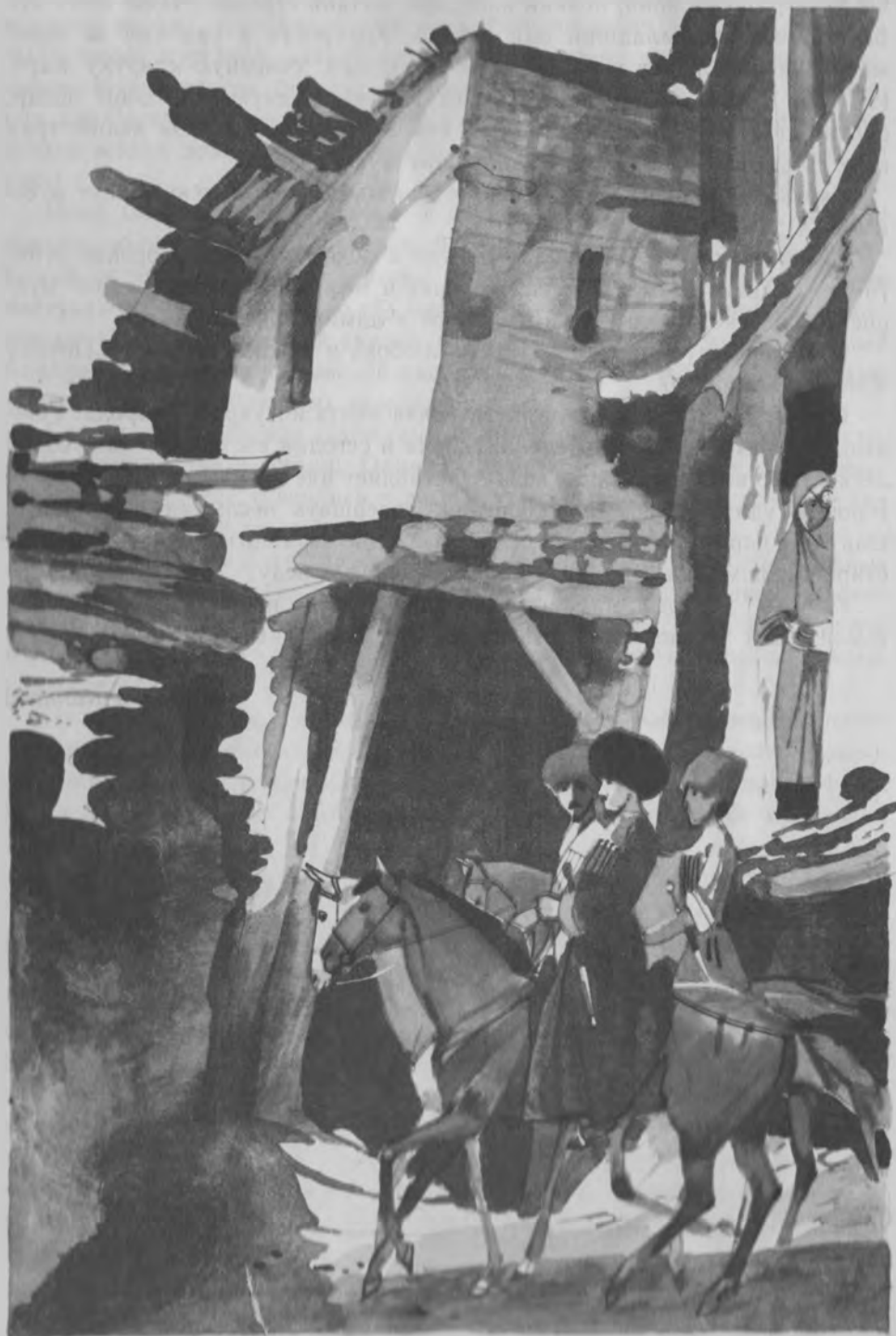
Потому, что сказка — это поэтическая мечта и мудрость народа. Рождённая в незапамятные времена, сказка и сегодня восхищает волшебной лёгкостью своей выдумки. Сказка заставляет нас переживать вместе с её героями удивительные приключения, совершать неслыханные подвиги. Она учит дорожить родиной, оберегать её, не страшиться труда, уважать старость, помогать слабым и тем, кто попал в беду.

Победа доброго над злым, правого над неправым, света над тьмой — вот что вечно живёт, что дорого нам в сказке.

Наталья Капиева

МОРСКОЙ КОНЬ

Жил в давние времена человек, и было у него три сына. Каждый день приходили они рано поутру к отцу узнать, здоров ли он, не нужно ли ему чего-нибудь.

Вот раз пришли они и увидели его в великой печали.
— Что с тобой, отец?—спросили сыновья.—Огорчили тебя дурные вести или беда какая случилась? Отчего ты такой невесёлый?

— Не было дурных вестей и беды со мной тоже не случилось,—ответил отец.—Не даёт мне покоя сон, который видел я в эту ночь. Снилось мне, что взошло над морем солнце, а вслед за ним выплыл на морской берег снежно-белый конь. В один миг обежал он трижды вокруг земли и снова канул в море, а вслед за ним на дно морское упало и моё сердце. С того часа, как увидел я этот сон, не мил мне стал дом наш и весь свет. Хочу добыть этого коня!

— Успокойся, отец!—сказали сыновья.—Мы пойдём за этим чудом и добудем его или не вернёмся.

Они вскочили на коней и поехали.

В полдень третьего дня очутились братья на перекрёстке трёх дорог и увидели камень, на котором были высечены такие слова: «Кто пойдёт направо—будет жив. Кто пойдёт налево—тоже будет жив. Кто прямо пойдёт—или счастье найдёт, или сам пропадёт».

Старший брат поехал по правой дороге, средний повернул налево, а младший погнался напрямик.

— Зачем ты едешь по этой опасной дороге?—закричали братья.—Поезжай с нами!

— Нет,—ответил тот.—Будь что будет... Если погибну, расскажите отцу, как расстались.

И поскакал, не оглядываясь, по прямому пути.

Ехал он, ехал... Ехал днём, ехал ночью, оставил позади бурные реки, перевалил через одну нашу гору и через две чужие, миновал три долины и пять ущелий, а тропинкам и счёт потерял. Наконец доехал до дремучего леса.

Плутал он в этом лесу день, плутал неделю, плутал месяц, плутал год, но ни следа человеческого, ни жилья, ни выхода из леса найти не мог.

Голод и жажда измучили его, одежда на нём изнасилась и висела клочьями, конь его пал, а боевой меч покрылся ржавчиной.

И вот когда юноша уже совсем отчаялся, он увидел на земле след человеческой ноги. Только нога та была удивительная: длиной в три аршина¹, шириной в аршин. Юноша не побоялся, пошёл по следу.

Лес перед ним расступился, и он вышел на большую поляну, посреди которой стоял дворец до самого неба.

Юноша вошёл во дворец и увидел великаншу, старуху Карт, которая дремала у очага. В одно мгновение подбежал он к ней и коснулся губами её груди — в знак того, что хочет быть её сыном.

— Ну и хитёр же ты! — сказала старуха Карт. — Теперь, по нашему обычаю, ты стал моим названным сыном, — а я — твоей матерью. Не сделай ты этого, пришлось бы тебе худо. Откуда ты и что тебе надо?

Юноша рассказал ей о снежно-белом коне.

Старуха Карт задумалась:

— Такой конь действительно есть. Это конь Морского шаха, что живёт на дне моря. Каждый день с восходом солнца выплывает конь на сушу, в один миг трижды обегает вокруг света, купается по пути в молочном озере, валяется на белом песке и снова уходит под воду... Там, на морском берегу, где резвится он, стоит чинара. Она так высока, что достигает вершиной до самого неба, а на вершине её висят золотое седло и серебряная уздечка. Кто поймает морского коня и наденет на него эту сбрую, тот и будет ему хозяином...

Старуха Карт накормила юношу, дала ему одежду, оружие, доброго коня и показала дорогу к морю.

Ехал он долго, ехал он трудно, ехал днём, ехал ночью.

¹ Аршин — старинная мера длины, равная 71,12 см.

Приехал наконец на берег моря, снял с чинары золотое седло и серебряную уздечку, вырыл в песке яму и спрятался в ней.

До восхода солнца он не сомкнул глаз. Когда стало светать и солнце поднялось из-за тихого моря, юноша увидел, как вслед за солнцем выплыл из морской пучины снежно-белый конь.

Вмиг обежал тот конь трижды вокруг земли, искупался в молочном озере и стал валяться на белом песке.

Вскочил тогда юноша на коня и обвинил руки вокруг его шеи.

Морской конь подпрыгивал до самых облаков, а потом ударялся о берег. Земля дрожала под его копытами, но юноша не разводил рук и только теснее прижимался к шее коня. Так длилось до глубокой ночи...

— Ты победил! Теперь я твой навеки, — сказал наконец конь человеческим голосом. — Оседлай меня, надень уздечку, и я повезу тебя, куда ты захочешь.

Юноша оседлал коня золотым седлом, надел на него серебряную уздечку и сказал:

— Отвези меня к моему отцу!

Вдруг среди ночи стало светло как днём. Юноша спросил:

— Что это светится?

Они поехали на свет и увидели на маленькой поляне золотое перо, сверкавшее подобно солнцу.

— Какое красивое перо! — воскликнул юноша. — Взять его или нет, как ты думаешь?

— Не возмёшь — пожалеешь. Возмёшь — раскаешься, — ответил ему морской конь.

— Уж лучше взять да каяться, чем не взять и жалеть, — сказал юноша.

Поднял перо, воткнул его в шапку, и они отправились дальше.

Вскоре они увидели большой город, которым правил Кривой шах. Крепкие стены окружали город, и все ворота были закрыты на ночь.

Конь напился из родника у городской стены и попросил:

— Пусти меня на траву. А когда понадобится, кликни только — и, хоть буду я за семью горами, мигом явлюсь к тебе.

Юноша отпустил коня, спрятал перо в карман, накрылся

буркой и уснул, как человек, который не спал шесть ночей.

А жители того города, увидев, что ночь вдруг стала светлой, как день, а потом опять потемнела, бросились к Кривому шаху и рассказали ему об этом чуде.

Кривой шах испугался ещё больше, чем его подданные, и велел поставить на городской стене сто дозорных. Всю ночь не сомкнул он глаз от страха.

Едва стало светать, Кривой шах выслал на разведку отряд всадников, вооружённых, как для битвы. Они увидели юношу, разбудили его и повели во дворец.

— Тебя нашли спящим у городской стены,— сказал шах.— Не знаешь ли ты, что это сияло сегодня ночью, словно солнце, а потом вдруг погасло?

— Знаю!— сказал юноша и вынул из кармана золотое перо.

Руки у шаха затряслись от жадности. Он схватил перо и велел спрятать его в свою сокровищницу.

— Теперь принеси мне птицу, которая уронила золотое пёрышко!— закричал шах.— Я хочу владеть этой птицей!

— Пошли своих слуг, о шах!— ответил юноша.— Я тороплюсь домой. Меня ждёт не дожждётся отец...

— Ты просто трус!— И шах в ярости затопал ногами.— Ты трус, и глашатаи мои прокричат об этом по всему свету! Обиделся юноша.

«Постой же,— подумал он,— покажу я тебе, какой я трус!»

Пришёл юноша в поле, стал звать морского коня.

Откуда ни возьмись, вырос перед ним снежно-белый конь.

— Что ты так печален?— спросил конь у хозяина.

— Пообещал я Кривому шаху поймать птицу, которая уронила золотое перо, да не знаю, где её искать.

— Не печалься,— сказал морской конь.— Было бы всё у нас и впредь так же легко... Помнишь озеро, где я купался?

— Помню,— ответил юноша.

— У Морского шаха есть три дочери,— продолжал конь.— Каждый день превращаются они в голубей и прилетают купаться в этом озере. Пёрышко, которое мы с тобой нашли, уронила из своего крыла младшая дочь... Ты притаись в кустах на берегу. Когда морские царевны прилетят купаться и сбросят на песок оперение, возьми оперение младшей, спрячь за пазуху. Девушка будет плакать, но ты

не отдавай ей оперение, и тогда она пойдёт за тобой всюду...

Обрадовался юноша, сел на коня, и конь одним прыжком перенёс его к озеру.

Юноша спрятался в кустах и стал ждать. Наступил полдень, прилетели три голубя.

Вот они сбросили на песок золотое оперение и превратились в девушек-красавиц. А когда они вошли в воду, выскочил юноша из кустов и схватил оперение младшей дочери. Младшая дочь заплакала, но юноша не сжалился над ней и спрятал пёрышки за пазуху, как велел ему конь.

А две старшие сестры обратились в птиц и стали кружить над младшей.

— Сестрицы,— закричала младшая со слезами,— пришло время нам расставаться!.. Принесите мой сундучок с одеждой!

Не успел юноша оглянуться, как голубки прилетели с сундучком, бросили его на берег озера и взвились в синее небо.

Девушка оделась. Юноша вскочил на коня, посадил её позади себя в седло, и отправились они в путь.

— Куда мы едем?— спросила красавица.

— Мы едем к Кривому шаху. Он грозился ославить меня трусом, если я не приеду,— ответил юноша.

— Не хочу я к нему ехать!— закричала девушка.

— А я не хочу прослыть трусом!— возразил юноша.

И пока они так говорили, добрый конь уже прискакал к тому самому городу, где правил Кривой шах.

— Вот,— сказал юноша.— Теперь ты, шах, не посмеешь бросить мне, что я трус! Птица, роняющая золотые перья, перед тобой...

Увидел Кривой шах морскую царевну и захотел жениться на ней.

— Ты мне в деда годишься,— сказала морская царевна.— Был бы ты молодым, я бы ещё, может, подумала...

— Как же мне стать молодым?— закричал шах.— Научи меня!

— Вели выкопать за городом колодец глубиной в шестьдесят аршин,— сказала девушка,— наполни его молоком красных коров, искупайся в том молоке, и ты превратишься в юношу...

— Что за выдумки! Во всём моём царстве не найдётся столько красных коров!— рассердился Кривой шах.

— Вот возьми,— сказала красавица и бросила ему маленький красный платочек.— Пошли кого-нибудь вон на ту высокую гору. Пусть встанет там и махнёт этим платком.

Только поднялся человек на вершину высокой горы и взмахнул красным платочком, как с гор, с зелёных полян, из лесов и тысячи разных стран стали сбегаться к городу красные коровы. Пока морская царевна доила их, слуги шаха выкопали колодец глубиной в шестьдесят аршин и всё молоко вылили в колодец.

— Ну что ж, купайся!— сказала царевна.

Но Кривой шах испугался — колодец-то ведь был глубиной в шестьдесят аршин...

— Вот как! Да ты сам, оказывается, трус!— засмеялась красавица.

Обиделся Кривой шах на эти слова, прыгнул в колодец и, как свинец, пошёл ко дну. Там, говорят, он и до сих пор лежит.

А юноша попрощался с жителями города (очень они были рады, что Кривой шах утонул), сел на морского коня и поехал с морской царевной к отцу.

Ехали они не спеша и вот однажды остановились на ночлег в маленьком селе. Они были голодны, и юноша пошёл купить чурёки. Вдруг бедный человек, у которого покупал он чуреки, бросился обнимать его.

Это, оказывается, был старший брат, который поехал на-право. Он не нашёл коня, а вернуться домой с пустыми руками постыдился и жил теперь тем, что пёк и продавал чуреки.

Юноша купил старшему брату одежду, оружие, коня, и они поехали дальше уже втроём. Ехали не торопясь, дней не считая, и остановились в маленьком городке отдохнуть. Там встретили они среднего брата, который отправился по левой дороге. И он не нашёл коня и теперь жил тем, что продавал на базаре холодную воду.

Младший брат купил среднему одежду, оружие, коня, и уже вчетвером поехали они напрямик к отцовскому дому.

Но чем ближе подъезжали к родным местам, тем сильнее завидовали удачливому младшему брату неудачливые старшие братья и между собой потихоньку говорили так:

— Как будем мы дальше жить на свете? Как покажемся мы на глаза нашему отцу? Нет, нет! Надо как-нибудь

избавиться от этого мальчишки, и тогда конь и дочь Морского шаха достанутся нам.

— На нашем пути, я знаю, будет глубокая пропасть,— сказал старший брат.— Как станем подъезжать к ней, давай предложим этому нашему удачнику скакать на спор: чей конь быстрее. Его конь, конечно, вырвется вперёд и упадёт в пропасть.

На том и порешили.

Вот стали они подъезжать к пропасти, и старшие братья сказали младшему:

— Давай скакать на спор: посмотрим, чей конь быстрее.

— Вы что, шутите?— удивился юноша.— Мой конь может трижды в один миг обежать вокруг света... Как же вам тягаться со мной?

— Ничего!— отвечали старшие.— Зато мы увидим, как скачет твой конь.

И они поскакали.

Морской конь, звеня подковами, вихрем помчался к пропасти и остановился как вкопанный у её края. Юноша не усидел в седле и полетел головой вниз, в пропасть, а дочь Морского шаха свалилась наземь.

Кинулись братья ловить морского коня, но едва протянули к нему руки, как он уже скрылся из глаз.

Приехали старшие братья в родной город, заперли морскую царевну на замок и пошли к отцу.

На одну ложь громоздили они десять, на десяти строили сто, рассказывали ему о своей ловкости и удали.

— А коня, которого ты видел во сне, отец,— закончили они свой рассказ,— нет на свете. Не осталось такого места на земле, где бы мы ни искали его.

— Не надо мне коня! Скажите, где ваш младший брат? — спросил отец.

— Он поехал один по опасной дороге. Не послушался нас,— ответили братья,— и погиб, наверно, в пути.

Велико было горе отца. Он оделся в чёрные одежды, и все соседи оплакивали вместе с ним гибель отважного юноши. А старшие братья то и дело посылали свах к дочери Морского шаха, и каждая сваха расхваливала своего жениха.

— Пусть берегутся эти обманщики!— отвечала свахам царевна.— Я сама знаю, за кого выйду замуж!

И она смотрела в окно, у которого сидела целые дни, не сводя глаз с проезжей дороги.

Однажды рано утром дочь Морского шаха увидела наконец, как кружится вдали морской конь, грызёт удила и косит на неё огненным глазом. Она махнула ему рукой, и тотчас морской конь стал у неё под окном.

— Где твой хозяин?— спросила она.

— Ты же знаешь: свалился в пропасть,— ответил конь.

— Мы должны спасти его!— воскликнула дочь Морского шаха.

— Накинь мне на шею верёвку подлиннее,— сказал конь,— я вытащу его из пропасти.

У красавицы не было верёвки. Она обрезала свою золотую косу, свила из неё длинную верёвку и набросила на шею коню. В тот же миг конь очутился у пропасти и опустил золотую верёвку на самое дно. Юноша схватился за неё, выбрался на белый свет, сел на морского коня и поскакал в родной город.

А старшие братья, как услышали знакомый звон подков, пустились наутёк: один — на запад, другой — на восток, и до сих пор ещё, пожалуй, бегут.

Так храбрый юноша добыл своему отцу снежно-белого морского коня и женился на красавице — дочери Морского шаха.

Свадьба была очень весёлая! Дули в кожаную зурну́, били в медный барабан. Кто бы ни пришёл, уходил сыт и пьян. Говорят, и сейчас ещё пьют и едят.

ВОЛШЕБНЫЙ КОЛОДЕЦ

Жил-был некогда на свете некий хан, и была у него единственная дочь. Чёрствый сердцем, этот хан ненавидел нищих и никогда не подавал милостыню. А дочь его была мягко-сердечной и щедрой. Она плакала, когда гнали с ханского двора просящих подаяние, и говорила отцу:

— Неужто оскудеет твоя казна, если мы дадим неимущему грош, а голодному кусок хлеба? Неужто у нас во рту станет пусто, если угостим бедняка?

Отцу не по нраву были такие речи. Слушал он, слушал, а потом разгневался и сказал:

— Если ещё посмеешь мне перечить, я выдам тебя за первого попавшегося нищего. Посмотрим тогда: будет у тебя во рту пусто или нет.

Вскоре после этого зашёл на ханский двор юноша-нищий. Едва завидел его хан, схватился за палку. Но дочь, забыв об отцовской угрозе, попросила его:

— Отец, не гони бедняка! Если мы уделим ему крошку от нашего стола, мы не обеднеем!

Хан окончательно потерял терпение.

— Эй!— крикнул он.— Приведите осла!

Осла привели, и хан велел посадить на него свою дочь и выгнать её вместе с нищим юношей.

— Посмотрим теперь,— напутствовал он дочь,— будет у тебя во рту густо или пусто!

Юноша-нищий и ханская дочь полюбили друг друга с первого взгляда. Они решили пожениться.

— Всё бы ладно, да есть у меня одно горе,— сказал юноша.— Моя мать много лет не встаёт с постели, у неё

отнялись ноги... Оттого и хожу я, побираюсь, что не могу оставить её, уйти на заработки...

Привёз юноша ханскую дочь в горы, к небольшой пещере...

— Вот тут мы и живём!— показал он.

В пещере были голые стены, а на земле, на бедной подстилке, лежала больная старушка.

Рассказал юноша матери, как досталась ему в жёны ханская дочь.

— Что ж, сынок,— вздохнула старушка,— и мы не всегда были бедными. Твой отец был богатым купцом. Убили его разбойники, ограбили, оставили нас с тобой без гроша... Не горюйте, дети, были бы вы счастливы!

Теперь юноша мог оставить мать с молодой женой. Послала его мать к отцовскому другу, одному купцу.

— Проси,— посоветовала она,— пусть возьмёт тебя погонщиком верблюдов в свой караван и даст сколько-нибудь денег вперёд.

И юноша так и поступил. Нанялся к купцу погонщиком верблюдов, а купец дал ему денег для матери и жены.

— Будьте наготове,— распорядился купец,— я и мои товарищи через три дня кончаем снаряжать караваны.

И через три дня ушёл юноша с купцами в далёкий путь. Шли они так долго, что счёт дням потеряли, и вот однажды завиднелись впереди жёлтые пески. То была пустыня — страшное место для путников.

Остановились купцы у глубокого колодца на краю пустыни запастись водой. Расстелили на земле ковёр, и каждый бросил на него кошелёк с золотом. Такова была плата тому, кто полезет в колодец и добудет воду. Но все погонщики отказались. Колодец тот, оказывается, был не простой. Взять из него воду можно было, только спустившись глубоко вниз. А из тех, кто вниз спускался, обратно ни один не поднимался.

Подумал-подумал юноша и решился.

— Я полезу!— сказал он.— Будь что будет!

— Не надо!— уговаривал юношу отцовский друг.— Ты погибнешь! Подумай о своей матери...

— А без воды погибнем все,— отвечал юноша и, взяв бурдюки, спустился в колодец.

Когда набрали воды достаточно для всех караванов, бросили конец верёвки вниз, чтобы поднять юношу.

Но едва подняли его наполовину, как открылась в стенке колодца щель, и кто-то потянул юношу за руку в глубь подземелья.

В подземелье было светло. Там стоял хмурый, худющий — кожа да кости — человек, перед ним — черепаха; вдоль стен лежали тела бездыханных людей.

— Отпустите меня! — взмолился юноша. — Что дурного я сделал?! Отпустите, дома меня ждут старая мать и молодая жена.

Посмотрел худющий ему в глаза и говорит:

— Я задам тебе три загадки. Отгадаешь — отпущу с наградой. Не отгадаешь — останешься лежать, как те, кто до тебя сюда попал.

— Испытаю судьбу! — согласился юноша. — Давай свои загадки!

— Что на свете самое сладкое? — спросил худющий.

— Нет ничего слаще, чем губы любимой! — не задумываясь, воскликнул юноша.

Лицо у худющего посветлело, и сам он на вид стал вроде бы чуть потолще. А на панцире черепахи появилась трещина.

— Что на свете самое приятное? — загадал худющий вторую загадку.

— Сон рядом с любимой! — без запинки откликнулся юноша.

Тело худющего ещё чуть-чуть пополнело, на губах заиграла улыбка. А панцирь со спины черепахи упал на землю.

— Что на свете самое красивое? — такова была третья загадка.

— Та, которую любишь! — твёрдо сказал юноша. — Её лицо прекрасней всего на свете!

Тут черепаха встrepенулась и превратилась в красавицу-девушку. Не стало и худющего. На его месте стоял статный, высокий джигит.

— Мы любим друг друга, — сказал он юноше. — В ночь после свадьбы околдовал нас злой колдун. Своей преданностью любимой ты снял его заклятье. Пусть все без страха берут теперь воду из колодца! А мы вернёмся в родные места... Эй, пленники, проснитесь! Вы свободны! — крикнул он, и люди, лежавшие бездыханными, ожили и поднялись.

— У нас с ними иная, чем у тебя, дорога, — обратился

джигит к юноше. — А ты поднимайся наверх. — И он подарил юноше на прощанье два больших граната.

Вытащили юношу из колодца на белый свет. Поведал он своим спутникам о чудесах в подземелье, показал гранаты. Немало подивились купцы... Отдали юноше кошельки с золотыми и собрались уже было тронуться, как навстречу им из пустыни вышел другой караван, истомлённый жаждой в знойных песках.

— Поделитесь с нами водой! — умоляли встречные.

— Из этого колодца может брать теперь воду любой! — уверял их юноша.

Но те купцы не поверили. Они отдали ему кошельки, полные золота, чтоб только юноша достал для них воды.

Теперь он не был больше нищим. Всё своё золото и два граната он доверил караван-баш¹ встречного каравана и попросил вручить его матери и жене.

Вернулся тот караван-баши домой, принёс честно и деньги и гранаты двум бедным женщинам. Обрадовались они! Разломила дочь хана гранат, думала свекровь угостить, а гранат не зёрнами полон — отборным жемчугом.

Теперь, когда у них было золото и жемчуг, пригласила ханская дочь самых искусных лекарей, и они вылечили её свекровь. А потом решила ханская дочь построить к возвращению мужа дворец. Да такой, какого никто не видывал: чтоб один кирпич в нём был серебряный, другой — золотой, и так все кирпичи!

Возвела свой дворец на горе, напротив отцовских окон. Смотрел хан и дивился: кто это возводит такое чудо? Но сколько ни рыскали его посланцы, не могли узнать, чьих рук это дело.

Год минул. Три пролетело. Вернулся домой юноша с караваном. Вышли мать и жена ему навстречу — уже все в городе знали, что караван идёт! — повели его в новый дом. А он удивляется:

— Мы не туда идём! — говорит. — Наша пещера в другой стороне.

Ну, юноша тоже вернулся из дальних стран не с пустыми руками. Зажили они счастливо и богато. Прошло время, и жена попросила:

— Позови в гости моего отца!

¹ Караван-баш — начальник каравана.

Взял юноша подарки, отправился к хану.

— Только смотри,— наказала ему ханская дочь,— возвращаясь домой непременно самой короткой дорогой. У моего отца есть привычка: скажет — буду завтра, а сам возьмёт да следом и пожелует.

Вручил юноша хану подарки. Хан остался доволен: такого крупного жемчуга он и не видывал. Сказал:

— Приеду послезавтра!

А как юноша ушёл, тотчас велел оседлать скакуна и поехал вслед. Но юноша опередил его. Он возвращался самой близкой дорогой и к приезду хана был уже дома.

Встретили они с женой своего гостя на пороге дворца, дорогóй ковёр под ноги постелили, оказали почёт. Дочь свою хан не узнал, она закрыла лицо тонким покрывалом.

— Откуда у вас такие богатства?— дивился хан, разглядывая дворец.

— У того, кто щедр, во рту не бывает пусто!— ответила дочь.

Опечалился хан.

— Так всегда говорила мне дочка,— вздохнул он.— А я под горячую руку прогнал её за это. Где она теперь, узнать бы!

Откинула тогда ханская дочь покрывало и призналась отцу во всём. Обрадованный хан велел сыграть пышную свадьбу. Семь дней весь народ на той свадьбе гулял.

И я там был, плясал и пил. Проводили меня с подарками, да жаль, мой осёл в пути захромал... Халва из хурджинов по крошке высыпалась, бузá из кувшина до капли вылилась. Была ещё баранья ножка да полчурека — их голодные собаки отняли...

Сберёг я, правда, одну жемчужину из тех, что в гранате были... Дарю её вам! Берите — это моя сказка!

КРАСАВИЦА ЕЗЕНЗУЛХАР

Однажды поздним вечером чесали три сестры козью шерсть.

Беседовали они о том о сём, и старшая сказала:

— Если бы шах взял меня в жёны, я из мотка шерсти наткала бы ему столько сукна, что можно было бы одеть всё его войско.

— Если бы меня взял шах в жёны,— сказала средняя,— я бы одной меркой муки насытила всё его войско!

— А я,— сказала младшая,— родила бы ему сына с жемчужными зубами и дочь с золотыми кудрями...

А шах в это время стоял под окном и слушал их речи.

Женился он на младшей сестре и вскоре после свадьбы отправился на войну.

Время шло. Родила жена шаха близнецов: сына с жемчужными зубами и дочь с золотыми кудрями. Но старшие сестры возненавидели младшую и тайно отняли у неё детей, а в колыбель положили щенка и котёнка.

Послали они к шаху гонца с известием, что родились у его жены щенок и котёнок. А мальчика с жемчужными зубами и девочку с золотыми кудрями злые сёстры приказали бросить в крапивное ущелье. Слуга так и сделал.

Вернулся вскоре гонец от шаха с повелением: щенка и котёнка утопить в реке, а их мать выгнать из дворца и нарядить в ослиную шкуру. Пусть носит в знак позора.

Но мальчик с жемчужными зубами и девочка с золотыми кудрями не погибли в крапивном ущелье. Только слуга ушёл, к ним подбежала златорогая лань. Дала она им своего молока и с того дня кормила их, пока они не выросли.

А когда дети подросли, повела их лань за собой в чащу леса. Мало ли они шли, много ли, но пришли к прекрасному замку. В замке том не было ни души, хотя богатое убранство его было под стать шахскому дворцу. Стали брат с сестрой жить в замке. Брат ходил в лес на охоту, а сестра дома хозяйничала.

Однажды купалась девушка в ручье перед замком, и унесла вода её золотой волос. А ручей бежал в тот город, где жил шах—отец юноши и девушки.

Попал золотой волос вместе с водой в кувшин одной вдовы. Показала вдова золотой волос свояченицам шаха, которые в почёте жили при дворе. Как увидели сёстры золотой волос, тотчас догадались, чей он. Многое посулили они вдове, многое дали ей сразу в руки и сказали:

— У девушки, которая уронила этот волос, есть брат. И девушка, и брат её—наши враги. Придумай любую хитрость, пустись на любое коварство, но погуби этого юношу. А когда его погубишь—с девушкой справиться будет легко... И знай: мы не забудем твоей услуги!

Пошла вдова прямо вверх по ручью. Мало ли шла, много ли—добралась до замка в лесу и увидела там девушку одну-одинёшеньку.

По-змеиному шепнула, по-лиси молвила вдова:

— Как можешь ты терпеть такое одиночество, такую скуку! Хорошее случится, дурное станет, а тебе и рассказать некому! Твой брат должен найти для тебя забаву. На востоке, за двумя горами, которые друг о друга ударяются, растёт, слышала я от людей, чудесная яблоня. Сама с собой яблоня разговаривает. Говоря, в ладоши хлопает; в ладоши хлопая, приплясывает. Скажи брату, пусть принесёт тебе хоть одну веточку. Станет яблоня разговаривать, станет плясать—вовек не даст тебе соскучиться!

Ушла вдова, а девушка затосковала, расплакалась... Вернулся брат с охоты, девушка и говорит ему:

— Целый день ты в лесу да в лесу... Одну меня дома оставляешь. А как мне тебя дождаться, чем забавляться, ты и не подумал! Скучно мне одной-одинёшеньке!

— Чего же ты хочешь, сестра моя милая?

— На востоке, говорят, за двумя горами есть чудесная яблоня. Сама с собой яблоня разговаривает. Говоря, в ладоши хлопает; в ладоши хлопая, приплясывает. Принеси мне хоть одну веточку. С ней я вовек не соскучусь!

Сел юноша на коня, поскакал на восток. Много ли ехал, мало ли—приехал он к двум горам. То ударялись горы друг о друга, то расходились; то ударялись, то расходились—вот какие они были, эти горы! А за ними—яблоня. Сама с собой яблоня говорит. Говоря, в ладоши хлопает; в ладоши хлопая, приплясывает... И нет к ней другой дороги, кроме как меж двух гор.

Натянул юноша потуже поводья, пустил коня вскачь. Горы ударились друг о друга, хвост у коня отрезали, а всадник уже около яблони. Отломил юноша ветку говорящей яблони и, как только разошлись горы, погнал коня назад. Веточку на плечо закинул, домой поехал.

Прошло немного времени, и злые сёстры опять послали вдову к девушке. Выведать им хотелось: не случилось ли чего в замке?

Юноша на охоте был, а перед девушкой стояла яблоневая веточка. Сама с собой веточка говорила. Говоря, в ладоши хлопала; в ладоши хлопая, приплясывала.

И сказала хитрая вдова:

— Как можно такими пустяками забавляться? Не надоело ли тебе это? Девушка ты молодая, а подруги у тебя нет! Вот слышала я, за морем, в серебряном дворце, живёт красавица Езензулхár. Прекраснее её, умнее её нет в целом свете... Скажи брату, пусть женится на ней! Тогда у тебя будет подруга, и ты вовек не узнаешь, что такое скука.

Вечером вернулся брат с охоты, стала девушка плакать, стала жаловаться.

— Бросаешь ты меня одну-одинёшеньку,—плакала она.—Скачешь ты по лесу с утра до ночи. А мне уже надоела эта говорящая яблоня! Нет у меня подруги, пропадаю и от тоски... За морем, в серебряном дворце, живёт красавица Езензулхар. Женись на ней, и будет у тебя жена, а у меня сестрица.

Ни в чём не мог юноша отказать сестре—так он её любил! Доброе оружие взял, доброго коня оседлал и поехал.

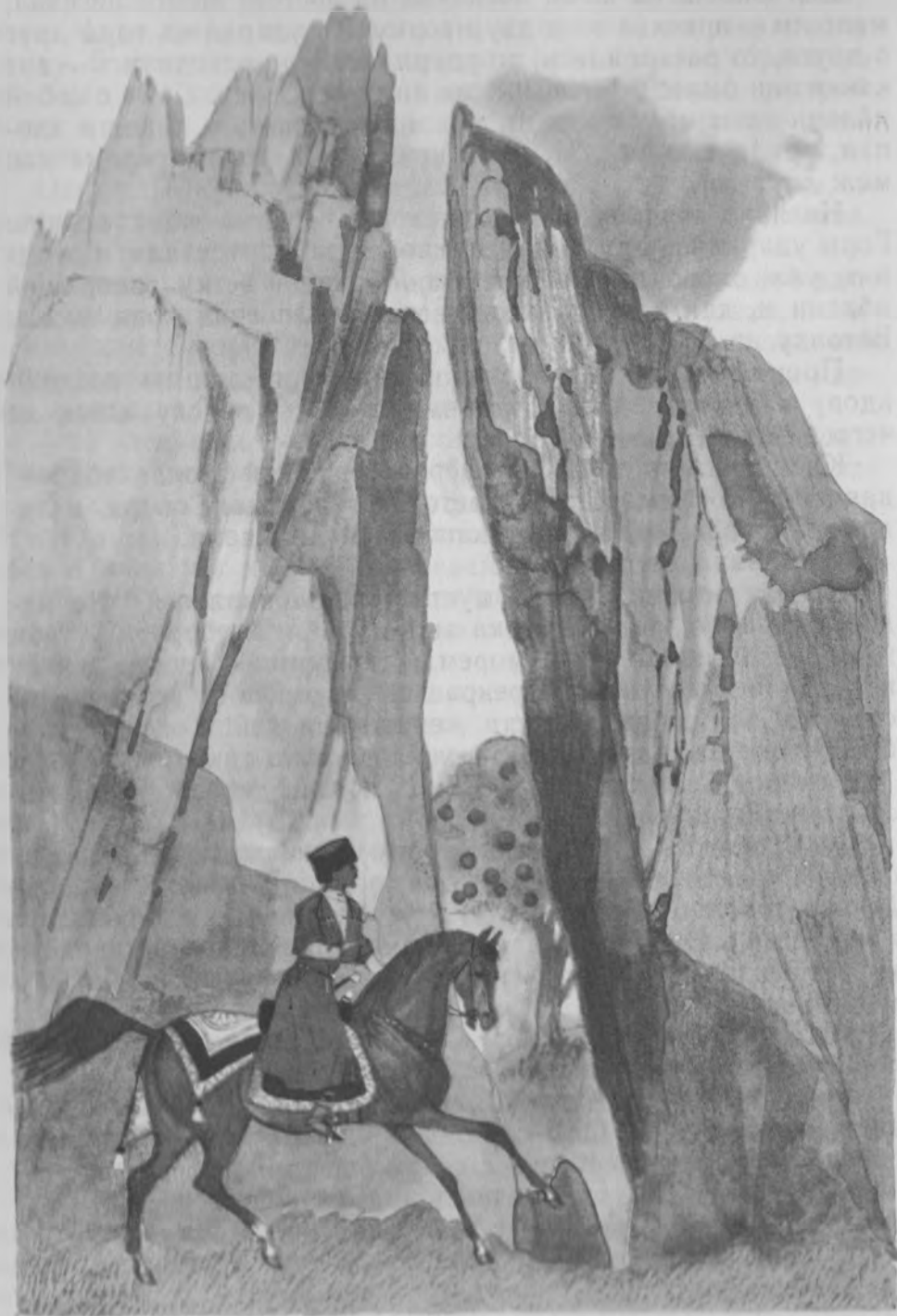
Ехал он, ехал. И ночью ехал, и днём... Много дорог позади оставил и увидел однажды: сидит мирно на пороге своей сакли старый старик с седой бородой.

— Привет тебе, отец!—поклонился юноша.

— Да будет счастлив твой путь!—пожелал старик.—Куда едешь, сын мой?

Юноша рассказал.

Нахмурился старик.

— Послушай, что я тебе скажу,— говорит он.— Поезжай ты лучше обратно. Много смельчаков ушло по этой дороге, но ни один не вернулся... Живёт Езензулхар в серебряных чертогах, окружённых морем. С берега надо окликнуть её. Если не выйдет она на зов, тот, кто её позвал, холодеет до колен. Если второй раз позвать и она не выйдет — до сердца холодеет человек. А если не выйдет и в третий раз — человек превращается в камень. Весь берег усеян там каменными всадниками...

— Прости, отец мой!— сказал юноша.— Долг младшего слушать советы старших... Но всё же пойду я по пути смельчаков! Они пытались победить Езензулхар, попытаюсь и я.

Ехал он, ехал. Мало ли ехал, много ли, но увидел наконец серебряные чертоги Езензулхар.

Берег моря был весь усеян каменными всадниками, но не испугался, не дрогнул храбрый юноша.

— Езензулхар!— позвал он громко.

Не вышла Езензулхар, и похолодел юноша до колен.

— Езензулхар!— позвал он снова.

Не вышла Езензулхар, и похолодел юноша до сердца.

— Езензулхар!— позвал он в третий раз.

Но и на этот раз не вышла Езензулхар. Похолодело у юноши всё тело, окаменел он, как и те смельчаки, что пришли сюда раньше его...

А сестра ждала брата, всё думала о нём, места себе не находила. Месяц прошёл — не видно брата. Два прошло — не едет брат. Третий на исходе — не вернулся брат.

Опоясалась девушка верёвкой, взяла железную палку, надела стальные башмаки и пошла на поиски.

Шла она, шла. Много ли, мало ли шла, отдыха не знала, не ела, не пила. Встретила наконец того мудрого старика с седой бородой. Мирно сидел он у порога своей сакли.

— Куда путь держишь?— спросил старик.

Рассказала девушка.

— Твоего брата Езензулхар давно уже превратила в камень,— молвил старик.— И не только твоего брата, а всех смельчаков, которые сватались к ней... Но их можно оживить. Нужно только, чтобы Езензулхар хоть на миг показалась из своего дворца... Ты, как придёшь на берег моря, позови её раз и другой. Если не выйдет она, крикни в третий раз так: «Неужто ты прекрасней меня, златокудрой, что так

гордишься?» Тогда не утерпит Езензулхар и выйдет из своего дворца.

Поблагодарила девушка старика и пошла дальше. Увидела она на берегу моря окаменевшего брата и горько заплакала. Потом собралась с силами и закричала громко:

— Эй, Езензулхар, выходи!

Не вышла Езензулхар, и похолодела девушка до колен.

— Выходи, Езензулхар! — позвала она снова.

Не вышла Езензулхар и на этот раз, и похолодела девушка до сердца.

— Неужто ты прекрасней меня, златокудрой, что так гордишься? — закричала тогда девушка.

И тотчас вышла Езензулхар.

— Кто эта златокудрая? — спросила она.

Ожили тут все окаменевшие храбрецы, и самые славные богатыри назвали юношу своим старшим братом, а его сестру — своей милой сестрицей.

Села Езензулхар в золотую лодку, приплыла к берегу.

— Этот юноша — наш старший брат, — сказали ей богатыри. — Он и его сестра вернули нас к жизни. Выходи за него замуж!

Согласилась Езензулхар, и женился на ней юноша. Целый месяц не умолкали барабаны и зурна! А потом увёз юноша Езензулхар со всеми её несметными богатствами к себе в замок. По пути заехали они к мудрому старику, что давал им добрые советы. Попросили они его стать для них отцом и взяли его с собой. А все ожившие богатыри и смельчаки провожали новобрачных до самого дома, потом пожелали им счастья и поехали каждый к себе на родину...

Стал юноша по-прежнему каждый день ходить на охоту, а сестра его с Езензулхар дома хозяйничали и никогда не скучали.

Возвращался однажды юноша с охоты и встретил множество всадников. Они сбились с дороги и блуждали в лесу. То был шах. Он охотился со своими придворными.

Пригласил их юноша к себе в замок, устроил пир, а наутро проводил из лесу, показал дорогу.

На другой день прислал шах гонца. Он звал юношу и всю его семью во дворец. Пышным праздником шах желал отплатить за гостеприимство.

Собрались они в гости, стали выезжать, а мудрый старик и говорит юноше:

— У ворот дворца увидишь ты женщину, одетую в ослиную шкуру. Спросишь у шаха: «В чём её вина? За что подвергли её такому позору?» Шах ответит: «Зачем тебе знать? Я наказал её по заслугам!» Но ты не оставляй шаха в покое, пока он не расскажет тебе всё.

Приехали они в город, увидели у дворцовых ворот прекрасную женщину, одетую в ослиную шкуру.

— В чём её вина? — спросил юноша у шаха. — За что наказал её так жестоко?

— Зачем тебе знать? — ответил шах недовольно. — Она наказана по заслугам.

Но юноша спрашивал до тех пор, пока шах не рассказал ему всё. Едва кончил шах свой рассказ, мудрый старик заставил юношу показать жемчужные зубы. А потом снял с головы девушки покрывало, распустил её золотые косы.

— Не твои ли это дети? — сказал старик шаху. — Или, может быть, они похожи на кошку и собаку? — И он поведал шаху о судьбе его детей.

Онемел от изумления шах, а с ним и все его придворные.

А когда опомнился шах, то прежде всего приказал семь раз искупать, в лучшее платье нарядить и на престол посадить мать своих наследников.

Потом велел шах казнить двух своячениц. Наказал он и слугу, который бросил детей в крапивное ущелье, и вдову, которая, чтобы угодить злым сёстрам, ходила к девушке...

А потом задал он великий пир на радостях. Зурна и барабан сто дней не смолкали, пехлеваны¹ и плясуны весь народ потешали!

Был и я на этом пиру. Вместе с ними брагу пил. Обо всём разузнал и вам рассказал.

¹ Пехлевáн — богатырь, канатоходец.

ГУНУНА И ЦАРИЦА ВЕТРОВ

Жила на свете девушка Гунунá. Умерли у неё отец и мать. Осталась девушка круглой сиротой. И взял её к себе дядя по отцу. Дядя был добрый человек, жалел племянницу. Но его жена и дочь невзлюбили сиротку. Всю тяжёлую работу в доме на неё взвалили. Гунуна и шерсть чесала, и нитки пряла, и сукно ткала, и хлеб в поле жала...

А дядина дочь жила белоручкой. Сама ни за какую работу не бралась, а над Гунуной насмехалась. Прозвала её замарашкой.

Не расчесет Гунуна шерсть к сроку, как ей дядина жена прикажет, не подоит вовремя корову — оставят Гунуну голодной до ночи, а не то изобьют. Даже зимой не было у неё ни тёплой одежды, ни башмаков. Ходила босая, в старье да в обносках.

Мотала однажды Гунуна во дворе шерстяную пряжу, положила моток на колени, а ветер дунул и унёс моток в поле.

Побежала Гунуна шерсть догонять, но куда там! Ветер уносил моток всё дальше и дальше. Гналась Гунуна за мотком, пока не стемнело, — так и не поймала.

Домой вернуться девушка побоялась. Ночь провела на траве между камней, а наутро снова принялась искать свою пряжу. Долго бродила, заблудилась, где её дом теперь, не знает.

Пошла Гунуна, куда ноги несут, и встретился ей на пути большой ток. На этом току три великана молотили чистое золото.

— Не нужна ли вам моя помощь?
Великаны обрадовались.

— Нам ещё вчера надо было обмолот закончить, — сказал старший. — Да вот не управились. Работаем с рассвета, и еду приготовить некогда. Свари нам хинкал!¹

Сходила Гунуна за водой. Нашла у великанов в припасе муку и баранину, сварила хинкал на славу. Ели великаны и похваливали.

— Что делаешь ты одна в наших местах, без отца, без брата? — спросили они, когда насытились.

— Я сирота. Ветер унёс у меня моток шерсти. Вот я и хожу, ищу его. Не найду, изобьёт меня дядина жена, из дому выгонит...

— А ты выбери себе одного из нас в мужья, какой поглянется, и оставайся с нами. Мы тебя никому в обиду не дадим.

Поблагодарила Гунуна за честь и говорит:

— Когда настанут дни осени и женихи будут выбирать невест, бросая в них красные яблоки, приходите и вы. Там всё и решится. А сейчас мне надо мою пряжу отыскать.

— Тогда не ходи так попусту. Пойди к царице Ветров, пожалуйся ей, попроси, пусть велит ветру вернуть твою пряжу.

И великаны рассказали ей, как найти царицу Ветров:

— Иди всё прямо. По пути тебе встретится ещё один ток. Там ты увидишь наших братьев. Они тебе укажут дорогу дальше.

Подарили великаны Гунуне на прощанье пригоршню золота. Завязала она золото в платок, отправилась в путь.

Шла, шла и встретила женщину, несущую на спине двух маленьких детей. По щекам её текли слёзы.

— Что с тобой? О чём ты плачешь? — ласково спросила Гунуна.

— Мужа моего убил злой змей ашдагá, а меня с детьми выгнал из дому, — ещё горше заплакала женщина. — Остались мы, бедные, без крова, без защитника, и не на что мне кусок хлеба купить...

Развязала Гунуна платок. Отдала женщине золото — подарок великанов. Дальше пошла.

Вскоре увидела она ток. На этом току три великана лопатили вороха самоцветов. Поздоровалась девушка, пожелала, чтоб работа спорилась, спросила:

— Не нужна ли вам моя помощь?

¹ Хинка́л — мучное блюдо с мясом.

Обрадовались великаны.

— Со вчерашнего дня не ели,— говорят.— Торопимся кончить работу. У нас есть оленина, приготовь нам кавурму¹.

Гунуна сбегала за водой, порубила мясо, приготовила котёл кавурмы, такой, что пальцы оближешь. Великаны ели да похваливали.

— Куда путь держишь?— спросили они, насытившись.

¹ Кавурма — жаркое.

— Ветер унёс у меня моток пряжи. Я его ищу. Если не найду, побьёт меня дядина жена, из дому выгонит...

— А ты выбери себе одного из нас в мужья, который по душе придётся. Остальные станут тебе братьями. В обиду никому не дадим!

— Спасибо!— ответила Гунуна.— Как настанут дни осени, приходите, бросайте красные яблоки. Тогда и решим. А мне надо свою пряжу найти.

Подарили ей великаны горсть самоцветов, проводили, пока дорога за дальние склоны не повернула. Шла, шла

Гунуна, и встретила её дряхлая старушка с костылём.

— Далеко ли до замка царицы Ветров, матушка?— спросила Гунуна.

— Близко, милая,— ответила старушка.— Только она никогда дома не сидит, по полям, по горам, по ущельям летает... А замок её караулят острозорные туры и зубастые тигры. Они вечно голодные... Турам царица Ветров даёт мясо, а тиграм—сено. Ты положи сено перед турами, а мясо—перед тиграми. Они и пропустят тебя в замок.

— Спасибо!— поблагодарила Гунуна от души и насыпала старушке самоцветов в ладонь.

Пришла Гунуна в замок царицы Ветров. У дверей лежали взятые на цепь острозорные туры и зубастые тигры. Дала девушка турам сена, тиграм—мяса, а они пропустили её в замок.

Оглядела Гунуна всё вокруг—нигде ни души. Пусто было в замке, и грязно, и пыльно, паутина висела во всех углах...

Хоть и устала Гунуна с дороги, не присела, не легла. Засучила рукава, натаскала воды, пыль обмела, полы, окна помыла, медную посуду перечистила. Краше всего убрала Гунуна спальню царицы. А когда в замке всё заблестело, вышла в сад отдохнуть.

Видит: лежит под деревом немощная старуха.

Спросила её Гунуна:

— Кто ты? Почему лежишь на земле? Дай, я уложу тебя в постель.

— Я царица Ветров,— говорит старуха.— Две недели летала над морями, над горами, из сил выбилась. Хотела проверить, исправно ли ветры своё дело делают... А теперь вот подняться не могу...

Помогла Гунуна царице Ветров встать, отвела её в спальню. Согрела воду, искупала старуху, голову ей помыла, косы частым гребнем расчесала.

Тут царица Ветров как заохает:

— Ох! Ох! А где же мои чётки?!

А чётки эти, надо вам сказать, были волшебные. С их помощью она управляла самыми буйными ураганами, посылала им приказы.

Чётки у царицы Ветров оказались старые-престарые. Одних бусин не хватало, другие поломаны. Сделала Гунуна

вместо них чётки из тех самоцветов, что ей великаны подарили. Принесла царице Ветров новые чётки.

Царица осталась довольна, похвалила Гунуну.

— Вот это хорошо,— сказала она.— Сейчас я над этими чётками поколдую, и будут они мне верно служить! Теперь мои буйные ветры не будут попусту по свету носиться да бури поднимать... А то взяли себе, сорванцы, за привычку деревья с корнями выворачивать, корабли топить, дома разрушать... Обижают бедных людей!

Осмелилась тут Гунуна своё слово вставить:

— А у меня ветер-озорник моток пряжи унёс. Вели, царица, ветру мою пряжу вернуть. Без неё меня дядина жена в дом не пустит, со свету сживёт.

Перебрала царица Ветров чётки, нашла нужную бусину. Явился к ней ветер-озорник.

— Верни девушке пряжу!— строго приказала царица.

И ветер вернул Гунуне её моток.

Поблагодарила Гунуна царицу и стала в дорогу собираться. А царица Ветров подарила ей три кувшинчика с малями красоты: чёрной, белой и красной.

Чёрной мазью Гунуна помазала брови и стала чернобровой красавицей. Белой натёрла лицо и стала белолицей красавицей. Красной тронула щёки и стала румяной, как яблочко, всех на свете красивей, красавицей!

ТРИ БРАТА И ШАХ-ДЕВИЦА

В давние времена жил-был один человек. Было у него три сына. Вот под старость лишился он зрения, овладели его телом болезни. Посоветовались между собой все три сына и пришли к отцу.

— Отец,— сказали они,— разве нет лекарства для твоих глаз? Разве нет средства от твоих болезней? Прикажи! Жизни своей не пожалею — отыщем лекарство.

— Принесите мне плодов из сада Шах-девицы — вот лекарство для моих глаз и средство от моих болезней,— отвечал отец.

Собрался в путь старший брат. На доброго коня сел, доброе оружие взял и уехал. Наши горы позади оставил, чужие горы позади оставил, снежные горы позади оставил, через ледяную гору перевалил.

За ледяной горой встретил он старого старика.

Старик сшивал треснувшую от зноя дорогу.

— Здравствуй! Что это ты шьёшь?— крикнул старший брат с усмешкой.— Пожелал бы я тебе удачи, да какая удача в глупой работе!

— Ну что ж, пусть и тебе не будет удачи!— ответил старик.

Ударил юноша коня и поехал дальше. Лежала на его пути страна, где текли молочные реки и среди зимы поспевал виноград. Чудные сады нашёл он в той стране! Росли в них всякие плоды, какие только есть на свете. Наполнил старший брат хурджины, погнал коня назад и вернулся домой.

— Я привёз лекарство, отец,— сказал он и раскрыл хурджины, полные плодов.

— Спасибо, сын мой! Что так скоро вернулся?

— Видел я, отец, молочные реки, побывал в стране, где среди зимы поспевает виноград. Чудные сады нашёл я там! «Если только есть у Шах-девицы сады — это, должно быть, они!» — подумал я. Набрал для тебя самых лучших плодов и вернулся домой.

— Эх, сынок!— сказал отец.— Туда, где ты побывал, добирался я в молодости быстрее, нежели мясо молодого барашка успевало поджариться на огне... Нет, не так легко найти сады Шах-девицы!

Собрался тогда в путь средний брат. На доброго коня сел, доброе оружие взял и поехал. Наши горы позади оставил, чужие горы позади оставил, снежные горы позади оставил...

Перевалив через ледяную гору, увидел он старого человека. Старик всё ещё сшивал треснувшую от зноя дорогу.

— Здравствуй!— крикнул юноша и, подобно старшему брату, усмехнулся:— Пожелал бы тебе счастья, да что за счастье в такой глупой работе!

— Пусть и тебе, сын мой, не будет счастья!— ответил старик.

Переправился средний брат через молочные реки, оставил за собой земли, где среди зимы виноград поспевает, и доехал до страны, где текла масляная река. Росли здесь прекрасные сады, никогда не видел он таких прежде. Наполнил юноша хурджины самыми лучшими плодами и отправился обратно.

— Вот лекарство, отец мой!— сказал он, раскрыв полные хурджины.

— Спасибо, сын мой!— отвечал отец.— Что так скоро вернулся?

— Переплыл я молочные реки, оставил позади земли, где зимой виноград поспевает, и прибыл в такую страну, где течёт масляная река. Там нашёл я сады небывалой красоты. «Вот они, сады Шах-девицы!» — подумал я, набрал для тебя самых лучших плодов и поспешил домой.

— Эх, сынок!— отвечал отец.— Труден и далёк путь к садам Шах-девицы. А до той страны, где ты побывал, добирался я в молодые годы быстрее, нежели успевал выкурить свою трубку.

И отправился тогда в путь младший брат. Наши горы позади оставил, чужие горы позади оставил, снежные горы позади оставил... Перевалил через ледяную гору и увидел

старого старика. Старик всё так же усердно сшивал треснувшую от зноя дорогу.

— Привет тебе, почтенный! Ты, я вижу, заботишься о путниках, чинишь дорогу... Да будет удача в твоей работе! — сказал юноша ласково.

— Спасибо, сынок! Да будет и тебе во всём удача, — обрадовался старик. — Куда путь держишь?

— Ищу я сады Шах-девицы, хочу добыть для слепого отца волшебных плодов... Не дашь ли какой совет мне, неразумному?

— Дам, сынок. И не один, а три совета дам, — сказал старик. — Минуешь ты молочные реки, переправишься через масляную реку, перейдёшь через медовую реку, проедешь ещё столько, сколько пути от твоего дома до медовой реки, и увидишь хрустальные, серебряные и золотые башни. Они в самое небо упираются. Это и есть дворец Шах-девицы. Найдёшь там железные ворота. Ворота не простые, а заколдованные. Кто коснётся их — падает мёртвым. Ты не вздумай эти ворота отворять рукой. Вбей в конец палки железный гвоздь и им отвори. А когда будешь входить в сад, не ступай ни босой ногой, ни обутой, чтобы не увидела твоих следов грозная стража. Оберни ноги мягкой травой. Так пройдёшь незамеченный. И волшебные плоды ты не трогай рукой. Чуть их тронешь — задушат тебя деревья своими ветвями. Расщепи конец палки и палкой снимай плоды.

— Вот спасибо! — обрадовался юноша и погнал коня.

Миновал он молочные реки, переправился через масляную реку, перешёл через медовую реку и в сумерках добрался до дворца Шах-девицы. Привязал коня к столбу, вбил в конец палки гвоздь и открыл железные ворота.

— Нас железо одолело! Железо нас одолело! — закричали ворота.

Шах-девица подумала, что это одна створка ворот стукнулась о другую.

— Эко диво! Железо одолело железо! — сердито сказала она воротам. — Не скрипите, не мешайте мне спать!

А юноша тем временем уже обернул ноги травой и вошёл в сад.

— Ой, нас трава одолела! Ой, нас трава одолела! — зашуршали тревожно травы в саду.

— Эко диво! Трава одолела траву! Не шумите, не мешайте мне спать! — крикнула Шах-девица. Ей подумалось,

что это ветер колышет травы и клонит их друг к другу.

А юноша тем временем расщепил палку и уже снимал с деревьев волшебные плоды.

— Нас одолело дерево! Дерево нас одолело! — зашумели все деревья сада.

— Эко диво! Дерево одолело дерево! Не шумите, я сплю! — разгневалась Шах-девица. Она подумала, что это буря гнёт и ломает ветви.

Набрал юноша волшебных плодов, положил их в хурджины, сел на коня и хотел было тронуться в обратный путь. Но очень ему любопытно посмотреть на Шах-девицу. «Пусть

погибну я, пусть не вернусь домой, а полюбуюсь на неё», — сказал юноша сам себе.

Вошёл он во дворец и увидел: спит на золотой кровати Шах-девица, во лбу у неё звезда горит. В изголовье и у ног стоят серебряные светильники, стол накрыт, кубок до краёв полон вина... Юноша отпил вина, отведал немного от каждого кушанья и надел на палец красавицы своё алмазное кольцо.

Вернулся младший сын домой, раскрыл перед отцом хурджины, полные волшебных плодов.

— Здравствуй, отец! — поклонился он.

— И ты здравствуй! — обрадовался старик. — Что так долго не возвращался?

— Был я в садах Шах-девицы, достал для тебя лекарства...

Тронул отец плоды рукой и сказал:

— Спасибо, сын мой. Теперь глаза мои станут зрячими и болезни уйдут из моего тела.

Так оно и случилось...

А Шах-девица встала поутру и видит: на пальце у неё алмазное кольцо. Посмотрела на стол: все кушанья и напитки отведаны.

— Говори, кто был у меня во дворце? — сердито спросила она у своего волшебного зеркала.

Всякую тайну могло отгадать это зеркало! И рассказало ей зеркало о храбром юноше.

Семью царствами владела Шах-девица. Собрала она все свои войска и пошла в ту страну, где жил отец трёх сыновей. Раскинула красавица шатёр перед их городом и послала сказать, чтоб немедленно пришёл к ней человек, который побывал в её саду.

— Прежде всех я побывал! — закричал старший брат и поспешил к Шах-девице.

— Так это ты забрался в мой сад? — спросила она.

— Я! — отвечал он.

— Как же ты рвал плоды?

— Руками!

— Ну хорошо, ступай. — И она велела выгнать его из шатра.

Старший брат с позором вернулся домой, а в лагерь Шах-девицы прибежал средний брат, но и с ним случилось то же, что со старшим.

Пошёл тогда младший брат.

— Послушай, молодец, это ты рвал плоды в моём саду? — спросила красавица.

— Я, — отвечал он.

— Как же ты их рвал? — спросила она.

Юноша всё рассказал. Тогда встала Шах-девица, вышла из шатра и перед всем своим войском трижды поклонилась юноше. А потом женился младший брат на Шах-девице.

Жили они долго и счастливо, были у них сыновья храбрые, похожие на отца, а дочери красивые, похожие на мать. Тут и сказке конец.

СОРОК БРАТЬЕВ

Жил некогда один человек, и было у него сорок сыновей. Однажды пришли старшие братья к отцу и сказали:

— Найди нам, отец, в невесты сорок сестёр.

— Сделай, как они просят, отец,— посоветовал самый младший из сыновей, Малик-Мамед.— Только когда поедете искать невест, смотрите не останавливайтесь на ночлег возле города Палас.

— Стар я уже,— ответил отец,— и трудно мне будет странствовать. Однако чего не сделаешь для таких молодцов!

И, оставив дома Малик-Мамеда, пустился с остальными сыновьями в путь.

Долго ехать не пришлось.

Вскоре встретили они нищего.

— Куда, бедняк, идёшь?— спросил старик.

— Ах, не спрашивай, путник!— ответил нищий.— Был я когда-то добрым хозяином, да вот родила, на беду, жена моя сорок дочерей, а кормить мне их нечем. Вот и хожу с сумой да посохом, прошу подаяния.

— Тебя-то нам и надо, приятель!— вскричал обрадованный отец.

Поехал он с сыновьями в дом бедняка, взял сорок его дочерей и, весёлый, отправился с ними домой.

Хоть и спешили они засветло добраться до дому, но ночь застала их в пути, и пришлось им остановиться на ночлег близ большого города, дорогу к которому преградила река, тускло блестящая при молодом месяце.

Полуночью первым проснулся старик и увидел, что не река

лежала ночью перед ними, а огромный змей ашдага и змей этот теперь обвился кольцами вокруг их стоянки; чешуя его сверкала и переливалась на солнце.

— Горе, дети мои!— застонал отец.— Вот он, тот город Палас, которого велел остерегаться Малик-Мамед!

Так прошёл день, прошёл и другой, а под вечер третьего дня, когда все они изнемогли от голода и жажды, старик сказал змею ашдага:

— Эй, жестокий, или съешь, или выпусти! Сжался над нами.

— Пришли ко мне твоего младшего, и я выпущу вас всех невредимыми,— ответил змей.

Нечего было делать — отправил старик одного из сыновей за Малик-Мамедом.

Приехал тот домой и заплакал:

— Братец, случилась беда! Мы заночевали там, где ты нам не велел. А теперь злой ашдага взял нас в плен и не хочет выпустить, пока ты не явишься к нему.

— Что ж, братец, пойдём!

Малик-Мамед оседлал коня и поспешил на помощь.

— Чего хочешь от меня, змей?— спросил Малик-Мамед, когда ашдага, приподняв кончик хвоста, выпустил из плена его отца, всех братьев и девушек.

— Привези мне в жёны прекрасную дочь шаха дэвов. А не привезёшь, я настигну тебя, где бы ты ни был.

Сел Малик-Мамед на своего доброго коня и выехал в дорогу.

Он потерял счёт дням и ночам, разыскивая прекрасную дочь шаха дэвов; конь его охромел, сам он притомился. И вот однажды у входа в глухое ущелье юноша увидел старого волка, который отдыхал, положив голову на серые лапы.

— Куда ты едешь, Малик-Мамед?— спросил волк человеческим голосом.

— Змей ашдага послал меня найти для него прекрасную дочь шаха дэвов.

— Вернись,— посоветовал волк.— Дело это трудное, а конь у тебя плохой. Добудь себе доброго скакуна взамен этой клячи, которая спотыкается на каждом шагу.

Послушался Малик-Мамед, попросил волка посторожить его лошадь и пошёл добывать себе хорошего скакуна, а старый волк сидел на дороге и честно сторожил его лошадь.

Вернувшись, Малик-Мамед подарил её волку в благодарность за совет, и волк сказал ему:

— Поезжай всё вперёд, никуда не сворачивая. На другом конце этого ущелья, из которого ты выберешься после двух месяцев пути, лежит царство дэвов... Желаю удачи!.. Когда будешь ехать обратно, загляни ко мне в гости.

Два ли месяца ехал Малик-Мамед или дольше, я не знаю, только как выехал он из ущелья, увидел быстрого юношу, который на ходу доил убегающую лань.

— Однако, и проворен же ты!— похвалил его Малик-Мамед.

— Это что!— ответил Быстроног.— Ты куда проворней, если согласился поехать за прекрасной дочерью шаха дэвов.

— А ты меня знаешь?

— Как не знать!— закричал тот.— Давно слышал о тебе и желаю быть твоим товарищем.

Отправились они вдвоём, а немного погодя увидели великана, который отламывал от скалы и бросал в ущелье огромные камни.

— Ну и силен же ты!— позавидовал Малик-Мамед.

— Это что!— ответил Скалолом.— Вот ты так, видно, всех сильнее, если отважился ехать за прекрасной дочерью шаха дэвов.

— А ты разве меня знаешь?

— Как не знать!— обиделся тот.— Знаю и думаю быть тебе товарищем.

Отправились они втроём, а немного погодя встретили толстяка, который забавлялся тем, что одним глотком выпивал реку, а потом выплёвывал её обратно.

— Ну и ловок же ты!— восхитился Малик-Мамед.

— Я-то что! Вот ты, верно, очень ловок, если осмелился ехать за прекрасной дочерью шаха дэвов.

— И ты меня, оказывается, знаешь?

— Как не знать!— рассердился Водохлёб.— Сижу вот, жду тебя здесь, чтобы проситься к тебе в товарищи.

И они вчетвером отправились к шаху дэвов.

— Чего вы хотите?— спросил у них грозный шах дэвов.

— Мы хотим увезти твою дочь,— ответил Малик-Мамед.

— Вот как!— усмехнулся шах дэвов.— Ну что ж, исполните три моих приказания — отдам вам дочь. Не исполните — убью всех четверых!

И он приказал им для начала переночевать в железной сакле, откуда никто ещё не выходил живым.

— Не торопитесь, друзья,— сказал Водохлёб и осушил одним глотком ближайшую реку.

А потом они вошли в железную саклю, и слуги шаха дэвов заперли их там на большой замок.

Ночью шах дэвов приказал разложить под полом той сакли костёр и жечь его, пока гости не изжарятся на железном полу, как на сковороде.

В полночь почувствовали вдруг друзья, что очень им становится жарко, и забеспокоились, но Водохлёб только

засмеялся и стал выплёвывать понемножку воду, которую выпил с вечера.

В сакле стало прохладно, и друзья уснули сладко и проспали до утра.

Поутру открыли слуги шаха дэвов железную дверь и увидели, что Малик-Мамед со своими товарищами живы, невредимы и спят преспокойно по горло в воде.

Очень не понравилось это шаху дэвов, и сказал он Малик-Мамеду:

— Хорошо! Теперь ты с одной хромой старушкой, кото-

рая живёт у меня из милости, должен пойти в лес и принести мне молоко лани. Только смотри: если она вернётся из лесу раньше тебя, живому тебе не быть!

Он обманул Малик-Мамеда, сказав, что старуха была хромая: старуха бегала, как ветер.

И тут за дело взялся Быстроног.

— Будь спокоен! — сказал он Малик-Мамеду. — Это сделаю я.

И они со старухой помчались в лес, а когда Быстроног только ещё начал доить первую лань, старуха с полным кувшином молока уже возвращалась обратно. «Хорошо же!» — подумал он и, надоив молока, быстрее вихря полетел за старухой и догнал её.

— Ты что так торопишься, матушка? — спросил он.

— Сынок, — ответила она, — я ведь хромая. Боюсь, ты меня перегонишь, — и дала ему кусочек солёной лепёшки — подкрепиться.

Быстроног съел солёную лепёшку, и ему очень захотелось пить. Старуха напоила его сладкой водой. Он выпил сладкой воды, но жажда мучила его всё сильнее. Хитрая старуха угостила его крепким вином, от которого он уснул, свалившись на полдороге, а сама поставила его кувшин с молоком ему на голову и убежала.

Увидел Малик-Мамед, стоя на башне шахского дворца, что Быстроног уснул на полпути, и чуть не заплакал с досады. Взял он свой лук, натянул и пустил стрелу, да так метко, что она разбила кувшин и сшибла с головы спящего, не задев при этом его самого.

Вскочил Быстроног, а старуха уже приближается к городским воротам! Ринулся он быстрее вихря и бури, догнал её, выхватил у неё из рук кувшин, полный молока, и принёс Малик-Мамеду.

Очень был зол шах дэвов, но, делать нечего, взял у Малик-Мамеда кувшин и сказал:

— А теперь поборись-ка ты, смельчак, с моим главным силачом.

Вот вышел силач, ростом с каменную гору и крепкий, как камень, и ужаснулся тут Малик-Мамед, увидев его.

— Постой! — сказал тогда Скалолом. — Бороться с ним буду я.

Он схватил силача поперёк, поднял над головой и забросил так далеко, что еле его потом разыскали.

Нечего было тут сказать шаху дэвов. Пришлось ему отдать свою прекрасную дочь Малик-Мамеду. И пустились с ней друзья в обратный путь.

Водохлёб остался на берегу первой встреченной ими реки, Скалолом остановился, заведя первую каменную гору, а Быстроног погнался за первой ланью, которая попала им на пути. Малик-Мамед же с прекрасной дочерью шаха дэвов поехали дальше одни.

— Куда ты везёшь меня, Малик-Мамед?—спросила красавица.

— Хотя и стыдно признаться, но везу я тебя к страшному змею ашдага,— ответил Малик-Мамед.

Прекрасная дочь шаха дэвов горько заплакала.

— Убей змея,— попросила она,— и я стану твоей женой.

— Научил бы меня кто-нибудь, как его убить,— вздохнул Малик-Мамед.

И тут вспомнил о мудром волке, который звал его захватить в гости на обратном пути.

Старый волк лежал у выхода из ущелья, положив голову на седые лапы, и очень обрадовался, увидев Малик-Мамеда.

— Что делать мне, волк? Как избавиться от змея?— спросил юноша.

И волк ответил ему:

— На лугу, через который вы будете ехать, живёт огромная серая куропатка, величиной с осла. Семь дней и семь ночей она спит, а затем не спит один день: пасётся на этом зелёном лугу. Убей её, пока она спит, и достань из неё яйцо. В этом яйце живёт душа змея. И как только ты разобьёшь яйцо, ашдага издохнет.

Выехал Малик-Мамед на зелёный луг, убил серую куропатку величиной с осла, разрезал, достал из неё яйцо и только хотел разбить его о камень, как увидел: мчится к нему змей ашдага, гремя и дымя по дороге.

Не растерялся Малик-Мамед — бросил яйцо. Оно разбилось, и змей упал на землю мёртвым.

Поехал тогда счастливый Малик-Мамед с прекрасной дочерью шаха дэвов к своему отцу и женился на ней, а тридцать девять его братьев женились на тридцати девяти дочерях старика.

На сороковой же я был женат. От неё всё это слышал и вам рассказал.

СЕСТРА СЕМИ БРАТЬЕВ

То ли жили, то ли не жили, говорят, когда-то муж и жена. Было у них семь сыновей.

Однажды пошли мальчики играть со своими сверстниками, а те не приняли их в игру.

— Мы не хотим играть с братьями, у которых нет сестры! — сказали им сверстники.

Вернулись домой семеро братьев очень печальные.

— Что с вами, сыночки? — забеспокоилась мать. — Кто вас обидел?

— Мы хотели поиграть с соседскими детьми, — жаловались сыновья, — а они не приняли нас в игру, потому что у нас нет сестры!

И сказали семь сыновей отцу с матерью:

— Нет у нас сестрицы... Не хотим больше здесь жить. Испеките нам хлеб на дорогу. Мы пойдём странствовать!

Горько плакали отец и мать, не отпускали сыновей, но сыновья настояли на своём и покинули отцовскую саблю.

Долго ли, коротко ли они странствовали, но пришли наконец в дремучий лес, нашли в том дремучем лесу вековую чинару и построили себе под чинарой жильё.

Стали они охотниками. Днём ходили в лес за добычей, а к вечеру домой возвращались...

Прошло так не год и не два — много лет прошло. А у матери семи сыновей родилась и выросла за это время дочь.

Захотела однажды девушка со своими подружками поплясать, а те не приняли её в хоровод.

— Мы не хотим танцевать с сестрой, у которой нет братьев, — сказали они.

Заплакала девушка, прибежала домой.

— О чём ты плачешь, доченька? — встревожилась мать.

— Хотела я поплясать, — сказала дочь, — а девушки прогнали меня, сказали: «У тебя нет братьев».

— Ах, доченька! — заплакала мать. — Братьев у тебя было семеро... — и замолчала, боясь огорчить дочь.

Но девушка стала ласкаться к матери, стала просить её рассказать, где же эти семеро братьев, и, видя, что дочь не оставит её в покое, мать сказала:

— Да, было у тебя семеро братьев, доченька... Так же, как ты, пошли они однажды поиграть со сверстниками, а те не приняли их в игру, закричали: «Не хотим дружить с братьями, у которых нет сестры!» Обиделись твои братья, и вот уже много лет, как ушли из дому...

— Ах! — сказала дочь. — Милая мама! Пойду и я за ними! Укажи мне дорогу, по которой они ушли.

Очень горевали отец с матерью, долго отказывались отпустить единственную дочь, но она настояла на своём, и пришлось им согласиться.

Купил отец для дочери новые чувяки, дала ей мать сладкий чурек да кувшин шербета, и пошла девушка по той же дороге, по которой ушли её братья.

Много ли, мало ли она шла, но вот встретился ей пастух со стадом коров.

— Отведай, пастух, моего шербета! Отведай моих сладких чуреков! Скажи, не знаешь ли ты, где дом семи братьев?

— Спасибо, милая! — поблагодарил пастух. — Твоего угощения мне не надо... Я и так тебе всё расскажу. Иди по этому ущелью, дойдёшь до дремучего леса. В дремучем лесу увидишь вековую чинару. Под этой чинарой стоит дом семи братьев!

Поклонилась девушка пастуху и снова пустилась в путь. Отыскала дом своих братьев, открыла дверь, вошла.

Навела она в доме порядок, всё почистила, убрала, огонь в очаге раздула и ужин сварила. А сама потом спряталась в сундук с орехами. Наступил вечер. Вернулись семеро братьев с охоты домой. Увидели они, что всё прибрано и ужин готов, обрадовались.

— Чьи это добрые руки потрудились? Кто это о нас позаботился?

Поужинали братья, и говорят старшие младшему:

— Пойди, братец, принеси орехов!

Сунул младший брат руку в сундук, а там что-то живое! Испугался он да как закричит:

— Здесь кто-то есть!

— Ба!— сказал старший брат.— Кто бы там ни был, ведь он не храбрее меня!— пошёл, открыл крышку и увидел в сундуке девушку.

— Кто ты такая? Как ты к нам попала?— спрашивают братья.

Рассказала девушка, как она пришла и кто она такая.

— Так ты наша сестрица!— обрадовались братья.— Будь в нашем доме хозяйкой! Поживёшь немного с нами в лесу, наохотимся мы вдоволь, а потом вместе к отцу с матерью вернёмся.

Рано утром собрались семеро братьев на охоту.

— Милая сестрица,— наказывали они,— всё здесь твоё. Делай что хочешь... Только об одном тебя просим: смотри, чтоб не потух огонь в очаге... Огня в этих местах добыть невозможно!

Ушли братья в лес, а девушка поднялась на крышу и стала низать на нитку свои кораллы, не забывая поглядывать вниз на очаг.

Раз, когда она так наклонилась, упала у неё прямо в очаг коралловая бусинка. И когда девушка смотрела, есть ли в очаге огонь, она видела эту красную бусинку и думала, что это тлеет уголёк. Стало солнце заходить. Спустилась девушка с крыши, хотела разжечь очаг, приготовить ужин, а огня-то в очаге нет — только красная бусинка!

Забралась девушка высоко на чинару и увидела, что вдали над лесом поднимается дымок.

А там, где поднимался дымок, был дом злого змея ашдаги. Но девушка-то этого не знала. Слезла она с чинары и решила побежать к соседям огонька попросить.

Прибежала к дому ашдаги, стала в ворота стучаться.

Ашдага услышал и сказал своей дочери:

— Эй, Гүри, Гури, дочь моя Гури-Пэри! Пойди посмотри, кто там стучится!

Вышла дочь ашдаги, посмотрела: стоит за дверью девушка и плачет.

Пожалела её Гури-Пэри, сказала тихонько:

— Милая сестрица, ведь мой отец — змей ашдага! Если он тебя увидит, станешь ты лакомством для него! Беги отсюда!

— Убить меня в вашей власти,— отвечала девушка.— Пощадить — тоже в вашей власти. Делайте что хотите, только дайте мне огня. Я не могу оставить моих братьев без ужина...

— Что ж, заходи тогда,— пригласила дочь ашдаги и крикнула: — Отец, эта девушка просит у нас огня!

Ашдага в ту пору был сыт. Он подумал: «Я могу съесть её и потом. Только надо пуститься на хитрость».

— Принеси мне железное сито,— велел он дочери.

Наполнил ашдага сито золой, а сверху положил горящие угли.

— Когда будешь нести,— сказал он девушке,— покачивай по дороге сито, иначе угли затухнут.

Поблагодарила девушка, схватила сито и, покачивая его, побежала домой. А где бежала, там от золы след оставался.

Разожгла девушка огонь в очаге, сварила ужин. Вернулись её братья домой: поели, попили и спать легли... Она им ничего не рассказала, побоялась.

Рано утром ушли семеро братьев, как всегда, в лес на охоту. А змей ашдага к тому времени успел проголодаться и по следу, который оставила зола, приполз к дому семи братьев. Увидела девушка змея, закрыла дверь на засов.

— Открой!— шумел змей.— Открой, а не то я дом развалю!

Но девушка дверь не открыла.

— Вот сейчас вернутся мои братья!— крикнула она.

— Хорошо же! Завтра я тебя съем непременно!— угрозили змей и уполз, потому что всё-таки побаивался семи братьев-охотников.

Вечером, когда вернулись братья из лесу с добычей, молвила сестра:

— Милые братцы, я вчера побоялась рассказать вам правду... Не уберегла я огонь в очаге, и пришлось мне просить огня у змея ашдаги. А сегодня ашдага приполз к нашему дому. Он грозит меня съесть.

— Не бойся, милая сестрица,— успокоили её братья.— Мы убьём ашдагу!

Вырыли они у дверей сакли большую яму и ловко накрыли её войлоком, а сами, все семеро, не пошли на охоту, спрятались за дверью.

Голодный ашдага приполз на другой день и тут же свалился в яму. Выскочили из-за двери семеро братьев, пустили в него семь стрел. Убили ашдагу и землёй засыпали.

Упросила вскоре сестра семерых братьев на родину вернуться. Купили братья золотой сундук и белого верблюда. Сестру свою они посадили в этот золотой сундук, навьючили сундук на белого верблюда и пустились в путь.

Всё было бы хорошо, да, на беду, когда уже выходили они из лесу, попался им навстречу заяц! Не стерпели семеро братьев, схватили свои луки и бросились догонять зайца.

А белый верблюд с золотой поклажей брёл да брёл потихоньку. Увидел его проходивший мимо молодой крестья-

нин. Остановил он верблюда, открыл сундук, а там красавица девушка!

Долго ждали они семерых братьев, но те, видно, так далеко погнались за зайцем, что и дорогу потеряли.

— Поедем к нам!— сказал тогда юноша сестре семи братьев.— Если я тебе по сердцу, будь моей женой.

Девушка согласилась, вышла за него замуж. Родился у них сын. Когда мальчик научился говорить, мать привела его на берег озера, неподалёку от их дома.

— Как станут в озере лягушки квакать,— сказала она,— брось в них, сыночек, горсть песку и скажи: «Лягушки, лягушки! Моя мама — сестра семи братьев, моя мама — поклажа белого верблюда, моя мама — сокровище золотого сундука!»

Ушла она, оставив ребёнка на берегу, и слышит мальчик: заквакали в озере лягушки. Бросил он в них горсть песку, закричал громко:

— Эй, лягушки, лягушки! Моя мама — сестра семи братьев! Моя мама — поклажа белого верблюда! Моя мама — сокровище золотого сундука!

Проходили в это время мимо озера семеро братьев-охотников. Услышали они, что кричал мальчик, обрадовались.

— Веди нас скорее к твоей маме!— сказали братья.

Но сестра уже сама бежала к озеру им навстречу. Обнялись они и поклялись никогда больше не разлучаться.

А потом все вместе: и зять семи братьев, и племянник семи братьев, и сестра семи братьев, и сами семь братьев — вернулись к отцу с матерью и остались там навсегда.

Я тоже с ними там был, но погостил немного и вернулся сюда к вам, чтобы рассказать вам эту сказку.

МЕДВЕЖОНОК

То ли было, то ли не было, жил, говорят, на свете вдовец, и была у него красавица дочка.

Трудно было вдовцу без жены. Женился он во второй раз. А мачеха, едва в дом вошла, возненавидела падчерицу и с утра до ночи не давала мужу покоя:

— Уведи её куда хочешь, только чтоб не вернулась!

Просил её муж, уговаривал, но злая женщина стояла на своём и добилась наконец. Дочь сама попросила отца:

— Пойдём, уведи меня, отец! Свет велик, не пропаду...

Пошёл отец с дочерью на базар. У охотника купил медвежью шкуру, надел её на девушку и отправился в столицу.

Проходя мимо царского дворца, он громко кричал:

— Продаю медвежонка! Продаю медвежонка!

Услышал это царевич, выглянул из окна и спрашивает:

— А что твой медвежонок умеет делать?

— Всё, что прикажешь! — сказал отец.

Обрадовался царевич такой забаве. Заплатил три золотых. Купил медвежонка!

Вот живёт медвежонок у царевича, радует его: в покоях убирает, оружие чистит, за столом служит... Царевич им не нахвалится.

А девушка, когда всю работу сделает, заберётся в уголок и из лоскутов, что у царских портных выпросит, шьёт себе потихоньку платья. Целых три сшила: серебряное, золотое, самоцветное, одно другого прекраснее и такие тонкие, что в ореховую скорлупу их прятала.

Был однажды во дворце пир, и сошлись на пиру царь,

царевич и вся свита. Девушка сбросила медвежью шкуру, надела серебряное платье и тоже пошла. Ей очень хотелось потанцевать!

Как увидели на пиру такую красавицу, встретили её с почётом, усадили рядом с царевичем. Музыка играла, молодые плясали. Пошла и девушка с царевичем танцевать. А царевич глаз с неё не сводил — так она ему приглянулась... Но недолго он ею любовался. Кончился танец, девушка убежала, и никто так и не узнал: чья она и откуда?

У всех спрашивал царевич, и все только руками разводили да головами качали. Решил он ещё раз устроить пир. Может, придёт на него красавица?

Вот загремела снова музыка, собрались гости. Начали танцевать... И опять пришла на праздник девушка, только на этот раз не в серебряном, а в золотом платье, и была ещё красивей; все только на неё и глядели. Станцевали они с царевичем, и немного погодя красавица снова незаметно исчезла. Сколько её ни искали — медвежонок вместе со всеми тоже искал, — весь дворец вверх дном перевернули, так и не нашли.

Созвал царевич снова гостей на праздник. Устроили пир. Загремела музыка... Пошли все танцевать. И опять явилась красавица, да к тому же в самоцветном платье, так что всех ослепила красотой и нарядом. Пошёл с ней царевич плясать, надел ей на палец колечко и попросил выйти за него замуж. Девушка согласилась, но как только отвернулся царевич невзначай, исчезла незаметно, и так её и не нашли. Всю столицу обыскали, в каждый дом заходили. Нет как нет красавицы!

И царевич сказал:

— Приготовьте еду, чтоб была на вкус хороша, на вес не тяжела. Поеду искать свою невесту по всему царству.

Стали готовить дорожный припас, стали хлеба печь. А медвежонок пришёл к поварихе, которая месила тесто, протянул лапу: дай кусочек!

Рассердилась повариха.

— Уйди! — закричала. — Чтоб тебе пропасть! И без тебя тут тошно!

Услышал это царевич, пожалел своего любимого медвежонка:

— Дай ему кусочек теста, он же не виноват!

Дали девушке-медвежонку теста, а она побежала в свой

уголок, спрятала в тесто колечко, подаренное царевичем, слепила хлебец, а потом отнесла пекарю, чтоб посадил в печь. Пекарь испёк хлебец, и медвежонок положил его в хурджин, где лежала приготовленная для царевича в дорогу еда. Засмеялись все кругом, стали над медвежонком потешаться: вот, мол, какое угощение приготовил для хозяина.

Но царевич и тут за него заступился.

— Оставьте,— сказал он.— Кто знает, может, этот хлебец принесёт нам удачу?

Отправился царевич в путь, всё царство объездил из конца в конец, а красавицы не нашёл. Кончился у него дорожный припас. Спрашивает царевич у своих слуг:

— Не осталось ли у нас хоть какой-нибудь еды?

— Нет,— отвечают слуги.— Только тот хлебец, что медвежонок положил.

— Что ж, давайте хоть его. Попробую!

Разломил царевич хлебец, а оттуда выпало колечко. Узнал царевич свой подарок.

— Так вот кто моя невеста!— закричал он.— Немедленно едем домой!

— Что ты такой весёлый?— спросил его царь, когда царевич вернулся во дворец.— Нашёл свою суженую?

— Нашёл!— говорит царевич.— Только я очень голоден. Пусть мой медвежонок поскорей принесёт мне обед.

Велели медвежонку обед подавать, а он упирается, не хочет. Доложили царевичу, что медвежонок не слушается.

Рассмеялся царевич:

— Ну ладно! Я сам его приведу!

Привёл медвежонка в свои покои и говорит:

— А теперь довольно прятаться! Вылезай-ка из этой шкуры!

Сбросила девушка медвежью шкуру, вышла из неё прекрасней, чем самоцветный камень. И было тут во дворце великое торжество. Семерых зурначей и барабанщика позвали, свадьбу сыграли, выдали красавицу за царевича.

Вот вам и медвежонок!

БОГАТЫРЬ НАЗНАЙ

Слушайте, слушайте! То ли было, то ли не было — жили в поле заяц да лиса, жили в лесу медведь да кабан, жил в Дагестане богатырь — ростом мал, умом не богат. Когда надо было вперёд идти, бывал он позади. Когда надо было позади находиться, лез он вперёд. Звали его Назнай-богатырь. Жена полено в руки брала, он за дверь прятался: такой был храбрый!

Вышел он как-то ночью с женой сена овцам подкинуть. (Без жены он, как стемнеет, порог не переступал: говорил, будто боится её одну оставлять. Она же говаривала, будто он один выходить боится.)

— Ну и светлая ночь! В такую ночь славно сражаться с врагом!— сказал Назнай, выглядывая из хлева.

— Берегись, Назнай! Волк бежит!— закричала жена.

Подскочил Назнай со страху, стукнулся о притолоку и набил себе на темени большую шишку.

Рассердилась жена и сказала:

— Опротивела мне твоя трусость! Ты мне больше не муж! А ну, уходи из моего дома, не то утром и вечером буду колотить тебя поленом!

Еле уговорил её Назнай, чтобы хоть до рассвета позволила ему остаться.

На заре перекинул Назнай через плечо щербатую сабелку и отправился в путь.

Шёл он, шёл и увидел на придорожном камне арбузные корки. Отдыхали здесь, должно быть, прохожие и арбузы ели.

Туча мух кружилась над тем камнем. Улучил Назнай

минуту, ударил по камню, а потом сосчитал: ровно пятьсот мух убил одним махом!

Зашагал Назнай дальше и пришёл в город. Расспросил он у людей, где находится кузница, заказал кузнецу сделать на сабле надпись: «Одним махом пятьсот убивает богатырь Назнай».

А потом пустился Назнай снова странствовать. Много ли он шёл, мало ли, но прошёл столько, сколько лягушка перепрыгнет, и попал в страну, ему неизвестную, где и сам он был никому не известен. Правил той страной могучий шах. Дело было к вечеру. Задумался Назнай: где бы поесть и переночевать? И тут как раз услышал поблизости весёлую музыку и песни.

— Вот место, подходящее для меня!— обрадовался Назнай.— Нет ничего на свете хуже пустого брюха. А там, где поют и пляшут, должна быть и еда!

Пришёл он в богатый двор, полный народу. Люди ели, пили, плясали.

— Гостя не примете ли?— спросил Назнай.

Бросились ему навстречу слуги, взяли у него сабельку, ввели в роскошные хоромы, на ковёр усадили, до отвала накормили и напоили.

Попал, оказывается, Назнай во дворец главного визиря. В ту ночь праздновал визирь женитьбу своего сына.

Наелся, напился Назнай (на целый месяц запаса тут молодец!), а визирь спрашивает его:

— Откуда ты, гость? Каков твой народ?

— Прибыл я из Дагестана. А говорить много не буду,— сказал Назнай.— Взгляни на мою саблю. Она тебе расскажет, каков я есть!

Вынули из ножен Назнаеву сабельку, посмотрел визирь на клинок, посмотрел на гостя, снова посмотрел на клинок и с саблей в руках побежал прямо к шаху.

Прочитал шах надпись: «Одним махом пятьсот убивает богатырь Назнай»,— удивился несказанно. Созвал он речистых глупцов, созвал безголовых мудрецов. Собрался большой совет.

И сказал совет шаху так:

— Что бы тебе ни пришлось Назнаю подарить, как бы ни пришлось тебе его возвеличить, не отпускай от себя, о шах, этого богатыря! Пока будет он тебе служить, будешь ты как за каменной стеной!

Повелел шах визирю привести Назная.

— Привет тебе, из Дагестана прибывший богатырь Назнай! — молвил шах. — Слушай, что я скажу! Я — первый, ты — второй. Я — отец, ты — сын. Женись на моей единственной дочери, оставайся при мне и будь моим военачальником!

— Хоть и трудно мне это, останусь, сделаю тебе угодное! — согласился Назнай и покрутил усы.

Женили Назная на шахской дочери. Зажил Назнай на славу.

Но вот прошла неделя, и призвал его шах к себе. Сидит шах на престоле, окружённый своими придворными и мудрецами, и говорит:

— Любезный зятюшка! В надежде, что ты в трудный день сослужишь мне службу, отдал я за тебя единственную дочь... Ныне настал этот трудный день. Два раза в год появляется на нашей земле лютый змей. Не даёт он покоя нашим стадам, нашим табунам и нашим отарам... Завтра он должен прийти. Вступи с лютым змеем в единоборство! Одним махом ты убиваешь пятьсот человек. Кому же, как не тебе, стать против него!

Едва вымолвил шах слово «змей», как начала бить Назная дрожь. А едва кончил шах свою речь, выбежал Назнай из дворца. Пошли тут у придворных споры. Одни говорили, что Назнай трусил, другие — что разгневался и побежал сражаться со змеем. А Назнай спрятался в своих покоях и дрожал до полуночи. Дождался он, пока уснула дочь шаха, и пустился наутёк.

Добежал Назнай до леса. Спать на земле ему было страшно. Забрался он на большое дерево, уселся поудобней на сук и уснул.

Проснулся Назнай рано утром, глянул вниз, а там вокруг ствола того самого дерева, на котором он спал, обвился лютый змей и дремлет. Обеспамятел Назнай от страха и свалился прямо на змея. А змей подумал, что в него молния ударила. Сердце у змея лопнуло, и он околел.

Пришёл Назнай в себя и пустился бежать. Оглянулся, а змей не двигается. Понял тогда Назнай, что змей мёртвый. Вернулся, отрубил змею голову и поволок её шаху.

— Разве это змей? — сказал Назнай и бросил голову змея к ногам шаха. — У нас в Дагестане коты бывают такие. Уж лучше послал бы ты на него детишек с палками!

Не знал шах, что ответить. Так и остался сидеть с открытым ртом.

Спустя некоторое время снова призвал шах к себе Назная.

— Любезный зятюшка Назнай,— сказал он,— трое нартов¹ тревожат мою страну набегами. Завтра ты должен выйти против них...

Прибежал Назнай домой и места себе не находил до полуночи. А в полночь, как уснула дочь шаха, пустился наутёк.

Добежал он опять до леса, забрался на то самое дерево и уснул.

Как стало светать, поглядел Назнай вниз. Видит: стреножили своих коней и улеглись под деревом три нарта. Душа Назная ушла в пальцы ног, едва не свалился он без памяти...

— Говорят, у шаха теперь зять есть, богатырь Назнай,— говорит вдруг старший нарт.— Одним махом убивает он пятьсот человек... Опасаться его надо. Напрасно мы стреножили своих коней!

— До сих пор мы никого на свете не боялись!— возразил средний нарт.

— Неужто Назная испугается?— упрекнул младший.

Завязалась у нартов ссора, и они в гневе убили друг друга. Спустился тогда Назнай с дерева, взял оружие нартов, поймал их коней, на одного коня он сам сел, на двух коней оружие навьючил, поехал к шаху.

— Разве такие бывают нарты?— сказал Назнай и бросил к ногам шаха оружие врагов.— У нас в Дагестане бедные сироты сильнее! Смешно было посылать против них мужчину... Их даже слабая женщина одолела бы!

Удивился шах, удивились и все его придворные, не знали, что возразить храбрецу.

Но вот спустя некоторое время призвал шах Назная в третий раз.

— Любезный зятюшка Назнай!— сказал он.— Соседний шах объявил нам войну. Завтра ты во главе моего войска должен выступить против него. Если не выступишь, его войско, бесчисленное, как трава на земле и как звёзды на небе, окружит нашу столицу.

Задрожал Назнай с головы до пят. Думал опять убе-

жать. Но в ту ночь сто часовых поставил шах вокруг покоев своего зятя, чтобы не вздумал он один идти на врага.

Как ни старался Назнай улизнуть из дома, не пустили его часовые. А дочь шаха так хлопотала вокруг мужа, точно боялась, что его ворона унесёт.

Назавтра выстроил шах своё несметное войско, поставил впереди Назная и сказал:

— Вперёд! Двигайтесь, герои! И знайте: кто не исполнит приказа моего зятя, кто не будет следовать ему во всём — тот враг мой, тот изменник!

Двинулось войско в поход. Шло оно, делая шаг вперёд, два шага назад, и приблизилось наконец к стану врага.

Как увидел Назнай вражеских воинов, потемнело у него в глазах. Снял он оружие, снял сапоги и одежду — приготовился к бегству. А на него глядя и всё войско разделось. Шах ведь приказал всем поступать так, как поступает его любезный зятюшка Назнай.

А в это время пробежала мимо голодная бродячая собака. Схватила она сапог Назная (сапоги-то были смазаны бараньим салом) и побежала к вражескому стану.

— Ах, проклятый пёс! И ты ещё будешь издеваться надо мной?— крикнул Назнай и, как был раздетый, разутый, бросился за собакой, чтобы отнять свой сапог. А вслед за ним бросилось всё его войско.

— Это не люди! Это черти!— закричали вражеские бойцы и рассыпались кто куда, бросили и казну и оружие.

Взял Назнай богатую добычу, вернулся домой с победой.

¹ Нарт — богатырь.

ДРУЗЬЯ ПАСТУХА

То ли было, то ли не было — жил некогда в одном городе бедный старик. И был у того старика сын. Служили оба в пастухах, пасли городское стадо.

Пас однажды юноша коров на лугу у самого моря и увидел на песке большую рыбу.

Послал пастух с прохожим человеком весть отцу, чтоб приехал поскорей на арбе за добычей, а сам кинулся к рыбе с кинжалом. Взмахнула хвостом рыба, заговорила человеческим голосом, стала молить о пощаде:

— Не убивай меня, юноша. Столкни меня лучше в море! Я пригожусь тебе в трудный день...

— А как отыщу я тебя в трудный день? — спросил юноша.

— Возьми мой плавник. Когда надо будет, придёшь на берег и бросишь плавник в огонь. Не успеет он сгореть, как я приплыву к тебе.

Пожалел юноша рыбу, взял плавник и столкнул её в море.

— Где же большая рыба, сын мой? — ещё издали закричал отец. Он торопился на арбе за добычей.

— Очень хотелось рыбе вернуться обратно в море. Просила помочь ей. Я помог, — сказал сын.

Бранил отец сына, бранил, даже побить хотел.

Убежал пастух от гнева отца и забрёл в дремучий лес. Блуждает он по лесу и слышит жалобный стон. Пошёл дальше и видит: запутался олень рогами в ветвях дерева. Юноша схватился было за кинжал, а олень говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, человек, помоги мне освободиться! Вырви клочок моей шерсти и, когда будет тебе трудно, кинь мою шерсть в огонь. Я мигом явлюсь перед тобой, чтобы сослужить любую службу.

Пожалел юноша оленя, вырвал у него клочок шерсти, помог ему выбраться на волю и отпустил его.

Долго бродил пастух в лесной чаще, пока не вышел наконец на поляну. Бежит по поляне лиса, а за ней по пятам гонится стая борзых. До смерти устала лисица, прижалась она к ногам юноши.

— Не убивай меня, добрый человек! — заплакала лиса. — Спаси меня от борзых, вырви волосок из моего хвоста и отпусти. Как будешь в беде, сожги мой волосок, я прибегу и выручу тебя.

Разогнал пастух борзых и отпустил лису, вырвав волосок из её хвоста.

Пошёл он дальше. Много ли он шёл, мало ли — дошёл до большого города.

— Не примете ли вы гостя? — спросил он, входя в бедную саклю неподалёку от городских ворот.

— Отчего ж не принять? — ответила старушка-хозяйка.

Усадила она пастуха, накормила и напоила. А потом пастух пошёл поглядеть на город.

Город тот был богат и обширен, много было в нём прекрасных зданий, но всех прекрасней и богаче был, конечно, дворец хана. Вернулся гость и спрашивает у старушки, кто живёт в ханском дворце.

— Ох, лучше не спрашивай, сынок! — вздохнула старушка. — У нашего хана одна-единственная дочь. Слава о ней разнеслась далеко по чужим странам. Ханская дочь и умна и красива, но гордость и жестокость её не знают пределов... Многие прославленные храбрецы сватались к ней. И каждому жениху приказывает она спрятаться и обещает, что выйдет за него замуж, если не сумеет найти его.

— А ведь и я не из трусливых! Пойти, что ли, и мне взглянуть на красавицу!

— Не ходи, сынок, — стала уговаривать старушка, — ты ведь не дослушал меня. Не было ещё на свете человека, который сумел бы от неё спрятаться. Под водой ли ты укроешься, под землёй ли — она отыщет тебя и прикажет отрубить голову. Сотни юношей она уже отдала в руки палача.

— Не горюй, добрая старушка!— сказал ей пастух.— Я ведь только простой пастух. Женюсь не женюсь, но, как знать, может, и перехитрю ханскую дочь.

Пришёл он ко дворцу и закричал:

— Эй, великий хан, хочу помериться умом с твоей дочерью!

— Дочь моя, ответь этому глупцу,— велел хан.

И ханская дочь крикнула в ответ с высокой башни:

— Спрячься так, чтобы я не нашла тебя, и я твоя. Но если найду — тебе отрубят голову, знай это!

— Сколько раз позволишь ты мне прятаться?— спросил пастух.

— Трижды!

— Хорошо, ищи!— сказал юноша, поспешил на берег моря и сжёг плавник рыбы.

Выплыла рыба из морских глубин:

— Чего тебе, юноша, надо? Какая у тебя забота?

Попросил он рыбу спрятать его подальше. Раскрыла рыба пасть и проглотила пастуха, а потом нырнула на самое дно моря и легла брюхом на песок.

С высокой башни смотрела ханская дочь вверх, смотрела вниз, кидала взгляды на все четыре стороны света — нигде не видно юноши. Так бы и не найти ей пастуха, да разинула рыба пасть, заглядевшись на проплывавший сверху корабль.

— Вижу, вижу!— закричала, захлопала в ладоши ханская дочь.— Выходи! Ты не спрячешься от меня даже на дне морском.

Вышел пастух и стал перед ней.

— Прячься во второй раз!— приказала она.

Пошёл юноша в чашу, сжёг клоч оленьей шерсти. За шумели, затрещали ветви, примчался олень и говорит:

— Рассказывай, какая у тебя забота.

Попросил юноша спрятать его получше.

Посадил тогда олень юношу к себе на спину, откинул голову, велел крепко держаться за рога и полетел, как ветер. Перевалил через семь вершин, миновал семь долин, спрятал юношу в глубокой пещере и лёг, закрыв вход своим телом.

Глядела ханская дочь вверх, глядела вниз, на все четыре стороны света кидала взгляды со своей высокой башни. Но так и не нашла бы она юношу, если бы вдруг не вскочил олень, чтобы отогнать муху, которая кружилась над ним.

— Вижу, вижу, выходи из пещеры!— закричала красавица, захлопала от радости в ладоши.— В третий раз смотри прячься хорошенько.

Пошёл юноша на широкую равнину, сжёг волосок из хвоста лисицы. Лиса словно из-под земли выросла, мигом очутилась перед ним.

— Чем помочь тебе, добрый человек, какая у тебя забота?— спросила она.

— Развяжи мешок своих хитростей и спрячь меня, да так, чтобы никто не нашёл,— ответил юноша.

Превратилась лиса в купца с рыжей бородой и со свёртком цветного сафьяна под мышкой, а юношу превратила она в блоху и велела ему спрятаться в этом свёртке.

— Я буду прохаживаться со своим товаром перед башней ханского дворца,— сказала лиса юноше.— Дочь хана — щеголиха, она захочет посмотреть сафьян и позовёт меня наверх. Ты прыгай тогда на подол её платья. И пусть мне отрежут рыжую бороду, если красавица тебя заметит.

А ханская дочь стояла в это время на своей высокой башне, смотрела на все четыре стороны света, но нигде не могла найти юношу. И тут увидела она купца, который проходил мимо башни.

— Кто купит отличный сафьян? Кто купит красный и синий сафьян?— кричит купец.

— Неси сюда свой сафьян!— велела ханская дочь.

Купец влез на башню и раскинул перед красавицей свой товар. Загляделась красавица на сафьян и не заметила, как прыгнула блоха на подол её платья.

— Ну что, дочь моя, видишь ли ты этого человека?— закричал в нетерпении хан.

— Нет, отец, не вижу, нигде не вижу!— ответила красавица.

— Смотри хорошенько, дочь моя!

Но сколько ни смотрела ханская дочь, так и не увидела пастуха.

— Я потеряла надежду найти его!— сказала она в отчаянии.

И только успела это сказать, как молодой пастух принял свой прежний вид.

Обрадовался народ той страны, что перехитрил молодой пастух злую ханскую дочь. Стали из пушек палить, в барабаны бить, заиграли на зурне, запели песни, устроили великий пир. Я на том пиру был, по-медвежьи плясал, а потом оставил народ петь и веселиться, а сам побежал к маленьким детям, чтобы рассказать им эту сказку.

ПРЕКРАСНАЯ ПЕРИ

Давным-давно в стране Индустане, в городе Хамадане жил на берегу моря бедный человек с женой. Муж собирал выброшенные волнами обломки разбитых кораблей, продавал их на топливо и этим кормил себя и жену.

Но не бедность их донимала... Горевали муж с женой о том, что нет у них детей.

Однажды, когда собирал бедняк на берегу топливо, выплыла из моря русалка. Голова у неё была как у женщины, а тело рыбье. Она сказала бедняку:

— Хочешь, я сделаю так, что у тебя будет сын? Но когда он подрастёт, станет юношей, не ты, а я распоряжусь его судьбой. Согласен?

— Согласен с радостью!— закричал бедняк. Он на всё был согласен, лишь бы не погас его очаг.

Время прошло. Родила жена этого человека красивого, крепкого мальчика. Мальчик вырос, превратился в сильного юношу. Теперь он вместо отца собирал на морском берегу топливо.

Раз, когда он пришёл на берег, выплыла из глубины морская русалка.

— Пора думать о твоей судьбе,— сказала она.— Я нашла для тебя невесту. Иди по берегу вперёд. Там у высокой скалы ты встретишь свою суженую.

Послушался юноша. Пошёл, как велела русалка, и увидел, что к высокой скале подлетела белая голубка.

Голубка не заметила юношу. Опустилась она на землю и обернулась прекрасной девушкой. Девушка разделась и бросилась в море.

Пока девушка купалась, юноша подкрался и схватил её одежду. Увидев это, девушка подплыла к берегу.

— Добрый человек! Кто бы ты ни был, отдай моё платье! — взмолилась она. — Как же без него вернусь я в отцовский дом?!

Но юноша, как только взглянул на красавицу, влюбился в неё. Он не спешил отдавать одежду.

— Возьми моё сердце, — сказал он в ответ. — Обещай стать моей женой. Тогда отдам!

Юноша тоже полюбился девушке. Она согласилась, он бросил платье и отвернулся, пока красавица оделась.

— Как я тебя найду? — спросил юноша.

— Приходи к этой скале сегодня вечером. Под ней откроется вход в подземелье. Спустись вниз по каменным ступеням. На твоём пути будут три двери с золотыми засовами. Мимо первой пройди. На вторую не гляди. Третью открой. За ней я буду тебя поджидать.

Сказала так девушка, превратилась в голубку и улетела.

Всё сделал юноша, как было приказано. Спустился в подземелье, отодвинул золотой засов, открыл третью дверь, за которой уже ждала его красавица. Она обняла юношу и сказала:

— Я Пери, дочь морского царя. Он правит морями и подземным царством. Нас у него шесть дочерей. Отец позволил нам самим выбирать женихов. Иди к нему, поклонись, проси меня в жёны.

Пошёл юноша к морскому царю.

— Я не против, чтоб ты стал моим зятем, — молвил царь. — Надо только испытать, ловок ли ты и смекалист ли. На первый раз даю тебе такую работу: за одну ночь вспаши поле, посей на нём пшеницу и собери с него урожай.

Опечалился юноша. Ну как за одну ночь пшеницу вырастить? Пошёл к прекрасной Пери.

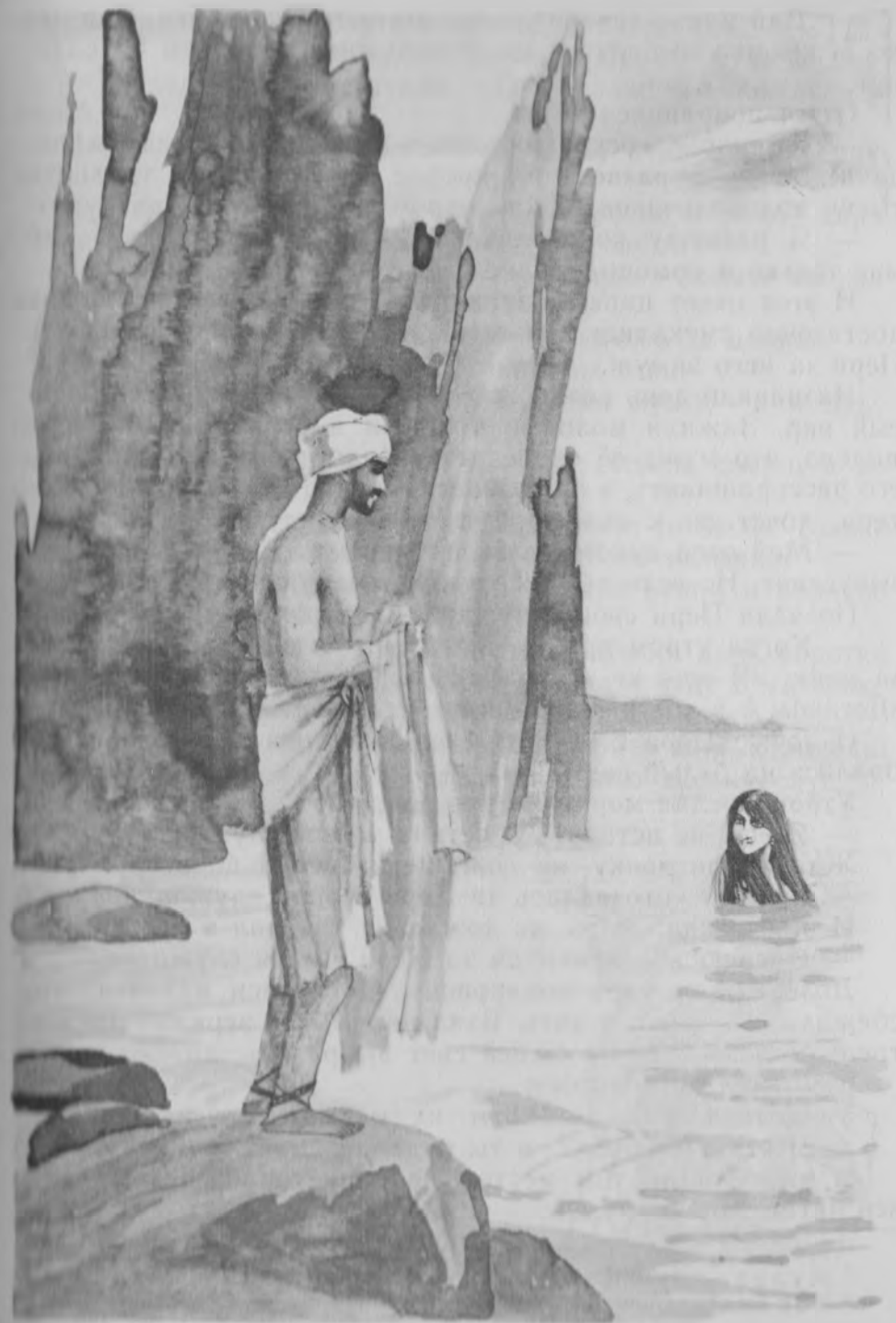
— Не горюй! — успокоила его девушка. — Мы, все сёстры, тебе поможем.

Утром проснулся юноша. Лежит он на краю пшеничного поля: хлеб сжат и в копны уложен. Пошёл к морскому царю, доложил: так, мол, и так. Твой приказ выполнен!

Царь остался доволен. Похвалил юношу:

— Молодец! А теперь, копны не разбирая, зерно вымолоти и в закрома засыпь.

Тут юноша сам смекнул, что ответить.

— Дай мне, — говорит, — тридцать тысяч мышей. Они всё до зёрнышка выберут и ни одного снопа с места не сдвинут.

Ответ понравился царю.

— Хорошо! — воскликнул он. — А теперь последняя задача! За ночь развесь на кровле моего дворца тридцать тысяч колокольчиков. Пусть утром их звон меня разбудит!

— Я развешу колокольчики, — пообещал юноша. — Дай мне только в помощь тридцать тысяч ласточек.

И этот ответ царю понравился. Царь нашёл, что жених достаточно смекалист для его дочери, и согласился выдать Пери за него замуж.

Назначили день свадьбы, созвали гостей, устроили богатый пир. Зажили молодые в любви и согласии. Но Пери видела, что мужа её одолевает тайная забота. Начала она его расспрашивать, и он сознался: скучно ему без отца и матери, хочет он к ним вернуться. Приздумалась царевна.

— Мой отец никого из своего царства на белый свет не выпускает. Но если ты так хочешь, мы убежим вдвоём.

Позвала Пери своих служанок и приказала им:

— Когда утром придут звать меня к завтраку, ответьте за меня: «Я ещё не встала!» Придут второй раз, скажите: «Встаю!» А в третий раз придут, скажите: «Одеваюсь!»

И ночью Пери с юношей ушли подземным ходом и выбрались на белый свет.

Утром послал морской царь звать дочь к завтраку.

— Я ещё не встала, — ответила за неё служанка.

Ждал царь дочку, не дождался, послал во второй раз.

— Встаю! — отозвалась за Пери вторая служанка.

И опять ждал царь, не дождался. Послал в третий раз.

— Одеваюсь! — крикнула за Пери третья служанка.

Долго ждал царь понапрасну. Догадался наконец, что сбежали его дочка и зять. Взял волшебное зеркало, посмотрел: беглецы уже на белый свет выбрались, далеко ушли.

Снарядил царь погоню.

Увидела Пери — догоняют их царские слуги, сказала:

— Я стану мечетью¹, а ты будь муллой!²

И выросла на том месте, где они стояли, мечеть, а в ней читал Коран³ мулла.

¹ Мечеть — молитвенный дом у мусульман.

² Мулла — служитель религиозного культа.

³ Коран — священная книга мусульман.

Вбежали царские слуги в мечеть, спрашивают:

— Не видел ли ты, мулла, царевну Пери с мужем?

— Видел! — говорит мулла. — Они только что скрылись за горой.

Помчалась погоня по ложному следу и ни с чем вернулась.

— Кто вам в пути встречался? — спросил морской царь.

— Один мулла в мечети, — ответили слуги.

— Эх вы, ротозей! — рассердился царь. — Зовите ко мне визиря!

Отправился сам царь с визирем в погоню за дочкой.

Оглянулась Пери, видит, догоняет их отец.

— Ты стань селезнем, — сказала она мужу, — а я буду озером.

И разлилось в том месте, где они стояли, озеро, а по озеру плавал селезень.

Кинулся царь селезня ловить, да не тут-то было! Только к озеру подойдёт, озеро отступает, селезень уплывает.

Устал морской царь, умаялся, махнул рукой и обратно повернул.

А Пери и юноша дальше пошли. Долго ли шли, коротко ли, кто знает, но вернулся всё же юноша к отцу с матерью. То-то было счастье у родителей! Сыграли они сыну свадьбу. И на той свадьбе был. Подарили мне три румяных яблока. Одно я сам съел, другое отдал тому, кто сказку слушал, а третье — тому, кто сказку запомнил.

ГУГУРЧИ

Случилось однажды в некотором царстве так, что пошли утром женщины за водой, а воды не набрали. У источника лежал ашдага и никому не давал прохода. Несколько дней так продолжалось, и народ начал страдать от жажды. Доложили об этом царю. Послал царь к источнику войско. Но ашдага в бой не вступил. Он сказал:

— У вашего царя есть три дочери. Пусть отдаст мне одну из них в жёны, и я уйду с миром. Ашдаги всегда берут в жёны царских дочерей. Таков наш обычай.

Войско вернулось ни с чем. Доложили царю: так, мол, и так, ашдага драться не желает, а желает получить в жёны царевну.

Крепко задумался царь. Загрустил, сидя на золотом троне. Утром пришла к отцу поздороваться старшая дочь.

— О аллах! Отчего ты так печален, отец? Кто тебя огорчил?— воскликнула она.

И царь рассказал ей про ашдагу и спросил:

— согласишься, доченька, стать его женой?

— Ты что, с ума сошёл?!— закричала старшая дочь.— Провались он, твой ашдага! Неужто не сыщется для меня лучшего мужа?!— И, стукнув дверью, ушла. А огорчённый царь пересел с золотого трона на серебряный.

Вслед за старшей пришла средняя дочь, принесла отцу завтрак на чеканном блюде.

— О аллах, отец!— удивилась она.— Почему с золотого трона ты пересел на серебряный?

И царь рассказал ей про ашдагу и спросил:

— Не согласишься ли стать его женой, доченька?

— Будь ты проклят со своим ашдагой!— рассердилась средняя дочь.— Неужто не найдётся для меня на свете жениха получше?!— И ушла, хлопнув дверью, а царь чуть не заплакал от обиды и пересел с серебряного трона на медный.

Последней пришла к отцу младшая дочь, увидела его лицо и побледнела:

— О аллах! Что с тобой случилось, отец? Беда какая? Почему ты сидишь на медном троне?

Рассказал и ей царь про ашдагу.

— Твоя старшая сестра назвала меня безумным, а средняя прокляла.— Царь низко опустил голову.— И я не решаюсь теперь просить тебя стать женой ашдаги.

— Если у тебя только одно это горе, ему можно помочь,— утешила его младшая царевна.— Пусть ашдага разорвёт меня и проглотит! Я согласна ради людей, страдающих от жажды, ради тебя, дорогой отец. Я выйду замуж за ашдагу!— И она попросила отца пересестись с медного трона на золотой.

Созвал царь своих визирей, велел известить народ о том, что младшую, самую любимую, дочь отдаёт в жёны ашдаге. И велел жениху прислать для невесты подарки: платье такого тонкого шёлка, чтоб вмещалось в скорлупу ореха, и ожерелье из самоцветов. Подарил ашдага царевне наряд, тонкий, как паутинка, и ожерелье из редких самоцветов, и многие драгоценности из тех, что нравятся девушкам.

Царь отдал дочку ашдаге, и поселилась она с ним в уединённом доме с единственной служанкой. Вечерами ашдага ложился у ворот и любовался гуляющей в саду молодой женой, а царевна посматривала на него украдкой и со страхом.

Но вот однажды ночью пришёл ашдага в её спальню и лёг у порога. Едва завидев его, служанка бросилась бежать. Она думала, что сегодня ашдага съест наконец царевну.

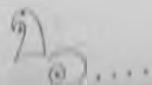
Царевна тоже так думала. Но чем дольше разглядывала она ашдагу, тем меньше его боялась. Глаза у него были добрые. И царевна сказала:

— Если ты ашдага— съешь меня. Если человек— промолви словечко!

— Наступи ногой мне на спину!— попросил ашдага.

Царевна боязливо подошла к нему и сделала, как он велел. И вдруг шкура на спине ашдаги лопнула, и он вышел из неё и превратился в красивого, стройного юношу.

Юноша повесил шкуру на гвоздь, проверил, занавешены

ли окна, нет ли щелей в дверях, а которые были — залепил воском. После этого он сел рядышком с женой и поведал ей свою тайну:

— Я — Гугурчи, сын правителя подземного царства. Отец хотел насильно женить меня на двоюродной сестре. А я отказался. Тогда моя злая тётка, мать этой девушки, превратила меня в ашдагу... Я бежал из отцовского дома. Теперь слуги отца разыскивают меня повсюду. Смотри никому не проговорись, кто я есть!

На заре Гугурчи снова влез в шкуру ашдаги и улёгся у порога.

Утром подкралась к двери служанка, приложила ухо, прислушалась: жива ли царевна? Услышала её голос. Постучала в дверь. Открыла ей царевна, а у самой губы улыбаются, глаза горят, лицо, как солнце, сияет. И ашдага тихонько лежит у порога, будто дремлет.

Побежала служанка во дворец, рассказала обо всём царским дочкам.

— Правдой или неправдой узнай, кто такой этот ашдага? — велели ей сёстры-царевны. — Тут что-то нечисто! Узнаешь — наградим по-царски.

Служанка принялась тайком следить за ашдагой, но ничего особого не заметила. Тогда она лаской и лестью проложила путь к сердцу хозяйки, и та доверила ей свою тайну.

Тотчас поспешила служанка во дворец с доносом к двум старшим царевнам. Позавидовали они младшей сестре лютой завистью, локти с досады кусали... И начали приставать к отцу, чтоб послал нукеров¹ украсть шкуру ашдаги.

Долго противился царь. Не хотелось ему нарушать покой младшей дочери. Но старшие царевны так его донимали, что махнул он рукой и согласился. Ночью пробрались нукеры в спальню молодых и украли шкуру ашдаги. А старшие дочери бросили её в огонь. В тот же миг, как шкура вспыхнула, Гугурчи проснулся, вскочил в страхе с постели и закричал:

— Ой-ой! Чую родимый запах!

Проснулась и царевна. Увидели они, что шкура исчезла.

— Ты рассказала кому-то о моей тайне, — печально сказал Гугурчи.

И царевна вся в слезах созналась ему, что выпытала у неё тайну служанка.

¹ Нукер — воин, телохранитель.

Топнул Гугурчи ногой, превратился в гвоздь и ушёл под землю. Осталась царевна со своим горем одна. И пожаловаться некому. Сама виновата!

Ждала она день, ждала два, ждала три. Ждала неделю и месяц. Нет Гугурчи! Пошла тогда царевна к отцу:

— Счастье моё сгорело, сердце разбито. Как мне жить?

— Прости, доченька! Это твои сёстры не давали мне покоя. Они меня пугали, что ашдага унесёт тебя в подземное царство и я потеряю тебя,— сокрушался царь.— Обманули они меня!

Надела царевна мужскую одежду, спрятала косы под баранью папаху, пошла по свету искать, спрашивать: не видел ли кто Гугурчи?

Долго бродила царевна. Никто про Гугурчи и не слышал. Однажды попросилась она переночевать к дряхлой, больной старушке. Доверилась ей, рассказала про своё горе.

— Не убивайся!— утешила её старушка.— Я что-нибудь придумаю.— И она погладила царевну по голове.— Жить мне осталось мало. Но я ещё успею дать тебе добрый совет.

Наутро старушка, чуя, что близится её последний час, сказала царевне:

— Пойдёшь к роднику, что бьёт из-под белого камня за моей саклей, наклонишься пониже и позовёшь: «Ух-Вай!»

Сказала и умерла. Схоронила царевна старушку, поплакала над ней. Пошла к роднику, склонилась к воде и позвала:

— Ух-Вай!

И тотчас встал перед ней великан и сказал:

— Я Ух-Вай! Приказывай, царевна!

— Проводи меня в подземное царство,— попросила царевна.

— Будет исполнено!— ответил Ух-Вай.— Только перед этим нам надо омыться водой из родника у белого камня.

Так они и сделали. А потом Ух-Вай взял царевну на руки и полетел. Долго летели они, высоко летели, под самыми облаками... У подножья снежной горы Ух-Вай опустил на землю. Там была трещина в скале. Из неё валил дым и вырывался огонь, но Ух-Вай успокоил царевну:

— Не бойся, идём! Вода, которой мы омылись, волшебная! Огонь нас не тронет!

И они спустились вниз по трещине, глубоко-глубоко, и

дошли до подземного царства. У ворот в него Ух-Вай остановился.

— Дальше мне идти нельзя. Вот тебе ключ от ворот, а вот семь тысяч ключей от домов подземной столицы. Иди, ищи своего Гугурчи. А понадобится я, кликнешь: «Ух-Вай!»

Взяла царевна ключи, отомкнула ворота, вошла в город. Всё живое в нём: и люди, и звери, и птицы — было превращено в камень. Окаменели купцы за прилавками, дети в колыбелях, коровы и овцы в хлевах, голуби на балконах... Тихо и мёртво было кругом.

Царевна открывала двери в каждом доме, но ни в одном не нашла Гугурчи. Наконец увидела она дом с настежь рас-

пахнутой дверью. Она вошла в него и в одной из комнат заметила ласточку, которая сидела на подоконнике, словно ожидая её. Ласточка вспорхнула, и опустилась на плечо царевны, и заглянула ей в глаза, а царевна поцеловала её головку. Тут птица легко взмахнула крыльями, коснулась пола, и на этом самом месте встал перед царевной её Гугурчи.

От радости оба долго не могли слова вымолвить. Обнялись, поцеловались, и Гугурчи рассказал, что с ним стало:

— Когда моя тётка проведала, что шкуру ашдаги твои сёстры сожгли, она опять начала сватать за меня свою дочь. Я отказался, и тётка со злости превратила меня в ласточку, а всё живое в столице превратила в камень... Теперь оглянись вокруг! Твоё смелое сердце, твоя любовь победили злые чары колдуньи.

И впрямь! Оглянулась царевна, а кругом кипит жизнь. Люди принялись за работу, пастухи погнали на пастбища стада, заворковали на карнизах голуби...

Пошёл Гугурчи с царевной к своему отцу. Он надеялся на прощение. Но ни сам правитель подземного царства, ни его жена, ни его родня не захотели принять молодую невестку. Мать Гугурчи сказала:

— Решили мы женить тебя на двоюродной сестре и женим! А эту девушку, что ты привёл, мы сделаем служанкой. Пусть для начала вымоет к твоей свадьбе все улицы в городе морской водой. А не вымоет, твоя тётка превратит её в камень!

Горько заплакала царевна, пошла на берег моря. Увидели в небе облака, что заливается она слезами, пожалели её. Вобрали в себя морскую воду и пролили её частым дождём над столицей.

Стали белыми, заблестели камни на всех улицах.

Хоть и подивилась про себя родня Гугурчи такому чуду, но не уgomонилась. Взялись думать: какую ещё царевне задачу задать?

Думали-раздумывали и придумали. Мать Гугурчи кликнула царевну:

— Сегодня вечером придёт невеста моего сына. Во дворце должно быть светло, как днём. Ты будешь встречать невесту, держа на голове смоляной факел.

Как такое сделать?! И всё же исхитрилась царевна! Когда наступил вечер, зажгла факелы по углам двора и на лест-

нице во дворце, а у себя на голове привязала круглое зеркальце. Огненные отражения в нём ослепили правительницу подземного царства. Она зажмурилась и не разглядела, есть ли у царевны факел на голове. Но подумала: есть!

Во второй раз перехитрила царевна родню Гугурчи.

Но мать Гугурчи не уgomонилась. Когда вернулось к ней зрение, она велела царевне:

— А теперь вот тебе третья задача: достань из колодца семь кувшинов топлёного масла для свадебной халвы.

Как вместо воды достать из колодца масло, царевна не знала. Пошла она к колодцу и только нагнулась над ним,

чтобы заглянуть вниз, как правительница подземного царства, подкрадываясь сзади, столкнула её в колодец.

Гугурчи увидел это из окон дворца. Бросился он к колодезю, вытащил свою жену, и пустились они бежать. С собой Гугурчи захватил пузырёк морской воды, острый нож и пачку иголок.

За беглецами отправилась в погоню злая тётка Гугурчи. Не бежит — летит, вот-вот догонит и схватит! Кинул Гугурчи через плечо пачку иголок и крикнул:

— За нами, перед тобой, пусть вырастет колючий, как иголки, терновник!

И вырос за спиной у беглецов густой колючий терновник.

Колдунья-тётка семь дней прогрызала в нём дорогу. Вся в кровь изодралась, но прогрызла. И ещё шибче за ними погналась. На просторной равнине она чуть было не настигла Гугурчи и царевну. Но Гугурчи метнул через плечо острый нож и крикнул:

— За нами, перед тобой, пусть встанут скалы острые, как этот нож!

И выросли между ними высокие скалы. Вгрызлась в них тётка зубами, изранилась, порезалась, но всё же прорвалась вперёд догонять беглецов.

Царевна утомилась, ноги до крови сбила, от голода ослабела. Взял её Гугурчи на руки, понёс. А злая колдунья уже догоняет, по пятам идёт... Посадил Гугурчи жену отдохнуть. Плеснул на землю морскую воду из пузырька и крикнул:

— За нами, перед тобой, пусть разольётся озеро!

И разлилось за ними солёное озеро. Плавать колдунья не умела и в том озере утонула.

— Ух-Вай! — позвала тогда царевна.

И тотчас возник перед ней великан и сказал:

— Я здесь! Приказывай, царевна!

— Отнеси нас поскорее в дом моего отца!

Поднял Ух-Вай царевну и Гугурчи и взвился под самые облака. Опустился перед царским дворцом. Царь был счастлив, что вернулась его любимая дочь. А как увидел своего зятя, сразу его полюбил, давай его обнимать.

Сыграли во дворце весёлую свадьбу, и зажили с тех пор молодые счастливо, и рождались у них сыновья, похожие на отца, и дочери, похожие на мать.

Тут и сказке конец!

ДЫНЬКА

То ли было, то ли не было — жили, говорят, в одном ауле старик со старухой. И подрастали у них две дочери: одна дочь — старухина, другая — старикова. Старикова дочь — красавица, росла девушкой скромной и ласковой, на всякую работу умелой. А старухина дочь — некрасивая, росла злой, сварливой и лентяйкой к тому же. Но родную дочь старуха знай похваливала да по головке гладила. А падчерицу всегда только бранила да колотила — хотелось ей выжить бедняжку из дому.

И вот пристала старуха к старику:

— Что хочешь делай, куда хочешь девай ты свою дочь, но чтоб глаза мои её не видели! В поле её с собой возьми, заведи подальше и там оставь, чтоб мои уши голоса её не слышали!

А у того старика было, оказывается, далёкое поле. Вот положил он в хурджин дыньку, кликнул дочь и увёл её из дому.

Шли они, шли. Наконец дошли до старикова поля и сели отдохнуть. Дорога была трудной, девушка устала.

— Я прилягу отдохну, милый отец! — сказала она.

— Ну что ж, отдохни, милая дочь!

— А ты никуда не уйдёшь? — спросила девушка.

— Нет, не уйду, милая дочь, — обещал отец. — А если боишься, что уйду, положи голову на рукав моей черкески.

Поверила дочь, положила голову на рукав отцовской черкески и уснула. А отец отрезал потихоньку рукав и ушёл домой.

Проснулась девушка, видит: отца нет, она одна в поле,

кругом ни души. Только лежит подле неё на траве маленькая дынька...

Стала девушка громко кричать и плакать, звать отца. Вдруг, откуда ни возьмись, налетели на неё вороны. Закружились над ней чёрной тучей, закаркали:

— Скажи, ты не птичка ли? Скажи, ты не птичка ли?

— Да, милые вороны, да! Я — бедная птичка! — ответила девушка.

И когда она так ответила, вороны, не причинив ей никакого зла, улетели.

Сидит девушка одна в поле. Скучно ей, и давай она забавляться дынькой, что оставил отец, давай вертеть дыньку в руках, подбрасывать и приговаривать:

Ах, дыня сладкая, мой свет,
Как быть сиротке? Дай совет!
Не съесть я не могу тебя,
И съесть я не могу тебя,
И крова у сиротки нет!

А дынька и говорит:

— Покати меня, милая девушка, вокруг того места, на котором стоишь.

Девушка послушалась, и там, где она покатила дыньку, как из-под земли вырос красивый дом.

Девушка обрадовалась, давай опять вертеть дыньку в руках, подбрасывать и приговаривать:

Ах, дыня сладкая, мой свет,
Как быть сиротке? Дай совет!
Не съесть я не могу тебя,
И съесть я не могу тебя,
И хлебца у сиротки нет!

А дынька и говорит:

— Покати меня, милая девушка, вниз по полю.

Покатила девушка дыньку вниз по полю, и превратилась дынька в горячую печь-танур. У танура хлопотала старушка, вынимала белые хлебцы.

И вдруг печь поднялась вместе с хлебцами и полетела к новому дому.

— Ну, милая девушка, — сказала дынька, — пробуй, хороши ли мои хлебцы.

Попробовала девушка хлебцы, похвалила и давай опять вертеть дыньку в руках, подбрасывать её и приговаривать:

Ах, дыня сладкая, мой свет,
Как быть сиротке? Дай совет!
Не съесть я не могу тебя,
И съесть я не могу тебя,
И платьев у сиротки нет!

А дынька говорит тогда:

— Покати меня, милая девушка, снова вниз по полю. Девушка покатила дыньку вниз по полю, и превратилась дынька в арбу. А на арбе той чего только не было: и платья,

и скатерти, и одеяла с подушками. Настоящее приданое для невесты!

— Ну, милая девушка,— сказала дынька,— неси в дом приданое!

Внесла девушка в дом всё добро, постели убрала, чистой скатертью хлебцы накрыла. А сама нарядилась в красное платье и давай опять дыньку в руках вертеть, подбрасывать её и приговаривать:

Ах, дыня сладкая, мой свет,
Как быть сиротке? Дай совет!
Не съесть я не могу тебя,
И съесть я не могу тебя,
И мужа у сиротки нет!

И дынька тогда сказала:

— Ну что ж, милая девушка! Покати ты меня ещё разок вниз по полю.

Покатила девушка дыньку вниз по полю. Далеко-далеко укатилась дынька, уже и не видно её... Остановилась дынька на берегу и превратилась в ковёр. А в это время вброд через реку переправлялся с чувяками в руках молодой пастух. Увидел он ковёр, обрадовался и встал на него босыми ногами. И только он встал, взвился ковёр под небеса, полетел и опустился прямо перед домом девушки.

— Вот тебе муж, милая девушка!— сказала дынька.

— Кто ты и откуда, красавица?— спросил пастух.

— Выжила меня из дома злая мачеха, бросил меня на далёком поле родной отец, ждали меня беды-несчастья,— сказала девушка.— Добрая дынька спасла меня от голода и холода, подарила мне красивый дом. Не хочешь ли ты стать в этом доме хозяином?

— С радостью!— ответил юноша, и они поженились и стали жить вдвоём, а дыньку с почётом поставили на подоконнике.

Много ли, мало ли времени прошло, но вот однажды вспомнила о своей падчерице злая мачеха и сказала мужу:

— Иди, негодный старик, принеси хоть кости своей дочери!

Заплакал старик и пошёл на далёкое поле. Видит — стоит там красивый, новый дом. Вышла из того дома его родная дочь, оказала отцу уважение, накормила его, напоила, а когда уходил — подарков надарила.

Вернулся старик к своей старухе, радостный и весёлый.

— Жена!— закричал он ещё у порога.— Дочь-то моя не умерла! Она замуж вышла и живёт себе счастливо в новом, красивом доме с молодым мужем.

— Ах, проклятый старик!— закричала старуха.— Свою дочь ты замуж выдал, моя в девках сидит! Веди-ка на дальнее поле и мою дочь!

Напекла старуха для своей любимицы сладких пирожков и отправила её со стариком в дорогу.

А старик подумал и повёл старухину дочь на другое поле. Шли они, шли, дорога была трудная, девушка устала.

— Я спать хочу!— сказала она сердито.

— Ложись спи, доченька!— ответил старик.

И девушка тотчас уснула, а он отправился домой. Проснувшись старухина дочь, видит: осталась одна на далёком поле — испугалась и заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, налетели на неё вороны. Закружились вороны чёрной тучей, закаркали:

— Скажи, ты не птичка ли? Скажи, ты не птичка ли?

Ей бы сказать: «Да, милые вороны, да! Конечно, я птичка!», а она замахала руками и начала браниться:

— Сгиньте, проклятые вороны! Прочь отсюда!

И заклевали вороны старухину дочь.

На другой день погнала старуха мужа на далёкое поле.

— Иди,— сказала она,— посмотри, в каком красивом, новом доме живёт там моя доченька.

Пришёл старик и видит: от старухиной дочки одни кости остались. Собрал он кости в свой хурджин, принёс домой и высыпал посреди двора перед женой.

Рвала старуха волосы, плакала злая старуха, да уже поздно было!

ХИТРЫЙ БАЙБУРАК

Жил в одном ауле бедный старик, и было у него двенадцать сыновей. Одиннадцать старших сыновей были злые, глупые и ленивые. А самый младший сын, Байбурак, был добрый, ловкий и умный. Когда сыновья подросли, отец задумал их женить. Но вот беда: где найдёшь столько невест? И пришлось старику отправиться искать по белу свету невест для своих сыновей.

Сшил он себе сапоги без верхов и бешмет без рукавов, взял на дорогу лепёшку да баранью ногу и пошёл странствовать.

Шёл он шаг вперёд, а два назад и дошёл наконец до горы, где стояла сакля старухи Карт-Энем. Старуха Карт-Энем пряла волчью шерсть.

— Здравствуй, соседка!— сказал старик.

— Здравствуй, человек! Зачем пожаловал?

— Ищу невест для моих двенадцати сыновей,— ответил старик.— Сапоги стоптал, бешмет изодрал, а толку не видно.

— Очень хорошо! Женим-ка мы твоих сыновей на моих дочерях,— сказала старуха Карт-Энем.— У меня как раз двенадцать.

Пошёл старик домой и велел сыновьям ехать за невестами.

Быстро собрались братья и поехали. Старуха их накормила, напоила и уложила спать под волшебное одеяло, которым можно было укрыть три тысячи человек.

В полночь младший брат Байбурак услышал, как старуха точила в темноте свой большой нож, и разбудил старших.

— Не спите,— сказал он.

Наточила Карт-Энем нож, подошла к братьям и спросила:

— Кто спит, кто не спит?

— Я не сплю!— откликнулся Байбурак.

— Почему же ты не спишь?— удивилась старуха.

— Потому что твои гуси кричат.

Пошла старуха Карт-Энем и зарезала своих гусей. Только трёх оставила — это были волшебные гуси.

— Кто здесь спит, кто не спит?— спросила она, вернувшись.

— Я не сплю!— откликнулся Байбурак.

— Почему же ты не спишь?— рассердилась старуха Карт-Энем.

— Потому что твои коровы мычат.

Побежала старуха Карт-Энем, разбудила старшую дочь, и вдвоём перерезали они всех коров.

Едва старуха Карт-Энем вышла, кинулся Байбурак к братьям, и они помчались прочь от этих мест так быстро, как только умели.

А старуха Карт-Энем пришла домой и поняла, что Байбурак с братьями перехитрили её. Взвыла она от злости, села в арбу без колёс и полетела за ними в погоню.

Увидел Байбурак: догоняет их Карт-Энем, бросил в неё камень, и выросла между ними высокая гора. Старуха Карт-Энем стала грызть эту гору своими железными зубами, прогрызла насквозь и опять погналась за братьями.

Она уже почти догнала их, но Байбурак топнул ногой, и за спиной у братьев легла глубокая пропасть. Старуха Карт-Энем не смогла её перепрыгнуть. Пришлось ей повернуть обратно.

А старшие братья хоть и вернулись домой благополучно, но по глупости и по злобе возненавидели Байбурака за его смелость и ловкость и только и думали о том, как бы его погубить.

И придумали наконец. Пришли к хану той страны и сказали:

— У старухи Карт-Энем, великий хан, есть волшебное одеяло, которым могут укрыться сразу три тысячи человек.

Хану очень захотелось иметь такое одеяло.

— Добудьте мне его!— приказал он.

— Мы не добудем, наш братец Байбурак добудет,— ответили одиннадцать братьев.

— Тогда скажите ему: пусть принесёт мне волшебное одеяло, а не то голову отрублю.

Не долго думал Байбурак, перекинул через плечо палку и отправился за волшебным одеялом.

Пришёл он к старухе Карт-Энем, забрался на крышу и продолбил в крыше дыру как раз над постелью хозяйки. Потом воткнул в конец палки иглу и сидит — ночи дожидается.

Вот уснула Карт-Энем, а Байбурак просунул палку в дыру и уколол её иглой. Подумала старуха, что её блохи кусают, и с досады выбросила за дверь волшебное одеяло.

А хитрый Байбурак взвалил одеяло на спину и ушёл. Старуха Карт-Энем поворочалась ещё немного, а потом подумала: «Не стащил бы этот хитрец Байбурак моё одеяло!» Вышла из сакли и увидела: одеяла нет, а Байбурак уже переваливает через соседнюю гору.

Чуть не лопнула старуха Карт-Энем от злости, села в арбу без колёс и пустилась в погоню.

Как только стала она догонять Байбурака, он бросил камень, и за спиной его поднялась высокая гора. Вгрызлась старуха в эту гору железными зубами и прогрызла её насквозь. Вот-вот догонит она Байбурака.

Тогда Байбурак топнул ногой, и легла между ними глубокая пропасть. И опять Карт-Энем не смогла перебраться через неё и, лязгая зубами, вернулась домой.

А Байбурак отнёс волшебное одеяло во дворец и получил от хана в награду золотой червонец. Ещё больше возненавидели Байбурака завистливые братья. И придумали они, как его погубить. Пришли к хану и сказали:

— У старухи Карт-Энем, великий хан, есть волшебные гуси: они умеют предсказывать будущее, — и наш Байбурак может добыть тех гусей.

Хан призвал к себе Байбурака:

— Добудешь мне волшебного гуся?

— Добуду! — ответил Байбурак.

Мало ли шёл Байбурак, много ли, но пришёл к старухе Карт-Энем и спрятался за дверь.

— Поди-ка принеси мне гуся, — сказала как раз в это время старуха Карт-Энем старшей дочери. — Я погадаю, где теперь этот хитрец Байбурак.

Дочь принесла гуся.

— Гусь, где сейчас Байбурак? — спросила старуха.

— У тебя за дверью спрятался, — ответил гусь.

Не поверила старуха Карт-Энем, рассердилась и оторвала гуся голову, а дочь послала за вторым гусем.

Принесла дочь второго гуся.

— Ну-ка, гусь, где сейчас Байбурак? — спросила старуха Карт-Энем.

— Здесь, за дверью стоит, — ответил гусь.

Тогда и второму гуся оторвала она голову и послала дочь за третьим.

Третий гусь онемел от страха, когда увидел, что случилось с другими гусями, а потом закричал:

— Посмотри сама, Байбурак стоит за дверью!

Тут только догадалась старуха открыть дверь. В уголке стоял Байбурак. Она схватила его и стала привязывать к столу. А сама распевала:

Ну, попался ты мне наконец!
Вот тебя и зажарю, хитрец!

— Эка скука одной обедать,— откликнулся Байбурак.— Позвала бы на обед своих родственников, а потом уже и песни пела!

И старуха Карт-Энем побежала скликать на обед своих родственников, а Байбурак разорвал верёвки, схватил под мышку волшебного гуся и пошёл домой.

На этот раз старуха Карт-Энем пустилась в погоню слишком поздно — всех родственников ведь не скоро созовёшь,— Байбурак спокойно добрался до своего дома, отдохнул немного и понёс хану в подарок волшебного гуся. А хан на радостях дал ему целых два золотых червонца.

Злые братья совсем высохли от зависти. И пошли к хану в третий раз, и сказали ему:

— Волшебное одеяло и гусь-предсказатель у тебя теперь есть, великий хан. А Байбурак похваляется, говорит: при-тащу сюда и старуху Карт-Энем.

Позвал хан Байбурака и спросил:

— Приведёшь во дворец старуху Карт-Энем?

— Привести можно, — сказал Байбурак. — Боюсь только, как бы не было беды.

Пошёл Байбурак к ханскому кузнецу и велел сковать железный сундук со ста замками, а потом переоделся в лохмотья, прицепил себе бороду из пакли, поднял сундук на плечо и заковылял к старухе Карт-Энем.

— Знаешь ли ты Байбурака? — спросил он у старухи Карт-Энем.

— Ох, знаю, знаю! Много горя причинил мне этот хитрец Байбурак, — ответила старуха.

И тут она увидела железный сундук.

— Для чего ты таскаешь с собой такой тяжёлый сундук?

— Я прячусь в него летом от жары, а зимой от холода, — объяснил Байбурак.

— Продай мне сундук, — попросила старуха Карт-Энем.

— Продать можно... Только ты сперва залезь в него, посмотрим, удобно ли тебе будет.

Байбурак открыл крышку и, едва старуха Карт-Энем залезла в сундук, щёлкнул и запер все сто замков.

Взвалил Байбурак сундук на плечи и понёс его в город, но во дворец с ним не пошёл, явился к хану налегке и сказал ему:

— Всё! Больше я тебе не слуга! И награды мне никакой не надо. Вот тебе ключи от сундука.

Отдал Байбурак ключи хану и забрался на высокую башню. А перед дверью той башни была вырыта глубокая яма.

Прибежал хан за сундуком и только открыл последний из ста замков — старуха Карт-Энем выскочила и проглотила хана живьём.

Поглядела потом Карт-Энем по сторонам и увидела Байбурака на высокой башне. Бросилась она к нему, да второпях споткнулась, упала в яму и разбилась.

А Байбурак зажил с тех пор спокойно. И жил, надо вам сказать, неплохо.

Я сам в гостях у него был. Брагу пил, халвой закусил!

СЫНОВЬЯ МЕЛЬНИКА

Жил-был мельник. Мельница его стояла на быстрой речке, дело своё он знал хорошо. И на жизнь свою не жаловался. Борода у него всегда была в мучной пыли.

Но вот мельник умер. Осталось три его сына, и пошёл между ними спор: что делать с мельницей?

Два старших брата захотели делиться. А младший уговаривал братьев работать сообща. Да разве уговоришь их!

Тогда разделили мельницу на три части и дали старшему брату выбрать любую часть.

— Я не хочу работать на мельнице, как наш отец, и вечно ходить с пыльной бородой, — сказал старший.

И отказался от мельницы, взял себе запруду.

— И мне не нравится ходить с пыльной бородой, — сказал средний брат и выбрал себе крышу мельницы.

Так и досталась мельница младшему брату.

Старший брат привёл в порядок запруду, средний починил крышу, и больше дел у них не было, а младший с утра до ночи работал на мельнице, молот людям зерно.

Но вскоре старшему брату стало лень возиться с запрудой — бросил он лопату и ушёл.

Шёл он, шёл, одну гору миновал, другую позади оставил и дошёл до ущелья, где жил змей ашдага.

— Здравствуй, ашдага! — дрожа от страха, поклонился.

— Ишь какой вежливый! — проворчал ашдага, а потом спросил: — Не знаешь ли какой сказки или песни?

— Нет, — ответил старший брат, — не знаю...

— Вот как! Тогда я тебя проглочу, — сказал змей и проглотил старшего брата.

Немного погодя, когда пришло время чинить крышу мельницы, ушёл из дому и средний брат и тоже попал в брюхо ашдаги.

А младший брат был хороший брат. Не мог он спокойно сидеть дома да молотить муку, когда пропали два его брата. Остановил он мельницу, открыл запруду и отправился на поиски.

Пришёл он к тому ущелью, где жил ашдага. Увидел, какой у того круглый живот, и сразу понял, куда исчезли его братья.

— Привет тебе, ашдага!— крикнул он.— Такой большой привет, как твоё ущелье.

— Ишь какой любезный!— проворчал ашдага.— А не знаешь ли ты песен или сказок каких?

— Как не знать! Знаю песни, знаю и сказки, знаю и кое-что другое. Хочешь — спою, хочешь — расскажу, хочешь — ещё что-нибудь сделаю по твоему приказу.

— Расскажи сначала сказку,— велел ашдага.

— Хорошо! Только ты, ашдага, пока я сказку не кончу, ни «да» ни «нет» не говори. Скажешь — распорю тебе брюхо!

— Согласен!— сказал ашдага.

И мельник начал:

— Было у меня пятьдесят коней. В то лето, как я их пас, стояла сильная жара и вода всюду высохла. Маленьким жеребяткам захотелось пить, и погнал я их к реке. Река была покрыта льдом, жеребята не хотели к ней подходить. Тогда я вынул из-за пояса топор и прорубил прорубь. «Надо было бы бедную речку согреть!» — подумал я. Собрал хвороста, развёл костёр.

От этого костра случился пожар: загорелась река и камни на берегу.

Испугался я, побежал за своим топором. Смотрю: железный топор сгорел, а деревянное топорище целёхонькое лежит...

Ашдага хотел было сказать: «Нет, железо не горит», да промолчал.

— Поехал я дальше,— продолжал мельник свою сказку.— Топорищем нарубил в лесу деревьев и сделал арбу. Потом из этого же топорища застрелил двух оленей. Мясо съел, шкуры на ветвях повесил сушиться.

Прихожу как-то раз посмотреть шкуры и застаю на том месте двух пчёл. Пчёлы между собой дерутся, а драка у них

пошла от обиды. Заспорили они, кто из них больше мёду приносит.

«Ваш спор можно решить без драки,— сказал я.— Летите несите мёд, и я вам скажу, кто из вас прав».

Полетели пчёлы наперегонки мёд собирать. Через несколько дней обе оленьи шкуры были полны мёдом.

«Вот видите,— сказал я пчёлам,— мёду вы насобирали поровну, и спорить, выходит, было не о чем!» — взял и запряг пчёл в свою арбу. На арбу взвалил обе шкуры да и сам сел.

Везли меня пчёлы смирно и спокойно, подгонять их не пришлось. Вдруг одна пчела споткнулась. Я взмахнул было кнутом, чтоб её ударить, да, на беду, зацепился кнутовищем за тучу, и подбросило меня высоко в небеса. Ухватился я одной рукой за небесный свод и долго так висел, а потом заметил стог сена на земле и спрыгнул прямо на него...

— Нет,— сказал ашдага,— всё это выдумки! Так не бывает.

— Подставляй брюхо, змей!— закричал мельник и одним взмахом кинжала распорол ашдаге живот.

И тотчас выскочили оттуда старшие братья, очень тощие и очень бледные, но очень довольные и очень счастливые.

И все трое вернулись на мельницу и стали работать дружно, сообщая, не заботясь о том, что бороды у них всегда в мучной пыли.

БАЦУЛАЙ И КАЦУЛАЙ

То ли было, то ли не было, растила вдова Бацула́й трёх маленьких дочерей.

Собралась она однажды на мельницу зерно смолоть и сказала дочкам:

— В наш аул повадилась ходить ведьма Кацула́й. Она ходит со своей собакой и крадёт маленьких детей. Заприте крепко двери и не открывайте никому. А меня узнаёте по голосу. Я скажу вам два слова: «Я Бацулай!»

А ведьма Кацулай в это время стояла со своей собакой за углом и всё слышала.

Взвалила мать на плечи мешок, ушла на мельницу. А Кацулай тихонько подкралась к двери и ласковым материнским голосом сказала:

— Не приходила ли к вам Кацулай, детки? Откройте поскорее! Я ваша мама Бацулай.

Дети поверили ведьме. Старшая девочка подбежала к двери, открыла её, а собака Кацулай схватила девочку и унесла.

Вскоре вернулась мать домой. Видит, нет старшей дочки.

Долго искала бедная Бацулай свою девочку. Весь аул обошла, поднималась на высокие горы, опускалась в глубокие ущелья, нет нигде и следов её доченьки.

Через месяц ли, через два собралась Бацулай на базар: пряжу продать, соли купить.

— Смотрите, детки, никому не открывайте! — строго наказывала она. — Только мне откройте, когда скажу: «Я Бацулай!»

Дети пообещали ей никому-никому не открывать, чужого в дом не пускать. И мать ушла.

И только она из глаз скрылась, Кацулай тут как тут. Голосом матери она сказала:

— Не приходила ли сюда Кацулай, деточки? Открывайте, я ваша мама Бацулай!

И средняя девочка открыла дверь, а собака Кацулай схватила её и унесла.

Вернулась мать с базара, дома одна только младшая дочка плачет. Долго искала Бацулай среднюю дочь. Весь аул дважды обошла, на высокие горы поднималась, в тёмные ущелья опускалась, звала, кричала — никто не откликнулся.

Наступила зима. Надо было матери за топливом в лес сходить. Осталась дома одна младшая дочка. Строго-настрога приказала ей Бацулай:

— Помни, доченька: открывать никому нельзя! Я вернусь, скажу: «Я Бацулай», тогда и откроешь.

Вернулась под вечер мать с вязанкой хвороста, а двери настежь и в доме пусто.

Трижды обошла Бацулай весь аул. На самые высокие горы поднималась, в самые глубокие ущелья спускалась. Всё понапрасну!

Встретила она в горах старика-отшельника.

— Что привело тебя в эти дебри? — спросил старик. — Люди сюда заходить не отваживаются...

Заплакала Бацулай:

— Горе моё меня привело! Украла ведьма Кацулай моих деточек...

— Она со своей собакой частенько охотится в моих краях... А живёт она в ущелье, которое наглухо закрывается скалой. Скала у ведьмы волшебная. По её слову она расходится, как ворота, по её слову сходится.

И отшельник поднялся с Бацулай на соседнюю гору и оттуда показал ей волшебную скалу, а за ней логово людоедки Кацулай.

Поклонилась женщина отшельнику в ноги, молвила «спасибо» и собралась было идти, но отшельник остановил её:

— Это ещё не всё! Ты послушай меня. Кацулай скоро должна вернуться с охоты. Постарайся проскользнуть за ней следом, когда скала будет открыта. Там, внутри, тебе ничто не грозит. Кацулай и её пёс после охоты сразу завалятся

спать. Будут спать как убитые три дня. А ты за это время открой подвалы и выпусти на волю всех малых детей, что сидят у ведьмы под замком. А потом бегите, да побыстрее...

Отшельник подарил Бацулай кувшин с молоком лани, ветку терновника и острый как нож кремь.

Ещё раз поблагодарила Бацулай старика, поспешила к волшебной скале. Пришла и спряталась за камнями.

Ждать ей пришлось недолго. Поднялся вихрь, вершины деревьев склонились до самой земли, и сквозь шум ветра послышался собачий лай. Верхом на собаке, сидя задом на-

перёд, ехала людоедка Кацулай. Она везла хурджины, полные краденых детей.

Подъехав к скале, Кацулай остановила собаку и крикнула: «Халт!» Это было волшебное слово, и скала, словно ворота, распахнулась. Скала пропустила собаку и ведьму, а вслед за ними проскользнула и Бацулай.

Скала тут же захлопнулась. Она прищемила подол платья Бацулай. Женщина отрезала кусок подола острым кремнем, что подарил ей отшельник, оглянулась и увидела, что стоит перед домом ведьмы. Дом был высечен из цельного камня. На дверях семи его подвалов висели семь замков, а в подвалах громко плакали дети.

Бацулай спряталась и подождала, пока ведьма и её пёс захрапели. Кинулась она тогда открывать замки. Выпустила из подвалов всех детей и своих трёх девочек нашла. Обнимала она их, ласкала, плакала от радости.

Самых маленьких деток Бацулай посадила в хурджины, которые перекинула через плечо. А тем, кто постарше, велела взяться за руки и бежать следом за ней.

Собрались все у скалы. Бацулай громко сказала: «Халт!» — скала распахнулась, и все они вышли на волю, и скала за их спиной тут же захлопнулась.

Бежали они быстро, как могли детские ножки. Но вот оглянулась старшая дочка Бацулай и увидела: гонится за ними по пятам Кацулай с собакой. А бедной матери тяжело было нести хурджины, полные детей, и она всё отставала...

— Скорей, скорей, матушка! — закричала девочка. — Догоняет тебя ведьма!

Оглянулась назад средняя дочка Бацулай, видит: ведьма вот-вот их настигнет.

— Скорей! Скорей! Убегай, матушка! — взмолилась она. — Ведьма уже близёхонько!

Оглянулась назад младшая дочка Бацулай, видит: ведьма уже зубы показывает: «Всех вас съем!»

— Матушка, милая! Ведьма съест нас сейчас! — заплакала девочка.

Взяла тогда Бацулай в правую руку острый кремь — подарок отшельника и бросила в Кацулай, приговаривая:

— Пусть встанут между тобой и нами кремнёвые скалы!

И встали между ними и ведьмой неприступные скалы, и побежали мать с детьми ещё быстрее.

Но Кацулай и её собака прогрызли кремнёвые скалы.

Оглянулась назад Бацулай, видит — нагоняет их людоедка.

Бросила тогда Бацулай позади себя терновую ветку, что подарил отшельник, и сказала:

— Пусть вырастет между нами колючий терновник!

И выросла между ними колючая чаща, и мать с детьми перевели дух и побежали быстро, как могли.

Но Кацулай и её собака прогрызли дорогу в колючем терновнике, и снова догнала ведьма беглецов — по пятам идёт!

Что делать им, бедным? Силы уж на исходе... Бацулай устала нести тяжёлые хурджины, быстро бежать больше не могла... Глянула: ведьма и её пёс — вот они, уже за спиной слышны. Плеснула тогда Бацулай через плечо молоко лани из кувшинчика, подаренного отшельником, сказала:

— Пусть разольётся между нами молочное озеро!

И разлилось позади большое озеро.

Людоедка Кацулай с собакой осталась на том берегу. Плавать она не умела. Надумала озеро выпить. И так они с собакой нахлебались молока, что животы у них вздулись, как бурдюки, и лопнули с треском, подобным грому в горах.

А Бацулай и дети тоже напились молока. Они плясали и смеялись от радости. Отдохнули на травке хорошенько и пошли спокойно домой.

Спасённых от ведьмы детей Бацулай отдала их родителям, а сама с тремя своими девочками жила с той поры спокойно и счастливо.

А люди хвалили храбрую Бацулай и сложили про неё эту сказку.

КАМЫР-БАТЫР

Жил-был на свете старый пастух. Не было у него ни жены, ни сына. Много лет батрачил он у хана, пас тысячи овец, а своей ни одной не имел. Жил себе незаметно вдали от аула.

Однажды на утренней зорьке поставил он в кадушке тесто для хлебов, а сам погнал в степь ханских овец. Вернулся поздно вечером домой и услышал детский плач. Зашёл в дом, смотрит, а в кадушке, где замесил тесто, лежит ребёночек. То-то радости старику! Взял ребёнка на руки, побежал к хану.

— Что ж, — разрешил хан, — пои его овечьим молоком. Пусть растёт! Тебе будет сын, а мне работник.

Так появился у старика сынок. Рос он всем на диво. В день вырастал, как другие дети в месяц, а в месяц — как другие в год. Совсем мало времени прошло, вырос мальчик богатырь богатырём. И дали ему имя Камыр-Батыр, что значит — Богатырь из теста.

Играл однажды Камыр-Батыр с ханскими сыновьями в бабки. Проиграли ханские дети все бабки и золотую битую в придачу. Жалко им было с битой расставаться, хотели у Камыр-Батыра силой отнять, но куда ж им с ним справиться! А он сказал:

— Верну и бабки, и битую, только дайте щёлкнуть каждого по лбу разок.

Сыновья хана согласились, и вlepил Камыр-Батыр каждому по щелчку. Да так щёлкнул, что пробил ханским наследникам дырки во лбу.

Кинулись сыновья к отцу с жалобой. Разгневался хан, а того больше испугался:

— Это что ж такое! Подрастёт разбойник, нам и вовсе житья не станет! Надо его известить...

Вот собрал хан своих советчиков думать, как от Камыр-Батыра избавиться.

Думали они долго и надумали:

— Пошлём его к безводному озеру в высокие камыши. Там живёт трёхголовый ашдага. От него никто живым не уходил.

Такой совет хану понравился. Позвал он к себе старика пастуха:

— Пусть отправляется твой мальчишка к озеру, камыша нарезать. Пусть запрягут три арбы.

Запрягли три арбы, и поехал Камыр-Батыр за камышом. Нарезал полные арбы и только хотел обратно повернуть, как вылетел из камышовой чащи трёхголовый ашдага.

А Камыр-Батыр ничуть не испугался! Схватил чудище за холку, запряг в арбу, весь камыш на неё навалил, две арбы порожняком погнал и так въехал в аул.

Всполошился хан. Страшен был ашдага! Но для хана ещё страшнее был Камыр-Батыр. Велел он ему ашдагу прогнать и возвратиться к отцу, овец пасти.

Пошёл Камыр-Батыр в степь к отцу. Живёт тихо, ханских овец пасёт...

А хан снова советчиков позвал. Судят-рядят, как батрацкого сына погубить? Надумал хан послать Камыр-Батыра в дремучий лес, где водились страшные змеи. Из того леса ещё никто живым не возвращался.

Позвал снова хан старика пастуха:

— Отправь своего сына в тёмный лес за дровами.

Снарядил старик Камыр-Батыра, запрягли три арбы. Поехал он... В лесу нарубил деревьев, на арбы уложил и только домой собрался, видит: с трёх сторон ползут к нему три страшные змеи.

Не испугался Камыр-Батыр, обрадовался даже.

— Вот,— говорит,— хорошо! А я-то верёвки дома забыл, нечем дрова увязать!

Перевязал змеями дрова, поехал домой. Увидел хан арбы, увидел змей, задрожал от страха перед ними, а того пуще перед Камыр-Батыром. Велит старику пастуху:

— Скажи своему сыну, пусть змей прогонит, и уведи его с глаз моих долой!

Развязал Камыр-Батыр арбы, змей без памяти в лес ки-

нулись, а он сам с отцом в степь отправился, овец пасти.

В третий раз созвал хан совет. Судили-рядили, решили выкопать колодец поглубже и сбросить туда батрацкого сына.

Вырыли в степи тайно глубокий колодец. И выехал хан туда со своими советниками, будто погулять. Устроил возле колодца привал, а колодец заранее велел дорогим ковром накрыть. Сел подле, приказал угощение подавать.

Слуги гостям служили, разносили жареного барашка, а Камыр-Батыр, которого хан с собой взял, в сторонке стоял. Хан и говорит:

— Что ж ты без дела стоишь? Бери угощение, подноси гостям.

Взял Камыр-Батыр поднос, стал советчиков потчевать. Тем, кто еду разносил, на ковёр ступать не велели. Обходил его и Камыр-Батыр. Но хан приказал:

— Что сторонисься? Иди по ковру!

Шагнул Камыр-Батыр и упал в глубокий колодец. А хан тут же поднялся и уехал со всею свитой, его в колодце оставил.

Рад, что избавился от Камыр-Батыра!

Рассказали старику пастуху слуги, что хан его сына в колодец бросил и там оставил и никому близко подходить не велел, грозил — голову снесёт.

Тогда старик решил сам выручить сына из беды. Идёт на зорьке со стадом в степь мимо колодца и сбросит Камыр-Батыру еду. Идёт под вечер домой, сбросит ветку или жердь какую, а Камыр-Батыр ладит из них лестницу с перекладами.

Много ли, мало ли времени прошло, выбрался Камыр-Батыр на волю.

Пришёл он к хану и говорит:

— Не помогли тебе, хан, все твои хитрости. Получай по заслугам!

Щёлкнул хана по лбу. Дух из него вышиб. Разогнал ханских сыновей, и всю родню, и всех советников.

Освободил бедный народ.

ВЕДЬМА, ЛЮБИВШАЯ ХАЛВУ

В давние-далёкие времена, когда и прапрадеда моего ещё на свете не было, жила, говорят, в стране Закрамáne, в городе Хамада́не, бедная-пребедная, но весёлая, умная девушка-сирота Аймисей. Она собирала по дорогам навоз для кизяка, продавала людям и на эти гроши кормилась. Милостыню ни у кого не просила.

Продала однажды Аймисей мешок навоза, возвращалась домой, увидела на дереве у дороги спелые груши. Очень захотелось ей груш!

Забралась сирота на самую верхушку, сидит, грушами лакомится. А мимо шла ведьма-людоедка. Увидела Аймисей, остановилась и грубым голосом крикнула:

— Кинь и мне грушу!

Девушка выбрала самую спелую и бросила вниз. Ведьме груша по вкусу пришлась.

— Кидай ещё! Кидай!— приставала ведьма до тех пор, пока не сорвала Аймисей последнюю грушу.

Тогда ведьма сильно тряхнула дерево — и Аймисей свалилась в корзину, которая висела у людоедки за спиной.

Заторопилась ведьма домой. Прибежала к своим воротам и закричала грубым голосом:

— Ахража́т! Ххаджа́! Маллажа́й! Распахните ворота!

Выбежали три ведьмины дочери, распахнули ворота. Сунули в рот ведьме ком халвы. Больше всего на свете людоедка, оказывается, любила халву. Когда её кормили халвой, она людей не ела.

На следующий день людоедка с утра ушла за добычей. Остались дома Ахражат, Ххаджа и Маллажай. Они были

девушки добрые, боялись своей матери и не любили её.

Сёстры подружались с Аймисей и пообещали:

— Мы тебя нашей матери не отдадим!

Вечером ведьма вернулась домой с пустой корзиной, злая и голодная. Но дочери ещё у ворот сунули ей большой кусок халвы, и она отправилась спать. Так целую неделю кормили сёстры мать халвой, чтоб не съела она Аймисей.

А потом увидела Ахражат: точит ведьма в тёмном сарае длинный нож и приговаривает: «Не хочу больше халвы! Хочу мяса! Сегодня зажарю Аймисей».

Побежала Ахражат вся в слезах к сёстрам.

— О чём ты плачешь?— встревожились сёстры.

— Мать хочет нашу Аймисей съесть. Точит нож в тёмном сарае.

Поняли девушки: больше медлить нельзя. Быстро еду на дорогу собрали, обулись, оделись, друг другу помогая, ворота неслышно открыли...

Словно птицы летели они, да недалеко ушли. Ведьма только носом повела, сразу учуяла: в доме пусто. Бросилась она вдогонку. Вот-вот настигнет, вот-вот схватит Аймисей... А девушки уже были на берегу реки. Перекинули они через речку длинную жердь, перебежали на ту сторону. Ведьма тоже сгоряча на жердь скакнула, да поскользнулась и упала в воду.

Понесла её быстрая река.

— Спасите! Тону!— надрывалась ведьма.

Дочки кинулись было её спасать, да куда там! Закрутила речка ведьму и утопила в своих волнах.

Вернулись сёстры с Аймисей домой. Там немало было всякого добра в сундуках и в мешках, в погребах и в закромах. Зажили девушки, нужды не зная, дружно и весело.

Прослышали женихи в тех краях, что ведьма-людоедка сгинула, а живут в её доме четыре девушки-красавицы, завидные невесты.

Начали к ним женихи свататься. Приходили, говоря: «Выбирайте из нас любого!»

Аймисей выбрала себе пастуха. Ахражат — шорника. Ххаджа — лудильщика. Маллажай — каменщика.

Сыграли четыре весёлые свадьбы. Все соседние сёла на них пировали. И я там был. Подарили мне изумрудное колечко. Жаль, по дороге домой отняли его у меня разбойники. Сам от них еле живой ушёл!

ВЕДЬМА И ЦИНЦИР

В далёкие давние времена жили, говорят, на земле ведьмы, и пожирали они, говорят, детей.

Рассказала мне моя прапрапрабабушка. Пошли однажды, когда она ещё молодая была, девушки из её аула в лес черемшу рвать, ягоды собирать. А чтоб веселей было, взяли с собой соседского мальчика по имени Цинцир. Годов Цинциру было немного, но был он малый шустрый и смывлёный.

Рвали девушки весь день черемшу, песни пели, шутили и не заметили, как ночь наступила. Потеряли дорогу, заблудились в тёмном лесу.

Долго шли они, куда, сами не знали. Поздней ночью увидели в лесной чаще огонёк. Побежали на свет, смотрят: стоит старая лачуга, а на пороге клыкастая старуха.

— Заходите,— сладким голосом пригласила она девушек.— Я гостям всегда рада.

Накормила их ужином, постелила постель. Девушек к стене уложила, Цинцира на краешек.

А старуха та была ведьма и уже облизывалась про себя, думая, как их всех съест.

Много ли, мало ли времени прошло, спрашивает ведьма тихо-тихо:

— Кто спит? Кто не спит?

— Я не сплю,— откликнулся Цинцир.

— Это почему же ты не спишь?— удивилась ведьма.

— Меня мама ночью всегда кормит молочным пловом.

Что делать ведьме?! Сварила молочный плов. Цинцир сам поел и девушек угостил. Он уже почуял недоброе и

шепнул девушкам: «Не спите!» Улеглись все. Тихо лежат, ждут: что дальше будет?

Мало ли, много ли времени прошло, ведьма во второй раз спрашивает:

— Кто спит? Кто не спит?

— Я не сплю!— отвечает Цинцир.

— Почему?— сердито проворчала старуха.

— Ночью мама всегда даёт мне куркемей¹ и хинкал.

Что делать ведьме?! Сварила проворно хинкал, куркемей из кладовки принесла.

Цинцир сам поел и девушек покормил. Снова все улеглись. Тихо лежат.

А уже скоро светать станет. Нет у ведьмы терпения! Спрашивает потихоньку в третий раз:

— Кто спит? Кто не спит?

— Я не сплю!— говорит Цинцир.

Рассвирепела ведьма:

— Чем ещё угостить тебя прикажешь?

— Клянусь жизнью, есть я не хочу! Ты нас хорошо угостила... В это время моя мама всегда даёт мне водички. Она набирает её из речки ситом и приносит в плетёной корзине.

Сорвала ведьма с гвоздя сито, схватила корзину, побежала на речку.

Как только дверь за ведьмой хлопнула, вскочил Цинцир:

— Девушки, девушки! Поскорее вставайте! Бежим! Замахаетесь— съест нас лютая ведьма.

Побежали они, дороги не зная, куда глаза глядят. Добежали до речки. Через речку бревно перекинуто...

Перешли девушки и Цинцир на тот берег и бревно с собой унесли. Рады, что от ведьмы живыми ушли. Глядь, а ведьма уже на том берегу стоит.

— Перетащите меня, научите меня, как к вам переправиться,— просит ведьма.

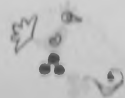
А возле речки стояла развалившаяся мельница и на траве жернова лежали.

Цинцир крикнул ведьме:

— Видишь большие круглые камни? Мы их на шею надели и перешли речку вброд.

Обрадовалась ведьма. Надела жёрнов¹ на шею и прыг

¹ Куркемей — вяленая баранья колбаса.

в воду. Жёрнов потянул её ко дну, и ведьма тут же утонула.

— Теперь и домой можно идти!— говорит Цинцир.

— Ой, нет!— зашумели девушки.— Не пойдём домой с пустыми руками. Там у ведьмы наша черемша, наши ягоды остались.

Пришлось Цинциру согласиться. Да не только черемшу и ягоды они забрали, а золото, и самоцветы, и богатую одежду. Всего у ведьмы в сундуках полно.

С тем и домой пожаловали. Всем подругам подарки сделали. Моей прапрабабушке вышитый платочек достался. Хотела она платочком нос вытереть, а платочек через нос в горло проскочил — еле вытащили.

Ведьма та была колдунья, и всё добро её было заколдованное.

КАК ПРОВЕРЯЕТСЯ ДРУЖБА

В дальнем царстве, в неведомом государстве в давние времена, когда нас с вами ещё на свете не было, жила, говорят, одна старушка. И был у неё единственный сын по имени Алискёр.

Подрос Алискер, стал сильным и статным юношей. И мать сказала ему:

— Ты теперь мужчина, сынок. Пора тебе самому хлеб добывать. Ступай-ка на заработки!

Наутро испекла старушка из последней горстки муки два лаваша¹ и дала их сыну в дорогу.

— Смотри, сынок,— наказывала она,— встретится тебе в пути человек старше тебя, называй его отцом. Встретишь равного по годам — зови братом... И скажешь встречному так: «Я бы очень хотел идти вместе с тобой, да надо мне на часок в соседний аул заглянуть... Не подождёшь ли меня? Вдвоём шагать веселее». Подождёт он — значит, будет тебе добрым товарищем... Потом, когда немало уже пройдёте, ты пожалуйся: «Я что-то устал. Да и поесть пора. Давай отдохнём!» — и протяни своему спутнику лаваш. Если он разломит лаваш на две равные половинки — значит, будет он тебе верным другом. Дальше, когда попадётся вам на пути ручей или речушка, ты, сынок, сразу начни разуваться. Не ступит твой попутчик без тебя в воду, скажет: «Зачем нам обоим ноги мочить? Давай я тебя на спине перенесу», знай — это товарищ твой, друг и брат на всю жизнь.

Дала такие наказы старушка юноше, и отправился он в дорогу.

¹ Лаваш — лепёшка.

Много ли, мало ли прошагал Алискер, но вот встретился ему человек почтенных лет. Дальше пошли они вместе, и Алискер, как учила его мать, сказал:

— Не подождёшь ли ты меня, отец? Я отлучусь ненадолго в соседний аул, мигом вернусь...

Отошёл подальше и спрятался в придорожных кустах. Смотрит, старик не стал ждать. Поднялся и зашагал, не оглянувшись.

Отправился Алискер дальше один. На следующее утро встретился ему юноша, чуть постарше его самого. Назвался он Али-Агбй. Познакомились, пошли вдвоём. Вот спустя немного Алискер говорит:

— Не подождёшь ли ты меня, братец, часок? Посиди... Я только сбегая в соседний аул, живо вернусь...

Отбежал до поворота дороги и спрятался за большим камнем.

Видит, сел попутчик у обочины и сидит спокойно, дожидается.

Обрадовался Алискер, говорит про себя: «Вот этот будет мне товарищем!»

Пошагали путники дальше, а когда наступило время обеда, Алискер протянул Али-Аге лаваш, и тот разделил его на две ровные-ровные половинки. «Ну,— думает Алискер,— будет мне Али-Ага истинным другом!»

Шли они, шли, много ли, мало ли прошли, но встретился на их пути овраг, а в нём шумливый ручей. Алискер стал было разуваться, но Али-Ага сказал:

— Зачем нам обоим ноги мочить? Залезай ко мне на спину, я тебя перенесу.

Засмеялся Алискер от радости. Убедился, что есть у него теперь настоящий товарищ и друг.

Мало ли, много ли они прошагали ещё, как попалась им по дороге глубокая пещера. Зашли в неё, а там драгоценности грудami лежат.

Не успели Али-Ага с Алискером всё рассмотреть хорошенько, слышат: людские голоса. Они быстро спрятались в тёмном углу. Смотрят: ввалилась в пещеру целая ватага разбойников. Разбойники, оказывается, ограбили царскую казну и теперь собрались добычу делить. Всё поделили мирно, а как дошла очередь до меча с золотой рукоятью, заспорили и пустили в ход кулаки.

Тут в разгар их ссоры Алискер выскочил с камнем в

руках и бросил камень в атамана разбойников. Испугались разбойники, подумали, привидение в пещере завелось, и кинулись наутёк. А Алискер побежал было за ними, чтобы ещё пуще напугать, да оступился и упал в глубокую расщелину. «Ну,— думает Алискер,— вызволит меня Али-Ага, будет он мне не только товарищем и другом — будет братом. Не вызволит — конец мне пришёл...»

И тут же слышит:

— Эй, Алискер, держись! Я бросаю тебе верёвку!

Вытащил Али-Ага Алискера из каменной западни.

— Спасибо, брат! — обнял его Алискер. — Век твоей помощи не забуду!

— За что ты меня благодаришь? — удивился Али-Ага. — Правда, золота и всякого добра здесь столько, что завладей я всем один, был бы богат, как сам царь. Но мне не богатства нужны, а чистая совесть. Разве мог я тебя, с кем делил и дорогу, и хлеб, покинуть в беде беспомощным?!

И вернулись юноши со всеми богатствами домой, к матери Алискера. Решили вместе жить.

Старушка очень рада была, что советы её помогли Алискеру найти названного брата. И зажили все трое мирно и ладно, а когда время пришло, сыграли Алискеру и Али-Аге весёлые свадьбы. И я на тех свадьбах был, гулял, ел и пил, а потом вот к вам пришёл, про них рассказать.

ХИТРОУМНЫЙ СТАРИК

Ехал однажды знатный бий¹ со своими тремя визирями, осматривал свои владенья и увидел старика, жнущего пшеницу.

— Эй, старик! — крикнул бий. — Я вижу, вершина твоей горы белым снегом покрылась.

— Что гора! — откликнулся старик. — Уже и равнину, мой бий, белая мгла застигает...

— А как с едой у тебя дела?

— Управляюсь, спасибо. Мясом хлеб жую.

— А чем ты занят, старик?

— Давал в долг, а теперь этот долг получаю.

— А если б я тебе послал трёх жирных селезней, что бы ты с ними сделал?

— Общипал до последнего пёрышка.

Усмехнулся бий, хлестнул коня и поехал дальше. А за ним следом визири... Визири ничего не поняли из беседы старика с бием и шушукались между собой: «Что бы это значило?»

Наконец старший визирь не вытерпел и спросил:

— О чём, почтенный бий, говорили вы со стариком? Я, признаться, ничего не понял...

— Ничего не понял? Ну, а вы? — обратился бий к младшим визирям.

— Ни словечка не поняли! — сказали те в ответ.

Рассердился бий:

— Какие же вы мне советчики, мои умные визири, когда

¹ Бий — князь.

простого разговора понять не можете! Или угадаете, о чём шла речь, или больше вы мне не нужны. Всех прогоню!

Отъехали визири в сторонку, начали совещаться. И так прикидывали, и этак... Ничего придумать не могут! Решили: «Вернёмся к старику, спросим у него самого».

Вернулись к старику полю, и крикнул старший визирь:

— Старик, а старик! Бий прогнал нас за то, что мы не разобрали, о чём у вас речь шла. Не скажешь ли ты нам?

— Отчего не сказать? Скажу! Только за это вы отдайте мне своих коней и одежду.

Переглянулись визири, замялись... Уж очень не хотелось им отдавать резвых скакунов и дорогое платье. Да что поделаешь! Прогонит бий, совсем худо будет!

Слезли они с коней, сняли с себя всё и говорят:

— Ну, давай, старик, выкладывай свою тайну.

И старик сказал:

— Когда бий крикнул: «Вершину твоей горы белый снег покрыв!» — это означало: «Ты совсем поседел, старик!» А я на это ответил: «Уже и равнину белая мгла застилает». Означало это: «Глаза мои стали плохо видеть». Бий спросил у меня: «Как дела с едой?» И я ему ответил: «Мясом хлеб жую». Значило это: «Жую деснами». (Зубов-то у меня ни одного не осталось!) «Чем занимаешься?» — спросил затем бий. И я ответил: «Давал в долг, а теперь долги получаю». Это означало: «Бросил я весной зёрна пшеницы в землю, как бы в долг ей дал, а теперь земля мне урожаем долги возвращает». Последний вопрос бий мне про жирных селезней задал: что бы я с ними сделал, если б они мне попались? А я ответил: «Ощипал бы до последнего пёрышка». Вот вы мне и попались! — заключил старик. — Стоите передо мной, как селезни общипанные, без единого пёрышка.

ЛЕНИВИЦА

То ли было, то ли не было, жила на свете старуха с сыном. Была у них пара быков — вот и всё хозяйство.

Однажды зимой захотелось старухе мяса, и она сказала:

— Милый сынок! Давай зарежем одного быка... Очень хочется мяса!

Сын удивился и опечалился.

— Мама, мама, — сказал он, — как же вспашем мы поле весной, если зарежем одного быка?

— Милый сынок, — ответила мать, — да неужто до весны мы не купим другого быка!

Сын не посмел послушаться, зарезал быка, и старуха всю зиму готовила разные вкусные кушанья.

Наступила весна, соседи давно уже выехали на пахоту, а у старухи так и не нашлось денег купить второго быка.

— Что ж, мама, поедem пахать, — сказал сын. — Все соседи уже в поле. Пора и нам!

Не знала старуха, что возразить. Взял сын соху, выгнал из сарая своего единственного быка, и вышли они в поле.

Быка сын запряг слева, а сам впрягся справа и принялся пахать, а старуха погоняла.

Ехал в это время мимо хан со своей свитой на охоту. Увидел хан диковинную упряжку и закричал:

— Эй, пахарь, ты почему, словно бык, тянешь соху? Что это значит?

И пахарь ответил:

— Было у нас два быка, да одного мать попросила зимой зарезать. А денег, чтоб нового купить, не нашлось. Вот и впрягся в соху я сам...

— Послушай,— сказал хан,— есть у меня на пастбище в горах один злой и ленивый бык. Ещё никому не удалось надеть на него ярмо. Если сумеешь, бери и запрягай в соху.

Очень обрадовался юноша, поблагодарил хана, пошёл на горные пастбища за быком.

Бык тот был чёрный, сильный и свирепый. Он рыл копытами землю, он грозил рогами, никому не давал к себе подойти... Но молодой крестьянин перехитрил его: выкопал большую яму и гонял, гонял быка вокруг, пока тот в неё не свалился. Там бык без еды обессилел и потерял всю свою злость. Тогда юноша привёл его домой и ещё три дня держал в хлеву и не давал ни капли воды, ни клочка сена.

После этого бык стал смирным, как телёнок, и позволил запрячь себя в соху.

Много ли, мало ли времени прошло, но вот выехал однажды хан снова на охоту. Видит он: ходит в поле с песней молодой пахарь, погоняет двух быков и с правой стороны — тот самый чёрный бык, которого никто не мог усмирить, покорно шагает в борозде.

А надо вам сказать, была у этого хана единственная дочь, и такая ленивая, что кусочек хлеба, говорят, сама отщипнуть не хотела. Она только рот открывала, а кормили её из рук няньки да служанки. Вот задумался хан, глядя на пахаря, и говорит своему визирю:

— Ступай, визирь, расскажи этому трудолюбивому человеку о моей дочке. Уж если суждено кому на свете вышить из неё лень, так это ему одному... Никто другой не сумеет!

Поскакал визирь на своём скакуне через поле к пахарю и передал ему слова хана.

— Эта девушка так ленива,— добавил визирь,— что не сдвинется с места даже при виде ореховой халвы. Хану очень хочется отучить её от лени. Он думает, что ты это сможешь. Если ты посватаешься за неё, знай: хан не откажет.

— Ладно, посватаюсь!— ответил молодой крестьянин.

Вспахал он своё поле, вернулся поздно вечером домой и говорит матери:

— Иди, мама, к хану, сватай за меня ханскую дочь.

— Что тебе в голову взбрело?— испугалась мать.— Разве отдаст хан свою дочь за бедного пахаря?

— Отдаст, мама!— уверял её сын.— Ты только сходи, посватайся...

Нечего делать! Хоть и очень боялась старуха прогневить хана, пошла во дворец.

— Каковы твои желания?— спросил хан, когда привели к нему слуги старуху.

— Как тебе сказать, почтенный хан!— смутилась старуха.— Если выдаёшь дочь, выдай. А если не выдаёшь, как тут быть? Сын мой послал меня, чтобы я посватала для него невесту.

К удивлению старухи, хан охотно согласился.

— Выдам!— воскликнул он.

Обрадованная старуха вернулась домой.

— Ну что, мама?— спросил её сын.— Как принял тебя хан?

— Согласен! Согласен!— закричала старуха.

Купили они кольцо и платье для невесты, и женился молодой крестьянин на ханской дочери.

Отпраздновали свадьбу, а на завтра собрался юноша в поле.

— Смотри, мама,— наказал он, уходя,— не давай своей невестке хлеба в руки. Положи хлеб перед ней на видном месте и уйди из дому на целый день... Проголодается — сама возьмёт!

И верно! Пришли после работы старуха с сыном домой, видят: кусочка хлеба, что лежал на подносе, нет.

На второй день наказал молодой крестьянин матери:

— Теперь положи хлеб в кунацкой¹, и пойдём-ка ячмень полоть...

Положила старуха в кунацкой кусок хлеба с овечьим сыром и ушла вместе с сыном работать в поле.

Вернулись домой, видят: и хлеб и сыр — всё съела ханская дочь, ни крошки не оставила.

На третий день наказал юноша матери:

— Сегодня не оставляй, мама, хлеб на виду. Пусть твоя невестка его сама поищет!

Спрятала старуха в кладовой целый хлебец и добрый ломоть овечьего сыра, да ещё масло в придачу, и ушла из дому вместе с сыном на целый день до вечера.

Сидела, сидела ханская дочь одна в углу на мягких подушках, и скучно ей стало, и очень она проголодалась...

— Видно, эти люди не кормят тех, кто не работает. При-мусь-ка я за дело, может, меня ужинать позовут...

Встала и давай хлопотать. Пол подмела, посуду вымыла, огонь в очаге развела. А когда убирала, нашла в кладовой еду, наелась досыта.

Вернулись с поля молодой крестьянин с матерью, видят: в доме порядок, чистота, в очаге огонь горит, а ханская дочь встаёт им навстречу и уступает старухе лучшее место на подушках.

С тех пор совсем забыла ханская дочь о своей лени. И в поле с мужем ходила, и по дому всю работу справляла — словом, стала ловкой и проворной, как пехлеван!

А хан, хоть и доволен был, что избавился от ленивой дочери, всё же скучал по ней. Да, признаться, и любопытство его замучило. Хотелось хану посмотреть: как там дочь поживает?

Велел оседлать коня и поехал со своим визирем к зятю в гости.

Встретил крестьянин тестя хорошо. Зарезал молодого барашка, а старуха мать поставила на огонь котёл с рисом.

Ханская дочь в это время как раз к роднику ушла. Вернулась она с кувшином воды. Увидела отца, увидела котёл с пловом и шепнула:

— Батюшка, видишь, из очага угли выпали?.. Ты подними их скорей! Здесь не дают есть тому, кто ничего не делает...

Подивился хан про себя. Однако смолчал, поднял с пола горячий уголёк... Угостили хозяева своего гостя пловом, и уехал он восвояси.

А молодой крестьянин с женой да со старухой матерью жили дружно, работали тоже дружно, и водились у них в доме всегда и хлеб, и мёд, и сушёное мясо.

¹ Кунацкая — комната для гостей.

ПЯТЬ ГУСЕЙ

Жил некогда один хан. Работать заставлял он крестьян до упаду, а подати собирал большие — таких до него и не слыхивали.

Вот раз задумал бедняк, которому совсем житья не стало, пойти к хану и попросить, чтобы сбавил немного подать.

Но идти к хану с пустыми руками нельзя: он слушать не станет, прогонит. И вот зарезал бедняк единственного своего гуся, зажарил, сунул своё богатство под мышку и отправился в ханский дворец.

Хан с женой, с двумя сыновьями и двумя дочками сидел как раз за обедом.

— Хорошо, — сказал он бедняку, — я тебе чем-нибудь помогу, только раздели этого гуся между нами поровну.

— Что ж, разделю, — согласился бедняк.

Он оторвал у гуся голову и отдал хану:

— Ты старший в семье, тебе полагается голова.

Потом оторвал хвост и отдал жене хана:

— Ты хвост хана — значит, тебе кушать хвост.

Крылья он протянул сыновьям хана:

— Вам лететь по отцовской дорожке, поэтому получайте крылья.

А две ноги он отдал ханским дочерям и сказал:

— Когда вас выдадут замуж, вы уйдёте из отцовского дома. Берите ноги моего гуся.

А туловище гуся бедняк оставил себе.

— За то, — сказал он, — что я делил этого гуся!

Хан ничего не мог на это возразить и даже приказал дать бедняку в награду мерочку ячменя.

Услышал об этом сосед бедняка, хитрый богач, и тоже решил попытать счастья.

— Вот увидишь, со мной хан будет щедрее, — сказал он жене.

Зарезал пять гусей и пошёл с ними во дворец.

Хану очень понравились жирные гуси, он сказал богачу:

— О, ты достоин щедрой награды! Только раздели, пожалуйста, этих пять гусей поровну.

Думал богач, думал, как разделить поровну пять гусей, когда в семье хана шесть человек, и ничего не придумал.

Пришлось звать на помощь бедняка.

Пришёл бедняк, взял одного гуся и положил перед ханом и его женой.

— Теперь вас будет трое, — сказал он.

Второго гуся он положил перед двумя ханскими сыновьями:

— И вас будет трое.

Третьего гуся бедняк положил перед двумя ханскими дочерьми:

— Ну, и вас будет трое.

А двух самых жирных гусей бедняк взял под мышки и сказал:

— И нас теперь тоже будет трое!

Делать было нечего, пришлось хану отпустить бедняка с его долей домой. А хитрый богач вернулся к своей жене с пустыми руками.

НАХОДЧИВЫЙ МЕЛЬНИК

У одного муллы кончилась в хозяйстве мука. А дело было зимой, стояли морозы, воды в запруде было мало, и на мельнице всегда толпились помольщики — ждали своей очереди.

— Поезжай-ка сам на мельницу, — посоветовала мулле жена. — Ты лицо почтенное, и тебя эти люди не посмеют заставить долго дожидаться.

Мулла так и сделал. Навьючил он на осла мешок пшеницы и отправился на мельницу.

— Смели мне муку, да поживей! — сказал он мельнику.

— Я, конечно, смолот бы, — отвечал мельник, — мне что! Но ты видишь, почтенный мулла, сколько людей дожидается своей очереди. Придётся и тебе немножко подождать...

Мулла был вне себя от обиды и стал грозить мельнику гневом аллаха.

— Если сейчас же не смелешь, — кричал он, — я совершу молитву, аллах заморозит воду в запруде и твоя мельница остановится!

— Эх, мулла, мулла! — сказал мельник с сердцем. — Не проще ли тогда помолиться, чтоб аллах превратил твоё зерно в муку?

И вернулся мулла домой с немолотой пшеницей.

ЗАЙЦЫ МУЗАИРА

Однажды охотник по имени Музаир хвастал перед соседом:

— Я вчера в лесу под одним кустом сто зайцев видел!

— Быть не может! — удивился сосед. — Целых сто?

— Ну, сто не сто, а пятьдесят — точно было.

— Постыдись, Музаир! Где это слыхано — под одним кустом пятьдесят зайцев.

— Ладно, не пятьдесят, так десять было. Это уж без ошибки!

— Да что ж десяти зайцам под одним кустом делать? Места им в лесу мало, что ли?

— Десять... — начал было Музаир, но потом подумал и сказал: — Может, и не десять. Кто их сосчитает, ушастых. Но пять-то наверняка!

— Не было и пяти! — возразил сосед с усмешкой.

— Как не было! — возмутился Музаир. — Я сам одного из них видел!

— Выдумал ты всё! И одного, я думаю, не было...

— Не веришь, значит? — огорчился Музаир. — А ведь я, честное слово, своими ушами слышал, как под кустом что-то шуршало.

КУКЛУХАЙ

Стояло в поле дерево, было в дереве дупло, в дупле гнездо, в гнезде трое птенцов, а с ними их мать, Куклухай-птица. Проходил однажды полем хан-волк, увидел Куклухай с её детками и зарычал:

Это поле моё,
В поле дерево моё,
В дереве дупло моё,
Что в дупле — всё моё!
Куклухай, Куклухай,
Сколько у тебя детей?

— У меня их всего трое,— ответила Куклухай.
Разгневался хан-волк:

— Почему трое?.. Значит, один растёт без пары? Отдай его мне, а не то прикажу срубить дерево. Скоро зима, мне дрова нужны.

Заплакала Куклухай, захлопала крыльями и бросила волку одного птенца. Волк проглотил его и ушёл.

Но на завтра он пришёл опять и опять завыл под деревом:

Это поле моё,
В поле дерево моё,
В дереве дупло моё,
Что в дупле — всё моё!
Эй, Куклухай, Куклухай,
Сколько у тебя детей?

— У меня их всего двое осталось,— сказала Куклухай.

— Зачем тебе двое? Живёшь ты бедно. Двоих тебе будет трудно растить. Отдай мне одного на воспитание.

— Нет!— сказала Куклухай.— Не отдам!

Тогда хан-волк кликнул дровосеков, и дровосеки пришли с острыми топорами.

Горько заплакала Куклухай и отдала волку ещё одного птенца.

На другой день пришёл волк в третий раз и завыл громче прежнего:

Это поле моё,
В поле дерево моё,
В дереве дупло моё,
Что в дупле — всё моё!
Эй, Куклухай, Куклухай,
Сколько у тебя детей?

— У меня теперь один-единственный сын,— ответила Куклухай, еле живая от горя.

— Ну, я избавлю тебя от забот о нём. Я беру его на службу к себе, а ты гуляй себе по лесам.

— Нет, не отдам я его! Делай что хочешь,— заплакала Куклухай.

Тогда волк рассердился и приказал дровосекам рубить дерево. Топоры ударили, дерево дрогнуло, и последний птенец выпал из гнезда. Хан-волк съел его и ушёл.

Громко закричала Куклухай и улетела далеко в лес, села на кизилевый куст и запела:

В поле дерево росло,
Было в дереве дупло,
Было гнёздышко в дупле,
Жили деточки в тепле,
А теперь не стало их,
Бедных деточек моих.

Откуда ни возьмись, прибежал хитрый лис, который давно уже хотел стать ханом вместо волка.

— О чём плачешь, милая Куклухай?— спросил он сладко. И доверчивая Куклухай рассказала всё, как было.

— Не плачь, милая Куклухай,— сказал лис.— Я добрый. Я помогу тебе отомстить злому волку. А ты лети-ка по лесам и всем рассказывай, какой он злой.

И Куклухай полетела рассказывать о злодействе хана-волка.

А лис пошёл прямо к волчьему логову.

— Куда торопишься, лис?— спросил волк, увидев лиса.

— Бегу на мельницу поживиться мукой. Мельничиха пошла к соседям огоньку попросить, и на мельнице никого нет... Хочешь, вместе пойдём, хан-волк?

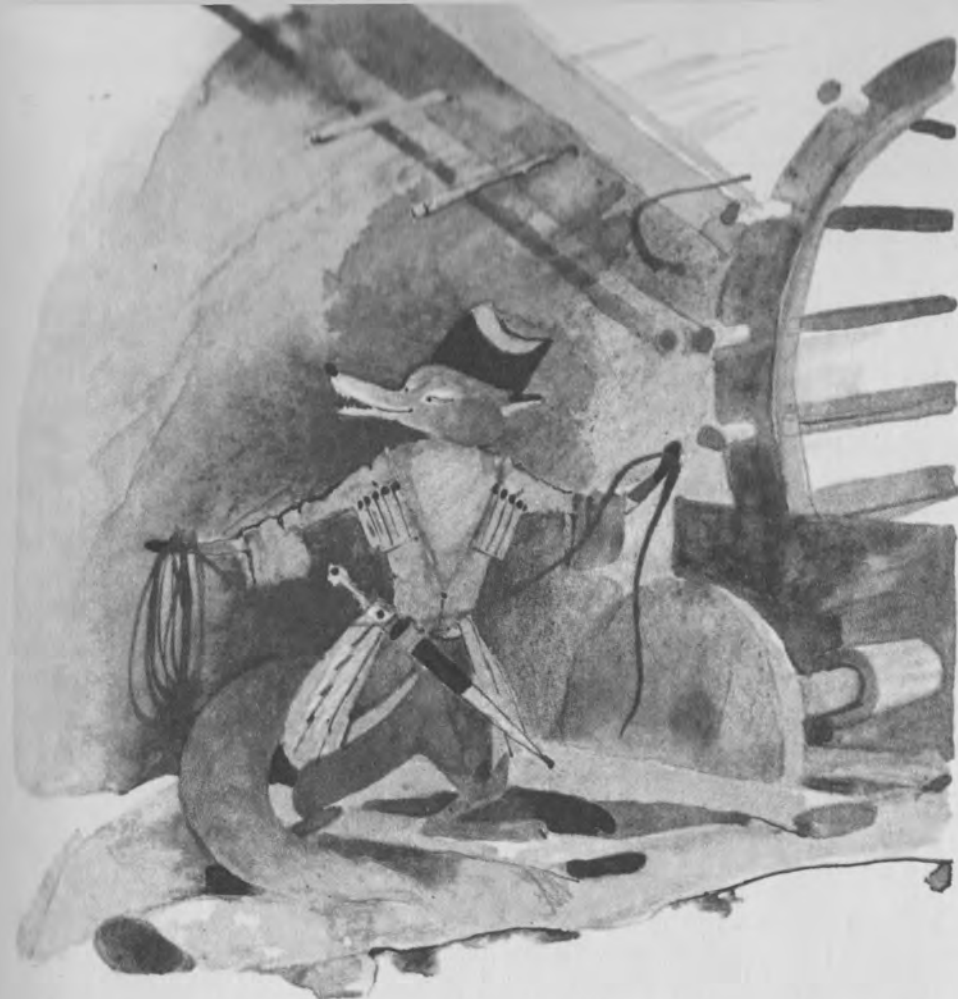
— Пойдём, — сказал волк.

Пришли они на мельницу. Волк первый забрался в ларь и наелся муки досыта. А когда пришла очередь лису лезть, он сказал:

— Ты, хан-волк, стой на страже. Только смотри не вздумай удрать!

— Что ты, лис, я и не собирался! Ешь себе спокойно.

— Нет, хан-волк, лучше давай я тебя привяжу. Это ведь ненадолго.

— Ну что ж, если ненадолго — привязывай.

Лис привязал хвост волка к мельничному колесу и пустил мельницу. Колесо закружилось, и с ним вместе волк. Било его, кружило его, а он рвался изо всех сил, пока не вырвался и не убежал. А хвост свой оставил на мельничном колесе.

Через несколько дней лис, будто случайно, снова попался хану-волку навстречу.

— Разбойник! — зарычал волк. — Ты что со мной сделал?

— А что я такое сделал? — Лис притворился удивлённым. — Я тебя в первый раз вижу.

— Как, разве не ты заманил меня на мельницу? Разве не ты оставил меня без хвоста?

— Что ты, что ты!— вскричал лис.— Я здесь совсем ни при чём. Я старый лекарь и занимаюсь только тем, что раны лечу.

— Вылечи меня, пожалуйста,— попросил волк.— Стыдно в лес без хвоста показаться. Кто же станет уважать бесхвостого хана!

— Никто не станет,— подтвердил лис.— Я тебя вылечу. Только помни: слушайся меня!

Лис привёл волка к стогу сена.

— Спрячься в стог,— сказал он,— и не вылезай, пока я не позову.

Волк залез в стог, а лис поджёг сено и убежал. Волк терпел, пока не загорелась на нём шерсть. Выскочил из стога, бесхвостый, бесшёрстный, и тут же издох от боли и досады.

— Ну вот,— сказал лис Куклухай-птице,— с волком я расправился. Теперь лети, скликай всех птиц. Пусть выберут меня ханом вместо волка. Я ведь добрый!

И Куклухай полетела из конца в конец по всему лесу и везде пела песни о доброте лиса.

А сам лис тоже рассказывал всем, какой он хороший и как он наказал злого хана-волка.

— Теперь,— говорил он,— надо выбрать нового хана, да чтоб была у него пушистая шкура и длинный хвост.

Все согласились выбрать лиса ханом. Только куры были не согласны. Но их никто не слушал.

И сделался лис ханом.

Наступила весна, и снова вывела Куклухай птенцов. Села она на верхушку дерева и запела такую песню:

Что за счастье у меня,
Что за детки у меня.
У них растут пёрышки,
Вырастают крылышки,
Скоро детки полетят,
Будут по лесу гулять...

Не успела Куклухай кончить свою песню, как увидела хана-лиса в золотом платье с серебряным кинжалом. Лис выступал важно и шёл прямо к дереву, а за ним шагали два дровосека с острыми топорами.

Подошёл лис к дереву и закричал:

Это поле моё,
В поле дерево моё,
В дереве дупло моё,
Что в дупле — всё моё!
Куклухай, Куклухай,
Всех детей мне отдай!

— Послушай, добрый лис,— закричала Куклухай,— ведь это я живу здесь со своими детками, я, Куклухай-птица!.. Ведь мы с тобой были друзьями, пока ты не сделался ханом.

— Глупая ты птица,— ответил лис.— Не можешь отличить, где правда, а где обман!— И велел дровосекам срубить дерево под корень.

Дерево срубили, лис съел птенцов и ушёл.

Так поплатилась Куклухай за то, что поверила обманам хитрого лиса. Ведь хан-лис ничем не лучше хана-волка.

СИНИЙ ШАКАЛ

Случилось однажды так, что целую неделю не попадалось шакалу никакой добычи. Совсем отощал бедняга! И вот, дождавшись темноты, отправился шакал на охоту в аул. Хотел он раздобыть курочку, а не то хоть цыплёнка... Да не повезло ему: ни курочки, ни куриного пёрышка...

Совсем отчаялся шакал. Залез на крышу низенькой сакли у окраины аула, думал, там что из еды сыщется, оступился и попал в дымоход. А оттуда угодил прямо в чан с синей краской, которую хозяйка приготовила красить нитки для ковра.

— Ну, теперь мне конец! — сказал сам себе шакал. Но всё же выкарабкался кое-как и, оставляя за собой синие следы, убежал в лес.

Тут навстречу ему, откуда ни возьмись, лиса.

— В чём дело, дружочек? Ты так изменился! Откуда у тебя такое синее платье?

Шутка лисы не понравилась шакалу.

— Не приставай! — сказал он сердито. — Знала бы, от какой напасти я ушёл, не стала бы насмехаться... Думал, раздобуду еду, а попал в беду!

— Ну-ну, не обижайся, — сказала лиса. — Не буду! Если пообещаешь меня слушаться, я тебя до отвала накормлю.

— Спасибо, сестричка-лиса, — обрадовался шакал. — Я буду тебя во всём слушаться, слово даю!

— Тогда так. Откажись раз навсегда от своей дурацкой привычки выть во весь голос.

— Пожалуйста!

— Смотри! Не сдержишь слово, пеняй на себя.

— Скажешь такое, сестричка-лиса! — обиделся шакал. — Я же не совсем глуп. Когда надо, могу и помолчать.

— Тогда пошли, — сказала лиса.

Она-то вовсе не о шакале заботилась. Лиса тоже была голодна, и при виде синего шакала ей в голову пришла хитрая мысль. Очень надеялась лиса на синюю шакалью шкуру!

Идут они — впереди лиса, хвост трубой, сзади шакал еле ноги волочит. Пришли на лесную поляну к старому-престарому дубу. Здесь лиса уселась на пенёк, а шакал без сил наземь повалился.

— Где же обещанная еда, сестричка-лиса?

— Не торопись! — строго ответила лиса. — Видишь в дубе большое дупло? В этом дупле ты будешь жить... И запомни: далеко отсюда, в лесах Индостана, царствует владыка всех зверей — могучий царь лев. А ты отныне — царский сын, его наследник.

Опешил шакал от такой новости. Оглядел себя со всех сторон — тощий, синий — и спрашивает:

— Ты, никак, лисанька, с ума сошла?

— Мой ум всегда при мне, — гордо сказала лиса. — Заруби себе на носу: ты сын царя льва. Отец послал тебя в наш лес править всем звериным царством. А я — твой визирь. И без моего совета ты шагу не смей ступить. Понятно?

— Понятно-то понятно... Но ты посмотри на меня хорошенько... Ну, похож ли я на царя?

— Похож не похож — не твоя забота. Твоё дело помалкивать. Сиди здесь и жди меня. Пойду скликать подданных. Пусть приходят поздравить тебя со вступлением на царство и несут подарки.

У голодного шакала не было сил спорить с лисой. Залез он в дупло, свернулся калачиком и уснул. А лиса побежала в лес, созывать зверей на поклон царю. «Да не забудьте захватить гостинец», — добавляла она при этом. Затем раздобыла лиса где-то табуретку — царю вместо трона — и вернулась к старому дубу.

А звери... Звери побоялись прогневать новоявленного царя, и все потянулись на поляну. Кто тащил кусок мяса, кто мёд, а кто мышью полевую. Пришли медведи и кабаны, джейраны и волки, зайцы и рыси. Лиса расставила зверей по росту, собрала подарки и полезла к шакалу в дупло.

— Ешь, дружочек, — сказала лиса. — А потом выйдешь и произнесёшь тронную речь.

Шакала не надо было просить, набросился с ходу на вкусное угощение. Визирь-лиса от него не отставала, тоже закусила славно. А звери терпеливо ждали на поляне...

Ну вот, вылезла наконец лиса из дупла, утирая усы, и сказала зычным голосом:

— Эй, слушайте все! Идёт сын великого владыки льва, наш дорогой царь.

Тут все звери поклонились шакалу в пояс, а он важно прошествовал мимо них и взгромоздился на табуретку. Звери во все глаза глядели на царя в невиданной синей шкуре. «Что за штука?— думали они.— Царь этот вроде на шакала смахивает, и походка шакалья... Только синий весь... Чудеса!»

Шакал с важным видом восседал на табуретке, но рта не открывал. Боялся невпопад сказать.

Лиса смекнула, в чём дело, и говорит:

— Наш дорогой царь притомился с дороги. Поэтому от его имени приветствую вас я. Царь вами вполне доволен. Он вступает на царство. Живите спокойно и дружно!

Потом от лица всех зверей приветствовал царя медведь, а шакал, услышав его рёв так близко, затрясся от страха, но всё же важно покивал головой в знак того, что медвежьей речью доволен...

— А теперь расходитесь,— велела лиса.— Царица с наследниками прибудет в пятницу... Тогда снова придёте, да про подарки не забудьте.

Звери разбрелись послушно, а лиса сказала:

— Ну вот, дружок, видишь, я и сделала тебя царём. Пошли доедать гостинцы.

Забрались шакал с лисой в дупло и лакомились там, пока животы не вздулись. Легли отдохнуть... Только было лиса задрёмывать начала, вдруг слышит:

— Визирь, а визирь!

Хоть и досадно было лисе, что ей сон перебили, всё же спросила:

— Ну, чего тебе, царь? Захворал от обжорства, что ли?

— Как ты смеешь так с царём разговаривать?!— воскликнул шакал.— Я пить хочу. Принеси мне воды поскорей!

— Ел бы поменьше, так и жажды бы не было,— проворчала лиса.— Откуда, скажи на милость, я принесу тебе воду?

— Молчать!— крикнул шакал ещё громче.— Не забывай,

с кем говоришь! Я — царь! И отец мой, и дед мой были царями, и мать моя была царица. Ты же сама видела, как звери в пояс мне кланялись.

Лиса оскалила зубы:

— Ах ты хвастун! Да не я ли тебя в цари произвела? Помалкивай, дружок, а не то не сносить тебе твоей синей шкуры.

— Ну, что ты, визирь! Я ведь пошутил, — испугался шакал. — Не сердись. Давай лучше пойдём воду поищем.

Нашли они в лесу родник, напились всласть, и тут шакал от полного удовольствия взвыл во весь голос, как это все шакалы делают. Забыл совсем, что обещал лисе никогда не выть.

А неподалёку в кустах спал старый волк. Проснулся он от шакальего воя, выглянул и сказал:

— Эге! Ну и дураки же мы все были! Ведь это обыкновенный шакал, даром что синий! — Прыгнул, схватил шакала за шиворот и утащил в кусты на расправу.

БАШМАЧОК ИЗАГУРЫ

Свила куропатка среди трав на горном лугу гнездо и вывела птенцов. Такие пёстренькие, такие красивые детки вывелись! Да вот беда: повадилась к гнезду змея. Рыщет вокруг в траве, на птенцов поглядывает... Лишилась бедная куропатка покоя.

Пошла она с жалобой к соседке-сороке — та жила в роще поблизости.

— Сорока, сорока! Что делать? Съест моих птенчиков ненасытная змея! Выручай меня, ты птица бывалая, умная.

— Я сама боюсь этих проклятых змей больше всего на свете, — призналась сорока. — Но всё же попробуем! Давай я во всё горло кричу: «Вярк! Вярк!» Может, змея испугается и больше не приползёт? А если не испугается, я полечу посоветуюсь с лисицей.

Но змея и не подумала пугаться сорочьего «вярк! вярк!». Она подкрадывалась к гнезду всё ближе и жадно поглядывала на птенцов куропатки.

Полетела сорока к лисе.

— Нет ли в твоём мешке с хитростями средства от змей? — спросила она.

Долго рылась лисица в своём большом мешке с хитростями, наконец нашла.

— Есть! — сказала она. — Есть подходящая хитрость. Лети поскорее к вóрону. Ворон всё может! Если он согласится, пусть украдёт золотой башмачок Изагуры и сбросит на камень, под которым живёт змея.

Так и сделали. Когда Изагура, отдохавшая на балконе, сняла свои расшитые жемчугом и самоцветами золотые баш-

мачки, ворон налетел, схватил один башмачок и поднялся с ним в небо.

Стража во дворце подняла тревогу: «Драгоценный башмачок украден! Ловите вора!» Только ворон-вор был уже далеко. Кто бы смог его поймать?!

Полетел ворон к тому камню, под которым жила змея, и бросил башмачок на землю.

А стража с крыши дворца следила за ним и побежала скорее туда. Но тем временем, пока стража бежала, лисица (она затаилась поблизости) взяла башмачок и утащила к себе в нору.

Что тут было! Все камни вокруг перевернула стража. Но золотой башмачок так и не отыскался. Зато под одним камнем нашли свернувшуюся в клубок змею и отрубили ей голову.

Говорят, к тому камню и поныне люди ходят, старики ходят, дети ходят, ищут драгоценный клад. А вдруг да блеснёт счастливцу золотой башмачок Изагуры?

Ну, башмачок пускай в норе лежит! А куропатка спокойно вырастила своих птенцов. Спасибо лисе с её мешком хитростей.

ГЛУПЫЙ ВОЛК

Дело было под вечер. Шёл как-то лесом голодный волк, и повстречался ему осёл.

— Осёл,— говорит волк,— я тебя съем!

— Да ты, братец, глуп, должно быть!— удивился осёл.— Мясо осла можно есть только натошак. Съеденное вечером, оно смертельный яд! Если не хочешь умереть, отведав моего мяса, подожди здесь немножко. Я принесу тебе постель, ты поспишь до утра, а рано утром — да буду я для тебя лекарством!— ты меня съешь.

— Молодец!— воскликнул волк.— Ты рассуждаешь разумно. Ступай же, тащи постель... да поскорее. Я подожду.

Побежал осёл вприпрыжку к своему дому и, конечно, не вернулся. А волк ждал его до тёмной ночи, пока наконец не понял, что его обманули.

С великой злобою в сердце, голодный-преголодный, поплёлся он дальше.

— Клянусь,— рычал волк,— кто бы не встретился мне на пути — я проглочу его живьём!

На рассвете повстречался ему козлёнок.

— Эге-ге, козлёнок!— крикнул волк.— Сейчас я тебя съем!

— Я в твоей власти,— покорно ответил козлёнок.— Но что за вкус в моём мясе, когда оно без чеснока, без кислой приправы?.. Одна преснота! Позволь, я сбегаю домой и принесу чеснока и кислой подливки!

— И то правда!— согласился волк.— Я и сам слышал, что козлятину едят с кислой подливкой и чесноком... Ты хо-

рошо сделал, что напомнил мне об этом! Ступай и возвращайся поскорее!

Подждал волк козлёнка, подждал — и всё напрасно! Уж и скрежетал он зубами! Уж и бранился!.. И не так голод его мучил, как обида, что обманули его. И кто! Козлёнок.

«Осёл, конечно, тоже меня обманул, — размышлял волк. — Что было, то было! Но осёл — это всё-таки осёл! Животное серьёзное... А тут какой-то козлёнок! В следующий раз надо быть умнее!»

Так, разговаривая сам с собой, брёл волк по лесу, пока не вышел на берег моря.

Здесь увидел он буйвола, который нежился в большой грязной луже.

— Буйвол, буйвол! Прощайся с жизнью! Я тебя съем! — прорычал волк, оскалил зубы и приготовился к прыжку.

— М-м-м, я-то думал, ты умный! — лениво промычал буйвол. — А глупей тебя, оказывается, зверя нет. Ну что ты кричишь и прыгаешь? От твоих зубов мне всё равно не уйти! Сказал бы лучше: «Поди, буйвол, в море, искупайся. Мне противно есть тебя грязного». Вот это была бы мудрая речь.

— Верно! — воскликнул волк. — Иди купайся! Только не сиди долго в воде: я голодный...

— Не беспокойся! — сказал буйвол и пошёл к морю.

Долго сидел волк на берегу. А буйвол уплывал всё дальше и дальше.

— Эй, буйвол! — рассердился наконец волк. — Хватит полоскаться. Забыл, что я дожидаюсь тебя?

— Жди, милый, до конца своих дней! — откликнулся буйвол. — Где тебе, такому дураку, меня съесть.

Волк совсем обезумел от ярости: он увидел, что и на этот раз ушла от него добыча.

— Вернись! — метался он по берегу и подпрыгивал, когда набегала волна. — Ты что, и вправду решил не выходить?

— Нет, я шучу! — насмеялся буйвол. — Я просто играю с тобой.

Надоело волку уговаривать буйвола, и пошёл он прочь. А сам уже еле ноги волочит... Добрался до родного леса и лёг на травку. Вдруг видит, пасётся на поляне лошадь.

— Ну, любезная, уж ты-то от меня не уйдёшь! — собрал последние силы и бросился к ней.

— Волк!— взмолилась лошадь.— Ты знаешь: я перед тобой ничто! Съешь меня, так и быть. Но есть у меня к тебе одна просьба. Не будь безжалостным, исполни завещание моего покойного отца.

— Какое ещё завещание!— взвыл волк.— Я голодный, не надоедай мне своей болтовнёй!

— Отец мой завещал,— сказала лошадь,— чтоб я не смела умирать, не узнав, сколько мне лет. На подковах моих задних ног выбиты день и год моего рождения. Прочти и делай со мной, что тебе будет угодно!

— Ладно!— согласился волк.— Показывай подковы!

Лошадь вскинула задние ноги и ударила волка по глупой голове. И пришёл тут волку конец.

ТРУСЛИВЫЙ ЗАЯЦ

Рассуждал однажды, говорят, заяц сам с собой: «И что за горькая жизнь у меня! Люди не дают мне покоя. Волки не дают мне покоя. Орлы не дают мне покоя... Всех я боюсь, всегда я дрожу. Трусливей меня, верно, нет существа на свете! Лучше умереть, чем так жить!»

И отправился, говорят, заяц к морю, топиться.

Вот пришёл заяц на берег моря, а там на берегу паслись овцы. Как увидели овцы бедного зайца, разбежались в страхе кто куда...

Удивился заяц, кувыркнулся от радости через голову:

— Ого, есть, оказывается, кое-кто трусливей меня! Так нет же, не брошусь в море!

И побежал заяц, гордый и весёлый, домой в горы.

ВОЛК И ЛИСА

Испекла лисица пирог. С виду совсем настоящий, а внутри вместо мясной начинки — угли.

Взяла лисица свой пирог и поднялась на гору, где пастухи пасли овец.

— Зачем пожаловала, лиса? — спросили пастухи.

— Пришла к вам в гости, принесла вот пирог, — сказала лиса. — А вы не подарите ли мне ягнёночка? Хочу обзавестись хозяйством.

Подарили пастухи лисице ягнёнка, и поспешила она домой. Знала лисица, что ей несдобровать, когда разрежут пирог, поэтому бежала изо всех сил.

Пастухи и вправду погнались за ней, когда увидели обман.

Но лисица была уже далеко. Побранили её пастухи и ни с чем вернулись к себе.

А лисица была очень довольна, что завела хозяйство. Она заботилась о ягнёнке, кормила его свежей травкой. Пошла однажды лиса за травкой, и встретился ей волк.

— Что это ты делаешь? — удивился волк. — Для чего тебе трава?

— Завела я себе хозяйство, — похвалилась лиса. — Есть у меня ягнёнок, для него собираю травку.

— Давай помогу донести охапку, — предложил волк. — Я всё равно собирался к тебе в гости...

Гостил волк у лисы два дня, а на третий день, как ушла она за травой, съел ягнёнка.

Вернулась лиса: ни хозяйства нет, ни гостя не видно! Погоревала лиса и поднялась опять на гору, где пастухи

пасли овец. Села она в сторонке, так, чтобы пастухи не заметили. Сидит плетёт из ивовых прутьев корзину.

Бежал мимо тот самый волк:

— Что это ты делаешь, лиса?

— Надо же чем-то жить, — отвечает лиса. — Хозяйство моё погубило... Плету корзинки вот на продажу.

— Научи и меня! — попросил волк.

— О! — усмехнулась лиса. — Это очень просто! Надо только залезть в корзину и лежать там смирно, пока она не будет заплетена со всех сторон. Из такой корзины выходишь уже готовым мастером!

И волк послушно залез в корзину, а лиса заплела её наглухо. Потом она покатила корзину с горы и кричала при этом так, чтобы слышали пастухи:

— Вот кто ворует овец! Здесь, в корзине, сидит этот вор.

Позвали пастухи собак и бросились вслед за корзиной, чтоб расправиться с волком. А лисица, довольная своей выдумкой, пошла прочь и по дороге обдумывала новые хитрости.

ПАХАРЬ И ЛЕВ

Жил-был когда-то один крестьянин. Был он очень беден и хоть старался, из сил выбивался, добра так и не нажил. Вот однажды, когда он пахал своё поле, неведомо откуда появился перед ним лев.

Испугался крестьянин, а лев говорит:

— Не бойся! Я давно за тобой слежу, и ты мне пришёлся по душе. Ты любишь свой труд и трудишься всегда с охотой. Давай будем дружить. Делай своё дело, а я своё. А что добудем — всё поровну.

— Ты — лев, я — человек, — ответил пахарь. — Какая между нами дружба? Я тебя боюсь!

— Не бойся! Забудь этот страх! Ведь я первый пришёл к тебе...

— Ну что ж... — Пахарь задумался. — Попробуем! Я буду пахать землю, сеять семена, убирать хлеб. А ты?

— Летом твои посевы выгорают от зноя. Тебе ведь страшно идти к роднику за водой? У воды всегда таятся хищные звери... А я никому из них не дам даже близко подойти к воде. Ты польёшь спокойно своё поле и соберёшь большой урожай. А ещё я буду охранять твою пшеницу от кабанов, что топчут посевы, от злых людей, которые норовят украсть зерно. Спи себе ночь спокойно, а днём со спокойным сердцем трудись. Разве худо?

Согласился крестьянин. Стали они дружить, трудиться вместе. Дружба со львом принесла пахарю счастье. Он зажил в покое и достатке.

Захотелось как-то льву проверить, крепка ли их дружба.

Пришёл он к пахарю, но не в поле, как всегда, а домой и говорит:

— Ну, что, человек, плохо ли тебе живётся? Зря ты меня тогда боялся. Видишь, как славно дружить!

— Это верно! — согласился крестьянин. — Ты мне настоящий друг... Только я всё равно тебя побаиваюсь. Уж больно ты видом страшен! Голова у тебя как у лохматого пса.

Обиделся лев. Но виду не подал. Сказал только:

— Возьми кинжал и нанеси мне рану.

— Что ты! — ужаснулся крестьянин. — Как я могу!

Но лев стоял на своём, и пахарь, хотел не хотел, ранил его в шею.

Роняя на землю кровь, лев ушёл, не сказав больше ни словечка.

Забравшись к себе в логово, он усердно зализывал рану, и она быстро зажила.

А когда рана зажила, лев снова пришёл в дом к пахарю и велел:

— Найди то место, куда ты ударил кинжалом.

Искал пахарь, искал. Ни раны, ни шрама — всё заросло!

— Рана зажила, — удивился он. — Да как быстро!

— Рана кинжальная излечивается легко, — ответил лев. — Неизлечимы раны, нанесённые языком. Меня, царя зверей, ты сравнил с лохматым псом. Дружбе нашей конец. Отныне мы враги. Будь осмотрителен!

КОТ МАРАКАН

Жили-были на свете два брата, Аракан и Саракан.

Аракан был бедный дровосек. Нарубит в лесу вязанку дров, продаст, тем и жив. Днём и ночью просил он у аллаха осла, чтоб дрова возить, но аллах почему-то не спешил исполнить его просьбу.

А Саракан торговал одеждой. Портные, что шили черкески, бешметы, шубы, поручали ему их продавать. Он ездил по селеньям, сбывал товар и зарабатывал неплохо, для семьи хватало. Но осла купить Аракану он тоже был не в состоянии.

Пошёл однажды Аракан в лес, снял бешмет, положил под деревом, принялся топором работать. Нарубил большую вязанку, взял свой бешмет, а оттуда выпал лесной котёнок: он забрался в рукав и там спал.

Посмотрел Аракан на котёнка, жалко ему стало малыша. Сунул его в тепло за пазуху и пошёл домой.

Котёнку он дал имя Маракан. Делил с ним свою скудную еду, брал с собой в лес, а по вечерам рассказывал ему сказки.

Однажды к Аракану заглянул его младший брат. Он шёл с товаром в дальние селенья. А у Аракана в доме было в ту пору пусто. Не то что брата угостить, даже кота покормить нечем. И он решил: Маракан теперь уже стал на ноги, взрослый кот, пусть сам себе добывает пропитание.

— Возьми его с собой,— попросил он Саракана.— Унеси куда-нибудь подальше, чтоб не нашёл обратной дороги. Жалко мне Маракана, да приходится расставаться.

А Маракан во время этого разговора сидел в углу на ов-

чине и глаз не сводил с хозяина. Когда Саракан подошёл к нему, чтобы взять его на руки, кот выгнул спину, поднял хвост трубой, приготовился к схватке.

— Ах ты, негодяй несчастный! Брысь отсюда!— погрозился Саракан.

— Вовсе я не негодяй!— обиделся Маракан.— И несчастным ты меня не зови.— Я— предвестник счастья!

Маракан говорил гордо и, к великому изумлению братьев, человеческим голосом.

— Это что ж такое?!— воскликнул Аракан.

— Если ты предвестник счастья, что ж не осчастливил своего хозяина?— спросил Саракан.

— Время не пришло!— ответил кот.

«Может, он дело говорит?»— подумал Саракан. И взял с собой кота. Но не для того, чтоб где-нибудь бросить, а чтоб помогал ему торговать, раз уж умеет говорить человеческим языком.

Прибыли они в большой город. У Саракана здесь были кунаки. Они отвели ему горницу для его товара. Сложил Саракан вещи, оставил кота, пошёл искать покупателей.

Ходил до вечера. А вечером, слышит, поднялся в городе небывалый шум и крик.

— Что случилось?— спросил Саракан у прохожих.

— На город напали полчища крыс,— ответили ему.— Они грызут всё, что встретят на пути. Их тысячи тысяч и, сколько мы их ни убиваем, меньше не становится.

— О аллах!— ужаснулся Саракан.— А я оставил у кунаков свой товар. Что теперь с ним будет?

— Беги скорей!— посоветовали люди.— Может, хоть что-нибудь спасёшь...

Побежал Саракан со всех ног, а навстречу стаи зубастых крыс: пожирают на ходу и припасы, и одежду...

Не переводя духа добрался Саракан до дома своих кунаков, открыл дверь... И что же? Лежит его товар целёхонек, а кругом задушенные крысы валяются. Это были подвиги Маракана. Он всех крыс в доме перевёл и отправился с тем же во двор, а потом и на улицу. Ночь напролёт воевал храбрый Маракан. Всех крыс извёл, а которые уцелели, те из города убежали.

Прошёл по всему городу слух о грозном воине Маракане— истребителе крыс. Люди шли к Саракану на поклон с гостинцами.

— Отпусти, сделай милость, к нам своего Маракана на денёк-другой! Пусть похозяйничает в наших кладовых и подвалах. Может, там ещё где крысы остались.

Саракан отпускал кота, и тот усердно трудился. Не только крыс — мышки ни одной в кладовых и подвалах не уцелело. Радовались люди. Несли Саракану кто деньги, кто разные подарки. Разбогател Саракан. Вернулся домой с хурджинами, полными добра.

Отдал он Аракану заработанные котом деньги, поделился подарками:

— Вот бери! Правду сказал твой Маракан. Время пришло, и он тебя осчастливил. Живи теперь припеваючи!

Долгие годы после этого жил Аракан со своим котом, ни беды, ни нужды не ведая. Но всё на свете старится. Постарел Аракан. Подкралась и к Маракану старость.

Однажды Аракан пошёл погостить к брату. Он, как всегда, оставил Маракану еду, но задержался в гостях. А Маракан всё съел и сильно проголодался. Воевать, как прежде, с мышами и крысами он уже не смог. Но всё же удалось ему поймать одну старую мышку.

Есть её Маракан не стал. Он даже угостил её кусочком сала.

— Я теперь не ем ни крыс, ни мышей, — сказал он. — Я собираюсь совершить паломничество в Мёкку, очиститься от старых грехов. Но прежде чем пуститься в дальний путь, я хотел бы попрощаться со всем мышиным родом. Созови всех сюда!

Старая мышка поверила Маракану. Он говорил таким умильным голосом. Кликнула всех своих родичей. Пришли они.

— Есть ещё где-нибудь мыши? — спросил Маракан.

— Нет, — откликнулась старая мышка. — Все тут!

Маракан угостил мышей салом, велел им закрыть все мышинные норки, а сам запер окна и двери.

Потом он стал перед мышами и сказал:

— Я хотел проститься с вами перед отъездом в Мекку и попросить прощения за то, что губил вашего брата нескётно и нещадно. Но этой ночью кто-то из вас прогрыз мои новые чарыки¹, в которых я думал отправиться в путь. Признавайтесь, кто этот злодей?

¹ Чарыки — обувь из сыромятной кожи.

Никто из мышей не признался, потому что чарыков тех они и в глаза не видели. Тогда Маракан передушил всех мышек до одной. Подкрепился, положил в сумку с десяток мышей на дорогу и пошёл искать своего хозяина.

Дорога лежала через лес. Была она не близкой, а тут, как назло, похолодало. Принялся Маракан тёплое убежище искать. Нашёл лисью нору. Залез в неё, высунул свой пушистый хвост наружу и уснул.

В это время вернулась с охоты лисица. Она несла в зубах курочку. Положила её у входа в нору и только собралась закусить, видит: в норе змея шевелится (она приняла хвост Маракана за змею). Испугалась лисица. Бросила курицу и убежала. Пошла она к волку.

— Что делать, волк, что делать?— причитала она жалобно.— В моей норе поселился чёрный змей ашдага. Нет у меня теперь дома, негде мне, сироте, приютиться!

— Пойдём, я его уничтожу!— пообещал волк.

Пошли. Но когда волк увидел торчавший из норы хвост Маракана, он задрожал.

— Знаешь, лиса,— сказал волк,— я никогда не имел дела со змеями... И не хочу иметь, по правде сказать... Давай кликнем медведя, а?

Отправились они вдвоём медведя разыскивать.

Медведь охотно согласился помочь.

— Вот увидите, я разорву этого змея на куски!— угрозил медведь.

Пошли они втроём: впереди медведь, за ним волк, сзади лиса. Но чем ближе подходили к лисьей норе, тем медленнее топал медведь. А потом и вовсе отстал, поплёлся позади всех.

— Не люблю я драться со змеями!— признался он.

Но всё же до норы они добрались. И тут Маракан громко всхрапнул во сне. Медведь первым кинулся улепётывать. За ним побежали волк и лиса.

Бежали, бежали, сели под скалой передохнуть.

Стали гадать, как бы змея из норы выманить, чтоб хоть издали поглядеть на него. Решили развести костёр и сварить мясной суп.

— Змей, почуяв запах мяса, непременно выползет из норы,— уверяла лисица.

— Я пойду за мясом,— сказал медведь.

— Я дров наберу,— сказал волк.

Ну, а лиса побежала добывать большой котёл.

Медведь зарезал в ханском стаде быка. Волк натааскал гору хвороста. Лиса украла в ханской кладовой огромный котёл. Разожгли костёр, поставили мясо вариться, а сами спрятались в кустах, подглядывать.

Запахло мясом по всему лесу. Маракан проснулся. Он уже успел проголодаться, повёл носом, вылез из норы, увидел костёр, а на нём котёл и подумал: «Тут где-то близко люди» — и давай по кустам шарить.

Лисе показалось, что ашдага её ищет. Кинулась она бежать. Маракан испугался лисы и со страху прыгнул на дерево. А на дереве сидел медведь, который заранее там спрятался. Медведь подумал, что ашдага хочет его съесть, свалился со страху наземь и убежал. Следом за ним прыгнул в кусты насмерть перепуганный Маракан. А там притаился волк. Волк был уверен, что ашдага метил съесть именно его, и со всех ног кинулся наутёк.

Пока этот переполох шёл, костёр догорел, мясо поспело. Маракан набил живот мясом и в мешок про запас положил кусок побольше. Пошёл домой.

А дома о нём давно уже беспокоился Аракан и очень Маракану обрадовался.

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ

Шёл по лесу голодный лев, а навстречу ему брели волк и лиса. Увидев царя зверей, кинулись они наутёк, но лев остановил их и предложил:

— Хотите, пойдём на охоту вместе? Добычу разделим по справедливости.

Как было не согласиться!

Вышли они втроем на охоту. Поохотились. Добыча у них оказалась такая: сначала белка, потом заяц, а под конец олень.

— Ну что ж, волк, приступай к дележу, — приказал лев.

— Ты лев, — говорит волк, — ты наш повелитель. Тебе полагается первая добыча, я, уж так и быть, буду доволен последней, а лиса...

Рассвирепел лев, даже не дослушал волка, взмахом лапы свернул ему шею.

— Дели ты, лиса! — зарычал он.

— О царь зверей, о господин мой лев! — сказала лиса, поглядывая искоса на мёртвого волка. — Ты самый могучий из нас, тебе — львиная доля. Зайца ты съешь утром, оленя — в обед, белку — на ужин. А мне, малому зверю, много ли нужно! Что оставишь, то и довольно!

Очень понравился льву такой делёж.

— Какая ты умница! — воскликнул он. — Откуда у тебя столько ума?

— Я умна, потому что иногда мне доставался кусочек от волчьего языка, — скромно ответила лиса.

С тех пор лев и лиса неразлучны. Он охотится, а она подбирает остатки.

ЛИСИЦА И ЖУРАВЛЬ

Жили однажды вместе, одной семьёй, лиса и журавль. Было у лисы три лисёнка; было у журавля три журавлёнка.

Ушёл как-то журавль на охоту, а лиса взяла да и съела одного журавлёнка.

Вернулся журавль домой, лиса бежит к нему навстречу и горько плачет.

— О чём ты плачешь?— встревожился журавль.

— Ах, как же мне не плакать! Лучшее наше дитя погибло!

— Чьё дитя?— закричал журавль.— Моё или твоё?

— Разве я когда-нибудь отделяла твоих детей от моих?— обиделась лиса.— Твоё было дитя или моё— не знаю. Знаю только, что была у него длинная шея...

Поплакал журавль, погоревал, да делать нечего.

За неделю съела лиса всех журавлят.

Догадался наконец журавль о коварстве лисы, потребовал ответа:

— Скажи, отчего мои журавлята все погибли, а твои лисята все целы?

— Откуда мне знать?— удивилась лиса.— Ты летаешь в небе, тебе должно быть видней, отчего погибли твои журавлята!

— Что ж, подымешься тогда и ты в небо,— сказал журавль.— Вместе посмотрим...

Завиляла хвостом лиса:

— У меня ведь крыльев нет. Как взлечу в небо?

— Садись!— сказал журавль.

Посадил лису к себе на спину и поднялся высоко-высоко, под самую тучу.

А когда поднялся, сбросил лису и крикнул ей вдогонку:

— Ну как, увидела теперь, отчего погибли мои журавлята?

— О журавль,— ответила лиса, камнем падая вниз,— я рассказала бы тебе кое-что о наших детях... если бы ты только помог мне остановиться!

ОХОТНИК И ЗАЯЦ

Расскажу я вам сказочку про охотника.

Жил-был охотник, бедный-пребедный. Ничего он не имел, кроме старого ружья.

Но зато рос у него маленький сыночек. Очень любил охотник своего маленького мальчика!

Вот вышел как-то охотник на охоту. Бродил-бродил и наткнулся на спящего под кустом зайца.

Взял охотник зайца на прицел, а сам думает:

«Эх, застрелю я сейчас зайца, сниму с него шкуру.

Снесу шкуру на базар, возьму за неё хорошие деньги.

На те деньги куплю телёнка.

Вырастет из телёнка бык.

Запрягу я быка в арбу, дам кнут в руки моему сыночку. Ну и обрадуется сыночек!

Крикнет он: «Цоб!», погонит быка...»

Размечтался охотник да как крикнет «цоб!» во весь голос.

А заяц проснулся, вылетел стрелой из-под куста, только его и видели.

Спохватился охотник, да поздно было.

ЧАЛТУК-АХМЕД

Жил на свете бедняк по имени Чалтук-Ахмед.

Не было у него никакого добра, а только одна старая, хворающая лошадь. Чалтук-Ахмед жалел свою лошадь. Целых две недели он не работал на ней, а по ночам пускал в поле на травку.

Но две недели прошли, а лошадь ничуть не поправилась. Она стала совсем тощей, и на спине у неё появились болячки.

Встревожился Чалтук-Ахмед. Решил всю ночь в поле караулить.

Вот пустил он лошадь пастись, а сам спрятался за большой камень.

Когда настала полночь, пришли дикие звери: волк, медведь, кабан и лиса. Они, оказывается, играли с лошадей, по очереди взбирались к ней на спину, царапали её когтями.

Не стерпел Чалтук-Ахмед. Выскочил из-за камня и переловил всех зверей. А звери испугались и стали просить, чтобы он отпустил их на свободу.

Волк сказал, что пригонит Чалтук-Ахмеду большое стадо овец. Кабан обещал вспахать его поле, медведь — показать в лесу старое дерево, в дупле которого полно мёду. Одна лиса ничего не пообещала. Она сказала только:

— Я худа и мала. Что тебе за польза, если ты меня убьёшь? Ты отпусти меня, быть может, я пригожусь тебе в трудный час.

Чалтук-Ахмед подумал-подумал и отпустил их всех.

На следующий день волк пригнал во двор Чалтук-Ахмеда стадо овец.

Кабан в свой срок вспахал клыками его маленькое поле. А там и медведь пришёл и стал звать Чалтук-Ахмеда за мёдом.

Чалтук-Ахмед взял с собой топор, бурдюки для мёда и пошёл с медведем в лес.

Завёл его медведь в лесную чашу, нашли они старое дерево, из дупла которого сочился душистый мёд, и тут медведь сказал:

— Вот теперь я тебя задушю и съем!

Обомлел Чалтук-Ахмед от страха и выронил топор, а медведь давай душить Чалтук-Ахмеда.

Вдруг слышат они, кто-то зовёт:

— Чалтук-Ахмед! Чалтук-Ахмед!

— Здесь я! — откликнулся тот, узнав голос лисы.

— Чалтук-Ахмед, не видел ли ты медведя? Сюда идут охотники, им нужна медвежья шкура.

Медведь испугался и шепнул Чалтук-Ахмеду:

— Скажи, что не знаешь, скажи, что не знаешь!

— Не знаю! — крикнул Чалтук-Ахмед.

— А это что перед тобой? — спросила лиса.

— Скажи — чурбан! Скажи — чурбан, — зашептал медведь.

— Это чурбан!— ответил Чалтук-Ахмед.
 — Разве у чурбана бывают уши?— спросила лиса.
 — Скажи, что это сучья! Скажи, что это сучья!— прошептал медведь.
 — Это сучья!— крикнул Чалтук-Ахмед.
 — Тогда возьми топор и ударь между ними покрепче!— приказала лиса.
 — Возьми топор и ударь легонько, милый Чалтук-Ахмед!— заплакал медведь.— Я никогда не забуду твоей доброты.
 — Нет, не верю тебе!— сказал Чалтук-Ахмед.
 Размахнулся и ударил медведя.
 Тут вышла из кустов лиса. Набрали они с Чалтук-Ахмедом полным-полны бурдюки мёда и пошли домой.

ХАЛА-АВА И ПЕТУШОК

Жила-была в одном ауле женщина по имени Халá-Авá. Злая-презлая. Никого она не любила, всех только обижала и бранила. Соседи даже во двор к ней заходить боялись. Собирала однажды Хала-Ава у себя в саду орехи, а на заборе сидел петушок.

— Дай мне орешек, Хала-Ава!— попросил он.

Швырнула Хала-Ава палкой в петушка, чуть лапки ему не перебила.

— Не приставай! Не дам!

Побежал петушок со слезами домой. Встретилось ему по дороге шило:

— Что с тобой, петушок? О чём ты плачешь?

— Попросил я у Хала-Авы орехов, а она в меня палкой бросила.

— Давай проучим злую Хала-Аву,— говорит шило.

— А как мы её проучим?— спросил петушок.

— Я спрячусь в подушку и, когда Хала-Ава сядет, уколую её!

Пошли петушок и шило вместе. Встретился им голубь.

— Куда идёте, друзья?

— Идём проучить злую Хала-Аву.

— Возьмите и меня с собой!

— А чем ты нам поможешь?

— Я сяду у очага. Когда Хала-Ава будет раздувать огонь, я золой засыплю ей глаза!

Пошли петушок, шило и голубь вместе. Встретился им камень:

— Куда идёте, почтенные?

— Идём проучить злую Хала-Аву.
 — Возьмите и меня с собой!
 — А чем ты нам поможешь?
 — Я лягу над дверью. Когда Хала-Ава будет выходить из дома, я стукну её по спине!

Пошли петушок, шило, голубь и камень вместе. Добрались наконец до сакли Хала-Авы.

Хала-Ава как раз прилегла вздремнуть. Пока она храпела, шило спряталось в подушку, голубь сел у очага, а камень лёг над дверью.

Захлопал петушок крыльями, зашумел.
 Хала-Ава услышала шум, подумала спросонок, что это кошка забралась в шкаф.

— Брысь, негодная!— сказала она.

А петушок ещё громче шумит, крыльями хлопает.

В сакле было темно, и Хала-Ава решила раздуть огонь. Только нагнулась она над очагом, голубь вспорхнул и засыпал Хала-Аве золой глаза.

Хала-Ава со страху так и села на подушку... Шило высунилось и укололо Хала-Аву.

Бросилась злая Хала-Ава к двери. Бух!..— камень стукнул её по спине.

Убежала злая Хала-Ава далеко-далеко. А петушок набрал орехов, наелся досыта и голубя угостил.

Камень орехи разбивал.

Шило ядрышки вытаскивало.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Капиева. Предисловие	5
МОРСКОЙ КОНЬ (аварская сказка)	11
ВОЛШЕБНЫЙ КОЛОДЕЦ (лакская сказка)	20
КРАСАВИЦА ЕЗЕНЗУЛХАР (аварская сказка)	25
ГУНУНА И ЦАРИЦА ВЕТРОВ (лакская сказка)	32
ТРИ БРАТА И ШАХ-ДЕВИЦА (аварская сказка)	38
СОРОК БРАТЬЕВ (кумыкская сказка)	44
СЕСТРА СЕМИ БРАТЬЕВ (лезгинская сказка)	53
МЕДВЕЖОНОК (лакская сказка)	60
БОГАТЫРЬ НАЗНАЙ (аварская сказка)	63
ДРУЗЬЯ ПАСТУХА (кумыкская сказка)	70
ПРЕКРАСНАЯ ПЕРИ (лакская сказка)	75
ГУГУРЧИ (лакская сказка)	80
ДЫНЬКА (лезгинская сказка)	89
ХИТРЫЙ БАЙБУРАК (кумыкская сказка)	94
СЫНОВЬЯ МЕЛЬНИКА (аварская сказка)	101
БАЦУЛАЙ И КАЦУЛАЙ (лакская сказка)	104
КАМЫР-БАТЫР (ногайская сказка)	109
ВЕДЬМА, ЛЮБИВШАЯ ХАЛВУ (лакская сказка)	112
ВЕДЬМА И ЦИНЦИР (лакская сказка)	114
КАК ПРОВЕРЯЕТСЯ ДРУЖБА (лезгинская сказка)	117
ХИТРОУМНЫЙ СТАРИК (кумыкская сказка)	121
ЛЕНИВИЦА (лезгинская сказка)	123
ПЯТЬ ГУСЕЙ (аварская сказка)	128

НАХОДЧИВЫЙ МЕЛЬНИК (аварская сказка)	130
ЗАЙЦЫ МУЗАИРА (кумыкская сказка)	131
КУКЛУХАЙ (даргинская сказка)	132
СИНИЙ ШАКАЛ (лезгинская сказка)	138
БАШМАЧОК ИЗАГУРЫ (лакская сказка)	143
ГЛУПЫЙ ВОЛК (лакская сказка)	145
ТРУСЛИВЫЙ ЗАЯЦ (лакская сказка)	149
ВОЛК И ЛИСА (даргинская сказка)	150
ПАХАРЬ И ЛЕВ (татская сказка)	152
КОТ МАРАКАН (лакская сказка)	154
ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ (татская сказка)	161
ЛИСИЦА И ЖУРАВЛЬ (даргинская сказка)	162
ОХОТНИК И ЗАЯЦ (ногайская сказка)	164
ЧАЛТУК-АХМЕД (кумыкская сказка)	165
ХАЛА-АВА И ПЕТУШОК (даргинская сказка)	169

Литературно-художественное издание

для младшего школьного возраста

ДАГЕСТАНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Ответственный редактор

Т. М. Тумурова

Художественный редактор

В. А. Горячева

Технические редакторы

М. В. Гагарина, И. С. Круглова

Корректоры

Л. В. Савельева, Е. А. Сукиясян

ИБ № 11807

Сдано в набор 18.06.90. Подписано к печати 03.06.91.
Формат 70×100¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт латинск.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,3. Усл. кр.-отт. 38,35.
Уч.-изд. л. 9,86. Тираж 150 000 экз. Заказ № 346.
Цена 3 р. 20 к. Орденов Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов издательство «Детская литература»
Министерства печати и массовой информации РСФСР.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Тверской
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства
печати и массовой информации РСФСР. 170040, Тверь,
проспект 50-летия Октября, 46.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Издательство радо будет
узнать ваше мнение
об этой книге
и её оформлении.

Пишите нам по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43,
Дом детской книги.

СПАСИБО!

Д14 **Дагестанские народные сказки/Пересказ.** для
детей Н. Капиева; Худож. Ю. Николаев.— М.: Дет.
лит., 1991.— 174 с.: ил.

ISBN 5—08—001491—1

Сборник знакомит юных читателей с богатством устного
народного творчества народов Дагестана. Здесь сказки о живот-
ных, бытовые, героические, волшебные.

Вступительная статья Натальи Владимировны Капиевой вво-
дит в поэтический мир народного творчества аварцев, лезгин,
кумыков, лакцев, даргинцев, ногайцев и других представителей
многоязычного Дагестана.

4803000000—300 436—90
M101(03)-91

ББК82.3Даг-6